

Г.С. Иваненко

**НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ
ЯЗЫКА И ПРАВА**

**Из практики производства судебных
лингвистических экспертиз**

Монография

2-е издание, стереотипное

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
2018

УДК 81+34
ББК 81я75
И18

Иваненко Г.С.

И18 На пересечении языка и права. Из практики производства судебных лингвистических экспертиз [Электронный ресурс]: монография. — 2-е изд., стер. — М. : ФЛИНТА, 2018. — 279 с.

ISBN 978-5-9765-3730-9

Настоящая книга адресована всем тем, кто является потенциальным участником судебного процесса, в котором могут быть использованы специальные познания в области лингвистики: следователям, судьям, адвокатам, а поскольку «от тюрьмы и от сумы не зарекайся», то и всем тем, кто общается на русском языке и может вольно или невольно нарушить своими словами закон. И конечно же, книга адресована лингвистам, с которыми автор делится своим опытом экспертной деятельности.

УДК 81+34
ББК 81я75

ISBN 978-5-9765-3730-9

© Иваненко Г.С., 2018
© Издательство «ФЛИНТА», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	5
ПРЕДИСЛОВИЕ. Язык как исток, объект и средство реализации права.....	6
ГЛАВА I. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК ДОКАЗАТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО В ПРОЦЕССЕ СУДОПРОИЗВОДСТВА	
1. 1. Правовые основы производства лингвистической экспертизы	26
1.2. Порядок проведения и оформления лингвистической экспертизы	41
1.3. Спорные аспекты содержания экспертного заключения	47
1.4. Типология судебных лингвистических исследований	65
ГЛАВА II. СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА	
2.1. Лингвистическое исследование в процессах о распространении порочащих сведений	73
<i>Лингвистическое исследование в процессе по защите чести, достоинства, деловой репутации</i>	<i>106</i>
2.2. Семантическая лингвистическая экспертиза — прочтение правового текста	114
<i>Лингвистическое исследование — трактовка правового текста</i>	<i>120</i>
2.3. Семантическая лингвистическая экспертиза в уголовном процессе	126
<i>Лингвистическое исследование семантического типа в уголовном процессе</i>	<i>131</i>
ГЛАВА III. СЕМАНТИКО - СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА	
3.1. Семантико-стилистическая лингвистическая экспертиза в процессах об оскорблении	142
<i>Лингвистическое исследование семантико-стилистического типа в процессе об оскорблении</i>	<i>197</i>

3.2. Семантико-стилистическая лингвистическая экспертиза в процессах о распространении экстремистских материалов.....	206
<i>Лингвистическое исследование в процессе о распространении экстремистских материалов.....</i>	<i>212</i>
3.3. Семантико-стилистическая экспертиза при нарушении закона о рекламе	229
<i>Лингвистические исследования семантико-стилистического типа в разбирательствах о нарушении закона о рекламе.....</i>	<i>233</i>
ГЛАВА IV. ЭКСПЕРТИЗА ПО УСТАНОВЛЕНИЮ ТОЖДЕСТВА	
4.1. Автороведческая экспертиза.....	236
<i>Лингвистическое исследование при разрешении проблемы авторства</i>	<i>239</i>
4.2. Установление факта плагиата.....	252
<i>Лингвистическое исследование в процессе о нарушении авторских прав.....</i>	<i>254</i>
4.3. Определение нарушения патентных прав (использование товарного знака или фирменного наименования).....	259
<i>Лингвистические исследования в процессах о нарушении патентных прав</i>	<i>261</i>
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	266

ОТ АВТОРА

Уважаемые читатели! Предлагаемая Вам книга представляет собой образец стилистической эклектики. Сухое, рациональное, строго научное повествование сменяется то и дело личными и личностными комментариями и оценками. Впрочем, и то и другое, как нам представляется, информативно, только информация эта разного рода. С одной стороны, опыт участия автора в качестве лингвиста-эксперта и специалиста в различных судебных процессах позволил накопить значительный материал, который заставил подвергнуть себя анализу и синтезу и спровоцировал научное исследование. С другой стороны, тот же опыт показал те проблемы, которые возникают перед участниками судебного процесса с привлечением лингвиста, и прежде всего проблемы, которые встают перед самим лингвистом. Не все из этого опыта укладывается в рамки строго организованного научного дискурса, многое находится на стадии констатации факта или на уровне вопроса, статус которого: научный (в рамках какой дисциплины – лингвистики или юриспруденции?), социальный, политический, психологический – еще трудно определить. Надеемся, читателями будет принято стремление автора рассказать не только о найденном, но и об искомом.

Просим отнестись с пониманием к тому духу оппозиции, которым проникнуты многие отрывки книги. Что поделать? Та научная область, о которой мы с Вами говорим, только начинает развиваться. Поэтому, дорогие читатели, поверьте, любые споры – с уважением, любое несогласие – с признанием права на иное мнение. В конце концов, именно желание сказать что-то новое, в чем-то не совпадающее с существующей практикой, в чем-то продолжающее и развивающее ее, заставляет любого автора предавать гласности свои изыскания, взгляды, позиции, размышления. Любая дискуссия, безусловно, будет способствовать развитию новой, сложной и еще неразработанной темы, находящейся в межпредметном пространстве.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Язык как исток, объект и средство реализации права

В предисловии делается обзор сфер пересечения языка и права, дается представление о направлениях развития молодой дисциплины юрислингвистики, о достижениях и проблемах в этой межпредметной области, о взаимодействии теории и практики. Лингвистическая экспертиза - одно из направлений межпредметного взаимодействия.

В начале XXI века в системе социальных наук наметились две противоположные и в то же время вполне гармонично дополняющие друг друга тенденции: с одной стороны, тенденция к дифференциации, с другой - к интеграции. Мы наблюдаем выделение в рамках одной науки все новых и новых дисциплин, и наряду с этим науки, самостоятельно функционирующие на протяжении даже не веков - тысячелетий - начинают взаимодействовать, влиять друг на друга, взаимно определять концептуальные положения в теории и решать конкретные задачи на практике. К выделению новой научной дисциплины, как и к созданию нового термина, следует относиться с большой осторожностью, избегая дублирования предмета изучения и объекта номинации. Однако новации и в той, и в другой сфере все же неизбежны, что обусловлено самим движением жизни.

Обозначим сферы взаимодействия права и языка, юриспруденции и лингвистики. В настоящий период данная область научных исследований приобретает статус самостоятельной научной дисциплины, называемой юрислингвистикой [Голев 1999], юридической лингвистикой [Прайдид 2004], лингво-правовой герменевтикой [Иваненко 2004]. Диапазон проблем, решаемых этой дисциплиной, чрезвычайно широк. Рассмотрим лишь некоторые аспекты заявленной проблематики.

Язык как исток права

Возможно, в период формирования человеческого общества реализация общественного договора и имела какие-либо невербальные средства выражения, однако в современном обществе язык - это единственное средство формулировки, выражения и передачи права. Естественный язык - это тело права, как и любой другой гуманитарной дисциплины. Все, что есть в праве, выражено только языком, может быть облечено только в его формы и ограничено его возможностями, семантическими и грамматическими. Специфика языка как оболочка юридических понятий и предоставляет широкие возможности, и накладывает определенные ограничения как на формализацию, так и на реализацию права.

Специфика юридического языка

Пожалуй, одним из первых аспектов юриспруденции, привлечших внимание лингвистов, стал язык текстов права. Задолго до появления юрлингвистики филология рассматривала стилевые особенности официально-делового стиля, который в основе своей есть язык права. Говоря об особенностях языка права, большинство исследователей рассматривают вопрос соотношения языка права и естественного языка. По-разному решая его, выделяя или нет специальный юридический язык как отдельную и самостоятельную систему, исследователи единодушно признают сам факт его специфичности.

К числу особенностей юридического языка, подвергающихся критике со стороны лингвистов, наиболее часто относятся следующие:

1. Сложный синтаксис (сложные синтаксические конструкции с различными видами синтаксической связи, длинные ряды однородных членов, обособления, в том числе уточнения, которые трудно соотнести с главным элементом, пассивные конструкции).

2. Отвлеченность многих понятий (неправильное поведение в быту, неприличная форма выражения).

3. Употребление юридических терминов, совпадающих со словами естественного языка, но отличающихся значением (порочащий, деяние, лицо)

4. Применение архаизмов (сей, оный, таковой).

Специфика юридического языка признается как факт, однако отношение к этой специфике различно. Нам наиболее близка позиция Н.Д. Голева [Голев 2005], признающего легкость/сложность восприятия юридического текста бытовым носителем языка фактором значимым, но вторичным.

Требования к языку правового текста

При всем своем разнообразии, правовые тексты призваны отражать реалии действительности, фактически имевшие место или моделируемые как должные. Юридические тексты относятся к официально-деловому функциональному стилю речи и на этом основании в идеальной модели воплощают такие его основные черты, как объективность, точность, неличностный характер.

Точность прежде всего предполагает однозначность понимания сообщенной в документе информации, адекватную декодировку. Социальная и экономическая значимость многих документов столь велика, что неточность формулировки неизбежно приводит к неоднозначному пониманию и различным трактовкам, вызванным либо искренним заблуждением, либо намеренной спекуляцией лингвистически дефектным текстом.

Опыт участия в качестве лингвиста-эксперта в судебных разбирательствах показал, что причина значительной части правовых конфликтов имеет лингвистический корень. К сожалению, правоустанавливающие документы нередко дают почву для различных толкований. Неоднозначность прочтения связана с несколькими типичными упущениями.

Во-первых, смысл локального отрезка текста может не совпадать со смыслом, выраженным в более широком контексте. Так, суды разных

районов г.Челябинска вынесли противоречащие друг другу решения по вопросу о распространении льгот по оплате коммунальных услуг не только на лиц, пострадавших от катастрофы на Чернобыльской АЭС, но и на членов их семей. Суд, отказавший в льготе, руководствовался п.3 ст.14 «Закона о социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», формальное прочтение которого действительно дает основания для такого решения. Суд, предоставивший льготу, руководствовался ст.15, уточняющей и конкретизирующей ст.14. Однако для адекватного прочтения документа только по обозначенному вопросу необходимо привлечение сведений из 13-ой и 15-ой статей, создающих необходимый полный контекст для разрешения проблемы, обоими судами решенной необъективно, без учета всех текстовых факторов. Тексты законов перегружены ссылками, осложненными уточнениями, часто не дополняющими, а кардинально меняющими смысл текста, к которому апеллируют, что создает правовые конфликты.

Вторая распространенная причина разночтений – языковая амфиболия (двусмысленность), вызываемая различными грамматическими причинами, например, употреблением зависимых элементов, отнесенных к членам предложения, связанным сочинительной связью. Так, двояко может быть истолкована следующая фраза: *«Подакцизными товарами признаются: ...автомобили легковые и мотоциклы с мощностью двигателя свыше 112,5 кВт (150 л.с.)»* Постпозитивное определение *«с мощностью двигателя свыше 112,5 кВт»* может относиться как к автомобилям легковым и мотоциклам вместе взятым, так и только к мотоциклам.

Третья причина неадекватного декодирования правового текста – формально грамотная, но чрезвычайно синтаксически загруженная структура, разобраться в которой носителю языка, не обладающему специальными лингвистическими познаниями, сложно.

Еще одна причина невыполнения документом своей функции – заложенное в нем противоречие лингвистического и, как следствие, логического характера. В некоторых случаях противоречивость текста – результат намеренной манипуляции. Избежать серьезных правовых проблем можно лишь при максимально лингвистически точном оформлении документа, в чем заинтересованы все, кто имеет к этому документу хоть какое-то отношение. Приведем пример намеренного введения в заблуждение противоречивой формулировкой. Гражданка А доверила гражданину Б распоряжаться своей квартирой, предполагая возможный ее залог. Квартира была продана на основании доверенности: *«Доверяю Б заключать все разрешенные законом сделки, в частности: с правом залога, определяя во всех случаях сроки, суммы и другие условия по своему усмотрению; быть моим представителем во всех учреждениях и организациях, включая органы государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним;...»*.

В анализируемом тексте одна часть предложения вступает в противоречие с другой: до присоединительной конструкции обобщающая часть имеет более широкий смысловой объем, чем раскрывающая часть. Местоимение «все» в русском языке предполагает обычно указание на полный перечень элементов. Начало предложения формирует мысль о том, что доверенное лицо получает право «заключать все разрешенные законом сделки», и без присоединительного оборота из текста логично вытекал бы вывод о праве доверенного лица на осуществление сделки «купли-продажи». Однако поскольку конкретизирующий ряд был открыт в тексте, в соответствии с законом построения однородного ряда в официальном документе на первом месте должен стоять самый значимый элемент. Но указание на право доверенного лица осуществлять сделку купли – продажи отсутствует, обозначено только право залога, в связи с чем меняется декодировка текста: местоимение «все» воспринимается как «все следующие», «все, которые ниже будут перечислены». Оборот «в частности»

имеет два значения: иллюстративное (синоним «например») и конкретизирующее, раскрывающее (синоним «а именно»). В первом значении слово употребляется в разговорном, художественном и публицистическом стилях. В научном же и официально-деловом стилях оно реализуется во втором значении, то есть предваряет четкий и полный перечень того, что является частным проявлением общего, названного перед «в частности». Перечень этот составляется по принципу убывающей значимости элементов ряда. Следовательно, в нашем случае обособленный присоединительный оборот, вводимый единицей «в частности», должен содержать конкретный, полный и четкий перечень прав доверенного лица.

Обозначенные противоречия вылились в правовой конфликт, избежать которого можно было бы при большем внимании всех участников ситуации к языковому оформлению документа.

Документы, представляющие собой законодательную, правоустанавливающую норму, должны содержать все необходимые элементы для адекватной декодировки. К сожалению, нередко текст закона имеет варианты осмысления, обусловленные использованием слов с очень неконкретной семантикой. Так, в соответствии со ст. 152 ГК РФ, порочащими считаются *«не соответствующие действительности сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства или моральных принципов (о совершении нечестного поступка, неправильном поведении в трудовом коллективе, быту и другие сведения, порочащие производственно – хозяйственную и общественную деятельность, деловую репутацию и т.п.), которые умаляют честь и достоинство гражданина либо деловую репутацию гражданина или юридического лица»* (ст.152 ГК РФ). При рассмотрении дел по этой статье возникает целый ряд вопросов: что считать нечестным поступком и неправильным поведением? что считать утверждением? любое ли сообщение может быть проверено на предмет соответствия действительности?

Таким образом, анализ конкретного материала – текстов документов, вызвавших правовой конфликт - позволяет говорить о приорите такого качества правового текста, как однозначность. Адекватное выполнение юридически значимым текстом своей функции зависит в значительной мере от лингвистически грамотного оформления текста и столь же грамотного его прочтения.

Перевод юридического текста

Ограничительная специфика любого языка как средства оформления правовой нормы в полной мере выявляется при переводе юридических документов на другой язык. В лингвистике давно уже стало общим местом положение о невозможности абсолютно адекватного перевода. Как правило, говорят об этой нетождественности чаще применительно к художественным текстам, требующим выражения тонких оттенков смысла, образных и интертекстуальных пластов, что невозможно в полной мере осуществить средствами другого языка, имеющего другую грамматику, лексику, другие ассоциативные связи, базирующемся на иной культуре, иных концептах. На первый взгляд представляется, что юридический текст, как ориентированный исключительно на прагматическое понимание, гораздо легче облечь в форму другого языка.

Анализ переводов правовых текстов и свидетельства переводчиков приводят к выводу о высшей степени проблематичности юридического перевода. То, что кажется упрощающим фактором - ориентация на точность - является фактором обратного характера.

Главное требование к языку закона и другого юридического документа - точность, однозначность понимания. Даже в рамках родного языка законодатели не могут добиться этого качества правовых текстов, при переводе же неизбежно возрастает возможность неоднозначного понимания.

Актуальность вопросов контрастивного анализа языков в правовой сфере, а также методологии и техники перевода юридических текстов обусловлена значительными изменениями, произошедшими в сфере

политических и экономических международных отношений в последние десятилетия, в первую очередь в государствах-членах ЕС. По этой причине эта тема всё чаще привлекает внимание исследователей. Диапазон обсуждаемых в этой связи вопросов намечен в работах [Мушнина 2004] и [Бертолот 1999]. Передадим в общих чертах выявленные исследователями в сфере перевода правовых текстов проблемы.

Переводимые тексты принадлежат к самым различным типам, при переводе которых следует учитывать, что каждая категория текстов (в первую очередь это касается законов и судебных решений) отличается свойственным ей стилем и языковыми особенностями, которые должны быть по возможности сохранены в тексте перевода.

В сравнительном правоведении тексты переводятся по большей части в познавательных целях, в других областях переводы непосредственно влияют на осуществление правосудия и обеспечение правопорядка. Так, на межгосударственном уровне переводы нужны в основном для осуществления права, а в международном праве переводы необходимы для проведения международных соглашений.

Качество перевода заключается в его точности, понятности и хорошем стиле. Однако все эти качества часто исключают друг друга. Значение характеристик понятности, точности и стиля перевода различно в зависимости от типа юридического текста, его функции и адресата. Так, например, при переводе юридических дискуссий, предназначенных для ознакомления с определёнными правовыми вопросами широкого круга читателей, понятность и стиль могут оказаться важнее точности передачи информации. А в переводе приговора, который должен быть приведён в исполнение в другой стране, точность является важнейшим требованием.

Трудности перевода возникают чаще, если переводимый текст относится к сфере, в которой национальные и региональные особенности правовой системы ярче выражены (например, процессуальное право, семейное право, административное устройство). Наоборот, тексты из

правовых областей, основанных на международном обмене и сотрудничестве, легче поддаются переводу (например, торговое право, банковское право, сфера защиты прав потребителей). Последнее можно сказать и о некоторых областях права, одинаково развивающихся и формирующихся в государствах, находящихся на приблизительно одинаковом уровне общественно-экономического развития (например, право окружающей среды).

Если языки и правовые системы родственны, то перевод осуществлять легче, однако языковое родство не облегчит переводчику его задачи, если правовые системы значительно отличаются друг от друга. Для сохранения правового содержания юридические тексты следует всегда переводить с оригинального языка и избегать перевода с переведённого текста (такие случаи часто встречаются, например, с переводами с «общего» языка, например, с английского, отчётов о положении в определённой правовой сфере в различных государствах).

Так как перевод юридических текстов требует глубоких специальных знаний, то юридические тексты часто переводятся юристами, а не профессиональными переводчиками. Эта практика утвердилась, в частности, в администрации ЕС, где юристы проверяют тексты, созданные переводчиками, а в Суде ЕС в качестве переводчиков работают только юристы.

Традиционные вспомогательные средства переводчика – одноязычные и двуязычные словари и справочники для юридических переводов – зачастую недостаточны. Поэтому переводчики пользуются и научной литературой. Многие исследователи обращают внимание на отсутствие хорошей справочной литературы, которая содержала бы объёмную информацию о юридических понятиях и сферах их употребления. Однако вместе с тем большинство исследователей признают, что создание таких справочников является крайне трудоёмким процессом.

В международных соглашениях тексты на всех официальных языках, в отличие от неофициальных языков, имеют одинаковую юридическую силу. В странах с несколькими государственными языками тексты законов, существующие согласно конституции на всех этих государственных языках, имеют равную юридическую силу. То же касается и права ЕС. Однако толкование законов и других юридических актов ЕС требует обязательного сравнения их текстов на разных официальных языках. Таким образом, наличие нескольких официальных языков связано с повышенным риском нарушения правовой безопасности.

Язык как объект права

Язык, воплощенный в речи - мощнейшее средство формирования действительности. Все реальные, практические действия берут начало в сфере речевой коммуникации. В начале было слово. В силу осознания государством значимости вербального оформления действительности, речевая деятельность регулируется законодательно. В этих случаях язык становится объектом права. Конкретное содержание и практическая реализация законов, определяющих жизнь языка и речевую практику, зависит от типа государства, характера и особенностей государственного устройства и политической системы.

Все разнообразие «языковых законов» можно охватить двумя антагонистичными типами: нормы, предоставляющие речевую свободу, и нормы, ограничивающие речевую свободу. В России разрешительная норма представлена единой, универсальной и недискретной декларацией свободы слова. Запретительная норма представлена целым рядом положений из Гражданского и Уголовного кодексов РФ. Сказанное не содержит никакой иронии относительно преобладания запретов, а всего лишь отражает общую тенденцию к обобщенности разрешения и конкретности запрета. Закон о СМИ и Закон о рекламе представляет правовую норму в сфере информационного регулирования в обеих этих ипостасях.

Регулирование языковых норм (реформы языка)

Правовая норма регулирует норму языковую даже в сфере, казалось бы, отвлеченной от государственной политики. На обозримом протяжении существования нашего государства известна не одна реформа языка, инициированная правительством. Цель таких реформ - упрощение и языка, формирование единообразия в речевой сфере, приведение в соответствие устной речевой практики ее письменному выражению, уничтожение речевой дифференциации как отражения социальной, ознаменование нового этапа в жизни общества.

Последствия одних реформ в сфере языка в силу частного характера затрагиваемых норм оказываются незначительными и не имеют заметных социально-политических последствий. Другие реформы имеют ярко выраженную социальную направленность. Так, в декабре 1919 года Московское лингвистическое общество получило письмо из научного отдела Народного комиссариата просвещения с предложением ввести «латинский шрифт для всех народностей, населяющих территорию Республики...как существенное средство для укрепления международных культурных связей». Лингвисты, признав, что «с научной точки зрения нет противопоказаний для применения с известными изменениями латинского алфавита вместо обычного русского шрифта», усомнились в целесообразности такой реформы, приводящей к разрыву с традициями русской культуры. Мнение лингвистов было учтено, и радикальная реформа не состоялась.

Гораздо менее претенциозная, но реально воплощенная реформа 1918 года, помимо упрощения орфографии, привела и к возникновению еще одной границы «до» и «после» - в сфере словесного творчества. Новая орфография символизировала новую жизнь, и сохранение дореформенной орфографии было знаковым. Так, И.А. Бунин до самой своей смерти намеренно и демонстративно писал в соответствии со старыми нормами: в эмиграции он имел такую возможность, в СССР его произведения, конечно же, подвергались корректировке и лишались дополнительной знаковости.

Количество и степень радикальности языковых реформ отражает национальный менталитет и правовую систему государства. При признании определенной полезности и необходимости реформ бесполезно осознать, что современный англичанин способен понять текст Шекспира, а современный россиянин с трудом может читать произведения XIX века, а надежды на адекватное понимание обычным носителем языка текстов XVI, XVII, даже XVIII веков почти нет.

Таким образом, право определяет динамику нормы языка, а динамика нормы языка отражает социально-политические цели государства.

Закон о государственном языке

Язык - наиболее яркое, пожалуй, проявление национальной культуры как показателя национальной определенности: наличие своего языка свидетельствует о самом факте существования нации, различие языков стопроцентно указывает на национальную дифференциацию, сходство же языков заставляет задуматься об общности национальных корней, о длительности исторического функционирования в качестве единого государственного образования. Языковая политика является зримой проекцией политики национальной.

Языковая политика государства наиболее полно отражается в Законе о государственном языке. Ключевым положением такого закона является придание статуса государственного одному или нескольким языкам. Однако не менее существенны вопросы, связанные со статусом языков, не утвержденных в качестве государственных, и положением их носителей: каковы возможности и границы применения государственного и негосударственных языков? имеют ли возможность носители негосударственного языка сохранять свою этнокультурную специфичность и в каких формах имеют право ее проявлять? каковы возможности получения образования у носителей негосударственного языка?

Решение поставленных вопросов в государствах бывшего СССР является мощным конфликтогенным фактором, вносящим конфронтацию в

общество. Так, законодательно введенные в Латвии экзамены по латвийскому языку как необходимое условие получения гражданства, проигнорированы значительной частью русскоязычного населения, воспринявшего это положение как ущемление своих прав. Массовые возмущения вызвало в Украине и странах Прибалтики ограничение возможностей получать образование на русском языке, по исторически сложившимся причинам чрезвычайно значимом в культурном пространстве этих государств.

Правовое разрешение информационного конфликта

Социальные изменения последнего десятилетия в России повлекли за собой информационную революцию, к последствиям которой не готово ни сознание реципиентов, ни правовая система. Политическая борьба партий и их лидеров, экономическая конкуренция предприятий, любое противостояние идей и концепций как сугубо практического так и отвлеченно-эстетического характера – все это так или иначе отражается в средствах массовой информации. К сожалению, в настоящий момент приходится констатировать несформированность национальной информационной культуры, что подтверждается увеличением количества информационных конфликтов, разрешаемых в судебном порядке.

Информационным мы называем любой конфликт, возникший в результате распространения какой-либо информации. Термин «информация» в данном случае имеет самое широкое и обобщенное значение и обозначает любое новое знание или псевдознание объективного или субъективного характера. Любое произведение речи может стать причиной конфликта и объектом разнонаправленных интересов. Как правило, правовым путем разрешаются речевые конфликты, возникшие в результате распространения информации в СМИ, хотя существенно участились обращения в суд, вызванные речевым конфликтом частного характера.

Назовем основные группы информационных речевых правонарушений: умаление чести, достоинства, деловой репутации

(распространение порочащих сведений, клевета, оскорбление), нарушение авторских прав (плагиат, искажение авторского текста, использование товарного знака, фирменного наименования), речевой экстремизм.

Умаление чести и достоинства и нарушение авторских прав - конфликты, представляющие противоборство физических и юридических лиц. Распространение экстремистских материалов - конфликт, в котором одной стороной является государство.

Правовая система не готова к рассмотрению новой для нее сферы, долгие десятилетия находившей лишь формальное отражение в правовых документах и не разрабатываемой на практике. Несовершенство юридического инструментария при рассмотрении дел этого типа проявляется в некорректности формулировок правовых документов, исключающих четкое единообразное понимание и, следовательно, порождающих субъективизм в судебных разбирательствах. Объективации судопроизводства в обозначенной сфере препятствуют многие факторы: нетождественное использование ключевых понятий, отсутствие критериев классификационных категорий, определяющих правовые последствия процесса.

Речевое деяние лежит в основе целого ряда преступлений.

Речевым информационным преступлением по форме и по содержанию является дача заведомо ложных показаний. В данном случае именно содержание речи является предметом преступления, и именно лингвистический анализ логико-семантического характера является основой его выявления. Практика по этому вопросу почти отсутствует, и тема ждет своих исследователей.

Уголовно наказуемо ложное сообщение о теракте, ложный вызов какой-либо государственной службы. В этих случаях содержание речи не имеет существенного значения, текст можно заменить абстрактным знаковым сигналом, поэтому речевыми эти преступления можно назвать с известной долей условности. Однако при раскрытии таких преступлений

лингвистический инструментарий может быть использован для определения по звучащему тексту характеристик говорящего. На настоящий момент разработаны методики, позволяющие с высокой степенью достоверности определить биолого-физиологические и социально-культурные свойства автора аудиотекста.

К информационным можно отнести такие виды преступления, как разглашение государственной тайны, разглашение сведений о частной жизни лиц, известных в связи с профессиональной деятельностью, например тайны усыновления. Речетворчество правонарушителя в таких случаях всего лишь возможно, но не обязательно. Форма распространения сведений гораздо менее существенна, а в некоторых случаях и несущественна, в отличие от самого факта распространения. С появлением электронной сети появился новый тип информационного преступления - компьютерное. Хотя новой является только форма преступления, средство его реализации, цель и сущность его стары как мир. База данных вскрывается с целью получить информацию и использовать ее в корыстных целях. Эти преступления логично охарактеризовать как информационные, но вряд ли допустимо как речевые. Это свидетельствует о том, что понятие информации шире понятия речевой информации. Нас же интересует именно сфера пересечения лингвистики и юриспруденции.

Язык как средство реализации права

Язык является не только истоком и объектом права, но и средством его реализации. Средством решения юридических задач может быть не только язык как знаковая система, но и лингвистика как наука о языке, в частности его прагматических возможностях.

Речевая коммуникация в сфере права

Юриспруденция - гуманитарная дисциплина, и от владения языком участниками процесса в значительной степени зависит его исход. Одно из направлений юрлингвистики изучает языковое поведение сторон перед судом. Это широкое направление исследований включает, в частности,

вопросы риторики, стилистики, лингвистики текста, а также различные чисто языковые аспекты, например, социальные и диалектные различия в языковом поведении участников коммуникации.

Юридическая аргументация, имеющая не исключительно лингвистическую природу, основанная на законах логики, связанная с положениями философии, отталкивающаяся, естественно, от собственно правовых категорий, полное свое выражение находит все же в языковых формулировках, неточность которых уничтожает в свете практического результата ценность всех скрытых этапов осмысления ситуации. Нуждается в разработке направление юрлингвистики, изучающее способы и возможности выражения юридических аргументов средствами естественного языка с учётом его многозначности, вариантности и неопределённости. Юридическая логика рассматривается тем самым через призму возможностей и свойств языка.

Лингвистические приемы расследования

Отчасти к сфере речевой коммуникации относятся и лингвистические приемы расследования, однако сущность их прагматической направленности позволяет придать самостоятельный статус этому научному направлению. Следственная процедура включает в качестве одного из компонентов, и весьма существенных, допрос свидетелей, обвиняемых, потерпевших. Получение достоверной, точной и по возможности максимально полной информации зависит от общих речевых навыков следователя и от специфических профессиональных умений, технических приёмов расследования, имеющих лингвистическую природу. Изучение и разработка таких приёмов основываются не только на лингвистическом инструментарии, но и на психологическом, и этнокультурном, и даже физиологическом. Объединение сведений из различных научных дисциплин с целью разработки новых, эффективных в современных условиях (меняется социум, меняется человек и его

психология) методов ведения следствия - актуальная потребность правовой системы.

Лингвистическая экспертиза

В тех случаях, когда объектом судебного разбирательства является текст как произведение речи и правовое разрешение ситуации требует анализа текста, неизбежно возникает потребность в привлечении специальных познаний из области лингвистики. Лингвистические экспертизы (в случае назначения судом) или заключения (представленные одной из сторон) на основании предмета рассмотрения можно разделить на три группы: семантическая, семантико-стилистическая, экспертиза по установлению тождества. Настоящая книга структурирована на основе выделения этих трех типов судебных лингвистических исследований.

Семантическая экспертиза преследует цель выявить смысл конфликтного текста, его лингвистическую стратегию и тактику, стилистическую форму воплощения. Семантическая экспертиза востребована при разрешении различных типов информационных конфликтов: при распространении порочащих сведений, клевете, оскорблении, экстремизме. Характер и структура экспертиз зависят от типа разрешаемой проблемы, однако общей является семантическая направленность лингвистического исследования. Методика семантической экспертизы на настоящий момент не может считаться разработанной. Правовые категории требуют соотнесения с лингвистическими. Так, например, содержание понятия «порочащий» в общенародном языке отличается от правового. Требования юридической системы к лингвисту-эксперту при определении «неприличной формы выражения» совершенно не обеспечены лингвистическим инструментарием, поскольку такой термин в филологии отсутствует. Нет ясности в вопросе дифференциации сведений на фактуальные (событийные, описательные) и оценочные (мнения, оценки, прогнозы). При кажущейся внешней прозрачности эта проблема вновь и вновь возникает в конкретных судебных разбирательствах и, будучи концептуально значимой, нуждается в глубоком

и всестороннем теоретическом обосновании. Выработкой совместной лингво-юридической терминологии, соотнесением понятий, разработкой методик лингвистического анализа текста применительно к определенным типам процессов (опорочение, клевета, оскорбление) занимается современная юрислингвистика [Голев, Жельвис, Кондрашова], в том числе автор настоящей книги [Иваненко].

Лингвистическая экспертиза семантического типа может быть направлена и на собственно правовой текст, ставший причиной разногласий сторон. Различное толкование закона либо другого юридически значимого текста (завещания, доверенности) требует четкого, аргументированного анализа. Анализ правовых документов опирается на разработанное в теории права учение о толковании закона, определяющее его виды, способы, приемы, среди которых на первое место традиционно и вполне оправданно выносятся так называемое грамматическое толкование как совокупность методов анализа речевых форм законодательного текста.

Юридическая семантика – одно из интереснейших направлений юрислингвистики, область, берущая своё начало в классической юридической герменевтике и впитавшая на пути своего развития современные идеи философии, а затем и новые направления и методы лингвистики.

Семантико-стилистическая экспертиза преследует цель выявить не только и не столько содержание высказывания, сколько содержащиеся в нем коннотации: оценки, призывы, противоправное воздействие на реципиента (оскорбление, экстремизм, ненадлежащая реклама).

Методы автороведческой экспертизы, служащей цели определения авторства спорного текста, имеют историю и разработаны лучше, чем методы семантической экспертизы. Однако произошедшие в современной речевой практике сдвиги в стилистической норме, наблюдающаяся функционально-стилистическая универсализация, деиндивидуализация речи, особенно публицистической, а также популяризация приемов стилизации -

все это усложняет процедуру авторизации и требует разработки более тонкого инструментария. Так, известны автороведческие экспертизы, основанные на анализе не только одного языкового уровня, как правило, лексического, но и одного его пласта, например, вводных слов. Не исключая возможности объективного разрешения проблемы при таком подходе, предположим, что велика вероятность ошибки, поскольку в журналистской практике качественный набор и частотность вводных элементов, как показал анализ, примерно идентичны у различных авторов.

Лингвистическая экспертиза по установлению тождества или сходства до степени смешения фирменных наименований зиждется на весьма шатком фундаменте патентоведческой теории, не разъясняющей критерии «сходства до степени смешения». Разработка методики экспертизы такого типа - перспектива исследователей в сфере юрислингвистики.

Обзор проблем, связанных с юрислингвистической экспертизой, показал, что в этой сфере на настоящий момент больше вопросов, чем ответов.

Взаимодействие языка и права наблюдается в трех плоскостях: в науке, в юридической практике, в юридическом образовании. Юридическая практика объективно востребовала исследования, осуществляющие лингвистическое обеспечение права, а также показала необходимость подготовки юриста, владеющего естественным языком как своим основным инструментом и имеющего общие представления о лингвистических аспектах юриспруденции.

Настоящая книга посвящена одной из сфер пересечения языка и права – экспертной деятельности специалиста-лингвиста в правовом поле. Широкому кругу читателей автор предлагает ознакомиться с возможностями применения специальных филологических познаний в различных типах процессов. Книга представляет собой обобщенный опыт экспертной деятельности, который может оказаться полезным всем возможным участникам судебных процессов, в которых так или иначе задействовано произведение речи. Одни фрагменты книги ориентированы в большей мере

не на коллегу-лингвиста, и потому сложны для восприятия читателям, не обладающим специальной подготовкой, другие, напротив, упрощено передают специальную информацию. Ищите же и находите то, что нужно именно Вам в данный момент. Надеемся, что Вы найдете ответ хотя бы на часть интересующих Вас в рамках данной тематики вопросов.

ГЛАВА I. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК ДОКАЗАТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО В ПРОЦЕССЕ СУДОПРОИЗВОДСТВА

Из этой главы читатель получает информацию о том, в каком случае он может рассчитывать на правовое разрешение информационного конфликта, какую роль в судебном разбирательстве играет лингвистическая экспертиза (заключение специалиста), каковы юридические основы деятельности лингвиста (его права и обязанности), каковы возможности и границы применения лингвистического анализа. Перечислены все необходимые требования к процедуре назначения или заказа лингвистического анализа, в зависимости от его типа: экспертиза или заключение. Названы требования к оформлению лингвистической экспертизы, позволяющие учитывать этот документ как юридически значимое доказательное средство. Предложена типология лингвистических экспертиз.

1.1. Правовые основы производства лингвистической экспертизы

Экспертная деятельность регламентируется многочисленными нормативными актами различного уровня. В информационно-правовых базах российского законодательства их насчитывается более 700 [Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы, с.9]. Процессуальные нормы назначения и проведения экспертизы закреплены и в Уголовно-процессуальном, и в Гражданско-процессуальном, и в Арбитражно-процессуальном кодексах РФ. Исключительно вопросам экспертной деятельности посвящен федеральный закон №73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31 мая 2001г.

С какой целью назначается лингвистическая экспертиза?

Цель любой экспертизы, и в том числе лингвистической – оказание содействия судам, судьям, органам дознания, следователям, прокурорам, адвокатам при разрешении вопросов, требующих специальных познаний. Лингвистическая экспертиза назначается в тех случаях, когда объектом рассмотрения в ходе следствия или судебного разбирательства является произведение речи или языковая единица.

Зачем привлекать к процессу лингвиста, если и без него все понятно?

Оказывается, понятно далеко не все. Характеризуя правовые проблемы, связанные с анализом текста, используем слова Шекспира: «И видимость от сущности далека».

Поскольку любой русскоговорящий человек считает себя способным понять текст на национальном языке, лингвистическую экспертизу часто воспринимают как излишество. Опыт же профессионального анализа текстов и сравнения результатов с бытовым восприятием показал, что сознание рядового носителя языка, даже владеющего языковой нормой, тяготеет к чрезвычайно субъективной трактовке.

Во-первых, каждый носитель языка опирается исключительно на свой языковой опыт, который всегда в ряде аспектов оказывается специфическим, определенным средой формирования и общения. Так, в языковой системе каждого человека есть определенный круг слов, которые он воспринимает отлично от основной массы русскоговорящих людей, придавая их значениям некие индивидуальные компоненты смысла. Представители различных социальных и профессиональных сред также объединены некой спецификой реализации речевой системы, одни слова представляются им более неприличными и обидными, другие – менее, чем представителям других социосистем.

Во-вторых, почти всем нелингвистам представляется очевидным первый пришедший им в голову смысл высказывания, предложения, текста. Многие и не догадываются о возможности двусмысленности конструкции и упускают второй или третий и, возможно, имеющий значение для ситуации, смысл. Лингвист же даже просто технически знает ряд моделей, создающих неоднозначность, и сразу реагирует на них. Например, потенциально двусмысленна конструкция отглагольное существительное в именительном падеже + существительное в родительном падеже: убийство Сталина. Проверьте себя: сразу ли Вы уловили двойной смысл словосочетания.

В-третьих, при общей способности любого русскоговорящего человека уловить общий смысл текста, высказывания, фразы, от неподготовленного читателя ускользают тонкие, скрытые смыслы, кажущиеся второстепенными, но зачастую позволяющие посмотреть на ситуацию иначе. Особенно внимание к деталям важно при расшифровке аудиозаписи. Диалог на внешнем уровне может иметь определенную тему, и только детали покажут, что внешний текст – лишь ширма. Также современные исследования в области речевой манипуляции помогают лингвисту увидеть в тексте средства скрытого воздействия на читателя / слушателя и определить характер и цель этого воздействия.

В-четвертых, интуиция хороша для осознания истины, а для ее доказательства нужны профессиональные знания, позволяющие убедительно доказать то или иное положение. Так, например, не исключено, что возможно эмпирическое сравнение стиля двух текстов и подсознательное выявление авторства, однако интуиция может и подвести, но главное – нужна методика определения факта. Научно обоснованная методика и выстроенные доказательства.

И, наконец, действительно есть случаи, когда лингвист видит не больше, чем любой рядовой носитель языка. Однако и в этом случае помощь лингвиста небесполезна. Противоположная сторона порой отрицает совершенно очевидные вещи и утверждает абсолютно немислимые – такова

работа адвоката. Например, по поводу высказывания лица X о лице Y, что Y *капитально принял на грудь* и по этой причине даже не смог встречать президента, звучало утверждение, что X ничего плохого про Y, собственно, и не сказал, может быть, он штангу на грудь принял. На бытовом уровне все мы понимаем абсурдность этого предположения. Дело лингвиста – доказать это профессионально.

По каким делам может быть назначена лингвистическая экспертиза?

Ни один нормативно-правовой акт не ограничивает сферу процессов, по которым может быть назначена лингвистическая экспертиза. В любом случае необходимость привлечения к участию в деле лингвиста обосновывается в постановлении о назначении экспертизы. Такое обоснование дает и адвокат, предлагая присоединить к материалам дела заключение лингвиста или обращаясь с ходатайством о его заслушивании в судебном заседании.

Обоснованием необходимости привлечения лингвиста к процессу в любом качестве (эксперта или специалиста) является исследование продуктов речевой деятельности, требующее специальных познаний. Опыт экспертной деятельности не позволил наметить ограничений по возможностям процессуального использования лингвистической экспертизы. Доказательным средством по процессу любого типа может служить произведение речи (записка, телефонный разговор, диалог, текст свидетельских показаний, допроса и т.д.), из которого нужно извлечь путем использования лингвистических методик какую-либо информацию: выражение намерений, сущность договоренностей, смысл переданного сообщения и др. В нашей практике заключение лингвиста использовалось в процессах об умышленном убийстве, о взяточничестве, экономических махинациях, вымогательстве.

Лингвистические познания требуются также при необходимости лингвистического толкования текста закона, устава какой-либо организации,

договора, завещания или любого другого правоустанавливающего документа. Поскольку потребность в таком толковании потенциально возможна при разрешении любой правовой проблемы, то и типология процессов, в которых возможно использование лингвистической экспертизы или заключения, повторяет уголовную, гражданскую и арбитражную процессуальную типологию в целом.

Стоит, однако, отметить те типы процессов, по которым заключение лингвиста является определяющим, если не главным, доказательным средством.

Прежде всего это процессы по защите чести, достоинства, деловой репутации.

В результате политического или экономического противостояния возникает информационный конфликт, который разрешается в рамках гражданского судопроизводства: ст.152 ГК РФ (распространение порочащих сведений).

Реже умаление чести и достоинства рассматривается как уголовное деяние: ст.130 УК РФ (оскорбление), ст.129 УК РФ (клевета), ст.297 УПК РФ (неуважение к суду).

В наш век осознания ценности результатов творчества и умственного труда все более популярными становятся посягательства на интеллектуальную собственность, предусмотренные ст. 146 УК РФ (нарушение авторских и смежных прав).

Социальные и политические процессы в стране породили активизацию преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, предусмотренных уголовным законодательством: ст.280 УК РФ – публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя РФ; ст. 282 УК РФ – возбуждение национальной, расовой и религиозной вражды; ст. 354 УК РФ – публичные призывы к развязыванию агрессивной войны.

Где и кем может выполняться лингвистическая экспертиза?

Экспертиза может выполняться как в государственном экспертном учреждении, так и в негосударственном, а также может быть поручена любому лицу, обладающему специальными познаниями.

В приказе Министерства юстиции РФ от 14.05.03. №114 «Об утверждении перечня родов (видов) экспертиз, выполняемых в государственных судебно-экспертных учреждениях министерства юстиции РФ, и перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях министерства юстиции РФ» (в ред. Приказов Минюста РФ от 12.09.2005. №169, от 09.03.2006 №36, от 12.03.2007 №48) лингвистическая экспертиза представлена в обоих перечнях.

Федеральный закон №73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31 мая 2001г. определяет правовую основу, принципы организации и основные направления судебно-экспертной деятельности в гражданском, уголовном и административном производстве. Закон этот регламентирует деятельность государственных экспертов и соответствующих учреждений, однако не монополизировал за ними эту сферу, а признает и допускает в силу ст. 41 к производству экспертизы практически на равных основаниях и лиц, не являющихся штатными сотрудниками государственных судебно-экспертных учреждений, но обладающих специальными познаниями в области науки, техники, искусства или ремесла.

В государственных экспертных учреждениях, в которых сложилась практика выделения двух типов исследований, требующих специальных лингвистических познаний, экспертные задачи по анализу единиц языка или речи, как правило, выполняется в рамках судебной фоноскопической и судебной автороведческой экспертизы. Это не означает, что государственное экспертное учреждение не может выполнить экспертизу другого типа, и

точно так же не означает, что фоноскопическая и автороведческая экспертизы не могут быть выполнены за пределами государственного экспертного учреждения.

В соответствии с названным законом, производство судебной экспертизы в негосударственном (частном) экспертном учреждении не предусмотрено, хотя и не запрещено. Ст. 199 УПК РФ, регламентирующая производство экспертизы в экспертном учреждении, не содержит указания о том, должно ли быть экспертное учреждение обязательно государственным. В последние годы в крупных городах стали появляться организации, предоставляющие услуги по производству экспертных заключений.

Закон не требует лицензирования экспертной лингвистической деятельности.

Закон не регламентирует ни статус, ни территориальную привязку того экспертного учреждения, которому поручается производство лингвистической экспертизы.

Закон не препятствует возможности поручения производства лингвистической экспертизы любому лицу, обладающему специальными познаниями, независимо от места его работы.

Кто такой эксперт?

Согласно ст.57 Уголовно-процессуального кодекса РФ, **экспертом** признается любое лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом, для производства судебной экспертизы и дачи заключения.

Сегодня еще ни один вуз или факультет университета в стране не проводит систематического обучения и специализации судебных экспертов-лингвистов, поэтому все специальные познания в этой области филолог с высшим образованием «добирает» или в результате стажировки у опытных наставников в экспертном учреждении, либо путем самостоятельного изучения соответствующих проблем.

Авторы «Памятки по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы» отмечают, что требования, предъявляемые к лицам, претендующим на должность эксперта в государственных судебно-экспертных учреждениях, весьма мягкие: наличие гражданства РФ, высшее образование и последующая подготовка по конкретной экспертной специальности. Закон не предусматривает требований о наличии минимального стажа в данной области, о наличии научной степени, публикаций, авторских методик. «Опыт показывает, что в этом смысле альтернативные негосударственные эксперты, как правило, выгодно отличаются обязательным наличием убедительного практического опыта работы и многочисленных научных регалий» [Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы, с.9-10]

Наш опыт экспертной деятельности также показывает, что факт производства экспертизы в государственном экспертном учреждении не является гарантом ее научной и методической убедительности, а следовательно, объективности.

Поручение производства судебной лингвистической экспертизы следователем или судом придает тому лицу, которому ее поручили, статус эксперта.

В настоящее время сложилась практика назначения лингвистической экспертизы конкретному лингвисту-эксперту, не являющемуся сотрудником государственного экспертного учреждения. Как правило, это преподаватели вузов и сотрудники научно-исследовательских институтов, имеющие высшее филологическое образование и ученые степени и звания. При назначении экспертизы важно учитывать специализацию ученого: при всем возможном признании широты кругозора филолога, глубина и объективность исследования будут зависеть от связи поставленных задач с кругом научного интереса исследователя. Вполне естественно при возникновении вопроса об исторической принадлежности

текста обратиться к историку языка, а в процессах по защите чести и достоинства – к преподавателю стилистики и анализа текста.

Правовые ограничения в отборе лингвиста для поручения ему проведения лингвистической экспертизы отсутствуют.

Так, с точки зрения правовой нельзя назвать незаконными поручения о проведении лингвистической экспертизы любому лицу с высшим филологическим образованием. В нашей практике в качестве лингвистов-экспертов выступали и учителя средней школы, и преподаватели училищ, и преподаватели высшей школы без ученой степени и звания, ведущие дисциплины, предмет которых чрезвычайно далек от предмета экспертного исследования, выпускники вузов, не проработавшие и года по специальности. Так, например, в сложнейшем деле об оскорблении, имеющем уголовный статус и влекущем для обвиняемого судимость, следователь назначил экспертом методиста Академии искусства и культуры, в которой не преподаются специальные лингвистические дисциплины, имеющего высшее филологическое образование и стаж преподавательской деятельности 20 лет (и все?!). Естественно, что в ходе судебного разбирательства возникли вопросы: какой предмет преподает эксперт? каковы его научные интересы и в какой научной работе они воплотились? какое отношение имеет его преподавательская деятельность к лингвистике? и, наконец, как все это подтверждает наличие специальных познаний в области лингвистики?

Таким образом, невысокие требования к лингвисту-эксперту со стороны закона в полной мере компенсируются высокими требованиями судебного процесса, имеющего состязательную природу и требующего максимально убедительных доказательств профессионализма эксперта.

По закону компетентность эксперта, то есть наличие соответствующих специальных познаний, определяет субъект, назначающий экспертизу. И субъект этот сам заинтересован в том, чтобы выполненное экспертное заключение по форме и по содержанию соответствовало всем

предъявляемым требованиям и выдержало напор и критику противоположной стороны. А для этого только высшего филологического образования недостаточно. Важна совокупность знаний в сфере, востребованной в конкретном случае. Необходимы практические умения и навыки решения конкретной экспертной задачи.

Так, например, осуществление автороведческой экспертизы требует знания соответствующих методик, а также понимания места и роли в тексте стилистических факторов, что определяется владением теорией стилистики и анализа текста на уровне, значительно превышающем уровень хорошего выпускника филологического факультета. Для осуществления этой процедуры, которая каждый раз становится самостоятельным научным исследованием, требуются действительно специальные познания. Специфика представленных на анализ текстов заставляет эксперта, действуя на основе уже известных методик, вносить в них коррективы, учитывать новые факторы, определять их значимость, роль и место в исследовании, их влияние на выводы. Практически любая семантическая экспертиза требует от лингвиста –эксперта выявления подтекста, определения стоящих за текстом действий, соотнесения речевого произведения с реалиями действительности. Для осуществления такой деятельности требуется определенный исследовательский потенциал и глубоки научные познания.

Но и только глубокого знания лингвистической теории недостаточно. Многолетний опыт участия в судебных разбирательствах в качестве эксперта и специалиста убедил автора настоящей книги в том, что лингвист, осуществляющий лингвистическое исследование с целью его представления в суде, должен в определенной мере представлять правовые последствия для участников процесса сделанных им выводов. Свои и чужие ошибки показали, что лингвистически грамотные, но не сориентированные на правовую систему и терминологию рассуждения лингвиста могут ввести в заблуждение суд и даже обернуться против самого лингвиста обвинением в заведомо ложных показаниях, что влечет за собой уголовную

ответственность. Этот же опыт показал, как важно в сфере экспертной деятельности соблюдение процессуальных формальностей, которые так чужды гуманитарному филологическому сознанию, но являются основой функционирования правовой системы. Убедительное по содержанию, но неправильно оформленное исследование может быть отвергнуто судом как доказательное средство.

Анализ большого количества лингвистических экспертиз показал склонность экспертов, не имеющих опыта выступления в суде, выходить за пределы своей компетенции и предлагать в качестве выводов вместо четко аргументированных и доказанных в ходе исследования положений некие домыслы, личностные оценки, психологические комментарии, может быть, и уместные в ходе анализа произведения в школе, но недопустимые в экспертизе.

Так, проанализировав значение и стилистическую окраску слова, эксперт в выводах вдруг пишет о том, что это слово говорящий сознательно употребил с целью унижить собеседника. Естественно, возникают вопросы: на чем основывается этот вывод? из чего следует, что употребил сознательно, а не под влиянием момента? как доказан тот факт, что у говорящего была цель унижить собеседника, а не цель, например, выплеснуть накопившийся негатив? и на каком вообще основании лингвист делает вывод о психологических мотивировках и прагматических целях говорящего?

Конечно, во многих случаях и вполне обоснованно лингвист может говорить и о целях, и о мотивировках. Важно, что он должен давать себе отчет, как он это докажет. В выводах могут содержаться только те положения, к которым лингвист пришел в ходе анализа. Бездоказательные же эмоциональные утверждения ставят лингвиста в чрезвычайно затруднительное положение на допросе в качестве свидетеля, а суд и следователя оставляют без того доказательного средства, на которое они рассчитывали, назначая экспертизу.

Из всего сказанного о статусе и реальных возможностях эксперта следует, что любой филолог с высшим образованием является потенциальным экспертом. Но только с формальной точки зрения. Если назначающая экспертизу сторона заинтересована в успехе дела, следует обратиться к специалисту, чьему профилю соответствует содержание требующих разрешения вопросов, имеющему опыт исследовательской деятельности, а следовательно, ученую степень, желательно с опытом экспертной деятельности.

Нельзя закрывать глаза и на вопросы статусного порядка, играющие определенную роль в состязательном процессе.

Не стоит забывать и о том, что мало изучить проблему и прийти к определенным выводам. Важно проявить способность убедительно представить результаты своего исследования. Принципы убедительности, доказательности, ясности важны и в письменной форме представления заключения, и в устной. Для успешного выступления в суде, где работник высшего учебного заведения или научно-исследовательского института может столкнуться с непривычной для него агрессией в ведении диалога противостоящими сторонами, от эксперта потребуются не только познания в определенной области лингвистики, но и психологическая устойчивость, ораторские (в широком понимании) данные, хорошая реакция, мобильность психики. Все эти качества потенциального эксперта: статусные, профессиональные и личностно-психологические – по возможности желательно учитывать при назначении экспертизы.

Лингвист же, избранный в качестве эксперта, должен ознакомиться с материалами дела и оценить свои познания в области требующих разрешения задач. В случае осознания недостаточности специальных познаний, незнания специальных методик, требуемых для ответа на поставленные вопросы, лингвисту разумнее отказаться от выполнения этой работы, чтобы не повредить объективности судопроизводства и не поставить себя в неловкое или даже смешное положение. На формальном уровне отказ

от осуществления роли эксперта должен быть письменно оформлен как мотивированное уведомление о невозможности проведения назначенного исследования и отправлен субъекту, назначившему лингвистическую экспертизу.

В чем различие между экспертом и специалистом?

Различие между экспертом и специалистом процессуальное. В реальности одно и то же лицо может выступать в обоих этих качествах, подобно автору настоящей книги. Эксперт назначается следователем или судом, а специалиста привлекают любые участники судебного процесса без постановления суда, по запросу.

Эксперт (согласно ст.57 УПК РФ) – лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом, для производства судебной экспертизы и дачи заключения.

Специалист (согласно ст.58 УПК РФ) – лицо, обладающее специальными познаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в установленном порядке для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию.

Заключением эксперта признаются представленные в письменном виде содержание исследования и выводы по вопросам, поставленным перед экспертом лицом, ведущим производство по уголовному делу, или сторонами.

Показаниями эксперта считаются сведения, сообщенные им на допросе, проведенном после получения его заключения, в целях разъяснения или уточнения данного заключения в соответствии с требованиями статей 205 и 282 УПК РФ.

Заключением специалиста является представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами и /или судом.

Показания специалиста – сведения, сообщенные им на допросе об обстоятельствах, требующих специальных познаний, а также разъяснение своего мнения в соответствии с требованиями статей 53,168 и 271 УПК РФ.

Чем отличается заключение эксперта от заключения специалиста?

Тем же, чем эксперт от специалиста, то есть статусом. Эксперт, назначенный следователем или судом, выполняет исследование, которое называется «Заключением эксперта», «Экспертным заключением» или «Лингвистической экспертизой». Если исследование выполнено по запросу обвиняемого или его представителей, истца, ответчика или их представителей в гражданском иске, без предъявления ими ходатайства перед судом о назначении экспертизы, то есть по частной инициативе в порядке сбора доказательств по делу, то оно имеет статус и название «заключения специалиста», «заключение лингвиста», а автор этого исследования приобретает в судебном процессе статус специалиста.

Стороне, привлекающей специалиста без ходатайства перед судом о назначении экспертизы, нужно быть готовой к тому, что ходатайство о приобщении к материалам дела заключения специалиста будет отклонено судом, хотя такое отклонение можно и обжаловать. Процентный состав отклоненных ходатайств о приобщении к материалам дела заключения специалиста ничтожно мал по сравнению с процентным составом удовлетворенных таких ходатайств, однако исключать такой возможности нельзя, для чего стоит уделить внимание обоснованию потребности в привлечении к процессу специалиста.

Такое обоснование приобретает особую значимость в тех случаях, когда лингвистическая экспертиза уже выполнена, получены ее результаты, и они вызывают несогласие или недоверие одной из сторон или одного из

участников процесса. В таком случае и возникает срочная необходимость в обращении к специалисту за заключением.

Есть еще одна статусная разновидность лингвистического анализа на службе у правовой системы – исследование, «лингвистическое исследование», «исследование лингвиста», играющее роль доказательного материала по возбуждению уголовного дела. После возбуждения уголовного дела назначается лингвистическая экспертиза, которую должен выполнять уже не тот специалист, который осуществлял доследственное исследование. Один и тот же объект, таким образом, подвергается анализу дважды. К исследованию, как правило, предъявляются более мягкие требования, его цель – сделать вывод о необходимости более подробного рассмотрения ситуации или об отсутствии такой необходимости. Исследование является обоснованием потребности в лингвистической экспертизе.

В то же время во многих случаях лингвистическое исследование в силу сложности объекта рассмотрения и неоднозначности возможных выводов преодолевает низкую планку предъявляемых требований и становится документом, по глубине представленного анализа и, соответственно, по значимости в судебном процессе не уступающим лингвистической экспертизе.

Назовем также жанр «лингвистической справки», представляющей собой краткое сообщение со ссылкой на научную или справочную литературу по заданным вопросам. За такими справками обращаются часто в связи с необходимостью установления идентичности имен с некоторыми графическими отличиями, зафиксированными в каких-либо правоустанавливающих документах.

Какой объект может быть представлен лингвисту на анализ?

На заключение лингвиста может быть представлен языковой факт или продукт речевой деятельности. Поясним: факт языка, а именно какое-либо слово или группа слов могут быть предложены лингвисту вне контекста как языковой материал для выявления значения. Значение и форма двух слов

может сравниваться для установления сходства и различия. Продукты речевой деятельности (предложение, высказывание, текст (печатный или аудио), диалог, полилог, книга) могут быть предложены на предмет выявления выражаемого ими смысла (смыслов) с интересующих следствие по данному делу позиций.

1.2. Порядок проведения и оформления лингвистической экспертизы

Порядок назначения и проведения лингвистической экспертизы

Порядок назначения и производства судебной экспертизы детально регламентирует глава 27 УПК РФ.

Следователь, признав необходимость в назначении судебной лингвистической экспертизы, самостоятельно выносит об этом постановление либо возбуждает перед судом ходатайство, в котором указываются :

- 1) основания назначения судебной экспертизы;
- 2) фамилия, имя, отчество эксперта или наименование экспертного учреждения, в котором должна быть произведена судебная экспертиза;
- 3) вопросы, поставленные перед экспертом;
- 4) материалы, предоставляемые в распоряжение эксперта.

Следователь знакомит с постановлением о назначении судебной экспертизы подозреваемого, обвиняемого, его защитника, и разъясняет им права, предусмотренные ст.198 УПК РФ. Об этом составляется протокол, подписываемый следователем и лицами, ознакомленными с постановлением.

Судебная экспертиза в отношении потерпевшего, а также в отношении свидетеля производится, как правило, с их согласия или согласия их законных представителей, которые даются указанными лицами в письменном виде.

Обвиняемый или ответчик и их представители также могут ходатайствовать перед судом о назначении судебной лингвистической экспертизы.

При назначении и производстве судебной экспертизы подозреваемый, обвиняемый, его защитник, истец, ответчик и их представители вправе:

1) знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы;

2) заявлять отвод эксперту или ходатайствовать о производстве судебной экспертизы в другом экспертном учреждении;

3) ходатайствовать о привлечении в качестве экспертов указанных ими лиц либо о производстве судебной экспертизы в конкретном экспертном учреждении;

4) ходатайствовать о внесении в постановление о назначении судебной экспертизы дополнительных вопросов эксперту;

5) присутствовать с разрешения следователя при производстве судебной экспертизы, давать объяснения эксперту;

6) знакомиться с заключением эксперта или с сообщением о невозможности дать заключение, а также с протоколом допроса эксперта.

Следователь вправе лично присутствовать при производстве судебной экспертизы, получать разъяснения эксперта по поводу проводимых им действий. Факт присутствия следователя при производстве судебной экспертизы отражается в заключении эксперта.

Свидетель и потерпевший, в отношении которых производилась судебная экспертиза, вправе ознакомиться с заключением эксперта.

При производстве судебной экспертизы в экспертном учреждении следователь направляет его руководителю постановление о назначении судебной экспертизы и материалы, необходимые для ее производства.

Руководитель экспертного учреждения после получения постановления поручает производство судебной экспертизы конкретному

эксперту или нескольким экспертам из числа работников данного учреждения и уведомляет об этом следователя. Руководитель экспертного учреждения, если оно негосударственное, разъясняет эксперту его права и ответственность, предусмотренные статьей 57 УПК РФ.

Руководитель экспертного учреждения вправе возвратить без исполнения постановление о назначении судебной экспертизы и все присланные материалы, если в данном учреждении нет эксперта конкретной специальности либо специальных условий для проведения исследований, указав мотивы отказа от производства экспертизы.

В случае производства судебной экспертизы вне экспертного учреждения, следователь вручает постановление и материалы для анализа эксперту и разъясняет ему права и ответственность, предусмотренные ст.57 УПК РФ.

Эксперт вправе возвратить без исполнения постановление, если представленных материалов недостаточно для производства судебной экспертизы или он считает, что не обладает достаточными знаниями или необходимым оборудованием для ее производства.

Права эксперта

В соответствии со своим статусом в процессе эксперт вправе:

- 1) знакомиться с материалами уголовного дела, относящимися к предмету судебной экспертизы;
- 2) ходатайствовать о предоставлении ему дополнительных материалов, необходимых для дачи заключения, либо привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов;
- 3) участвовать с разрешения дознавателя, следователя, прокурора и суда в процессуальных действиях и задавать вопросы, относящиеся к предмету судебной экспертизы;
- 4) давать заключение в пределах своей компетенции, в том числе по вопросам, хотя и не поставленным в постановлении о назначении судебной экспертизы, но имеющим отношение к предмету экспертного исследования;

5) приносить жалобы на действие (бездействие) и решения дознавателя, следователя, прокурора и суда, ограничивающие его права;

б) отказаться от дачи заключения по вопросам, выходящим за пределы специальных знаний, а также в случаях, если представленных ему материалов недостаточно для дачи заключения; отказ от дачи заключения должен быть заявлен экспертом в письменном виде с изложением мотивов отказа.

Эксперт не имеет права:

1) без ведома следователя и суда вести переговоры с участниками уголовного судопроизводства по вопросам, связанным с производством судебной экспертизы;

2) самостоятельно собирать материалы для экспертного исследования;

3) проводить без разрешения дознавателя, следователя, суда исследования, могущие повлечь полное или частичное уничтожение объектов либо изменение их внешнего вида или основных свойств;

4) давать заведомо ложное заключение;

5) разглашать данные предварительного расследования, ставшие известными ему в связи с участием в уголовном деле в качестве эксперта, если он был об этом заранее предупрежден в установленном порядке;

б) уклоняться от явки по вызовам дознавателя, следователя, прокурора или в суд.

Обязательные элементы заключения эксперта:

1) дата, время, место производства экспертизы;

2) основания производства судебной экспертизы;

3) должностное лицо, назначившее судебную экспертизу;

4) сведения об эксперте: фамилия, имя, отчество, образование, специальность, стаж работы, ученая степень, ученое звание, должность;

5) сведения об экспертном учреждении, если экспертиза поручена учреждению;

6) сведения о предупреждении эксперта об ответственности за дачу заведомо ложного заключения;

7) вопросы, поставленные перед экспертом;

8) объекты исследований и материалы, представленные для производства судебной экспертизы;

9) содержание и результаты исследований с указанием примененных методик;

10) выводы по поставленным перед экспертом вопросам и их обоснование.

Экспертиза должна быть подписана экспертом и опечатана таким образом, чтобы была исключена возможность замены отдельных листов текста. В случае отсутствия такого оформления подписан должен быть каждый лист текста.

Образец соответствующей всем требованиям экспертизы приложен к разделу 1.3. «Лингвистическое исследование в уголовном процессе». Остальные приложения представлены в сокращении, без некоторых необходимых формальных характеристик.

Типовые ошибки в оформлении текста экспертного заключения

1. Некорректная расстановка дат:

- отсутствует исходящая дата документа;

- дата подписки (сведения о предупреждении эксперта об ответственности за дачу заведомо ложного заключения) не соответствует дате назначения экспертизы;

- дата подписки противоречит срокам исполнения экспертизы.

2. Некорректность в оформлении выводов:

- отсутствуют выводы по исследованию;

- выводы количественно / качественно не соответствуют поставленным вопросам;

- в выводах содержится информация, не представленная и не доказанная в тексте исследования.

3. Не названы методы и методики исследования.
4. Отсутствует список литературы по теме исследования.
5. Не перечислены представленные на экспертизу материалы или отсутствует замечание о том, что копии заверены.
6. Отсутствуют подтверждения профессионализма эксперта: сведения о его образовании и регалиях, а также подтверждающие их копии соответствующих дипломов.
7. Подпись эксперта не заверена.
8. Текст экспертизы не прошит и каждый лист не подписан (допустим один из двух вариантов)

Требования к заключению специалиста

К заключению специалиста предъявляются гораздо более мягкие требования, чем к заключению эксперта. Оно имеет вольную форму и является научной консультацией в письменной форме, которую заказчик вправе использовать по своему усмотрению: оставить при себе, для сведения, включить его содержание в свое исковое заявление или в ответ на исковое заявление, оперировать полученной информацией в судебном заседании, и, наконец, ходатайствовать о заслушивании заключения в судебном заседании и о приобщении его к материалам дела.

В заключении специалиста как в жанре документа отсутствует подписка – сведения о предупреждении эксперта об ответственности за дачу заведомо ложного заключения. Все остальные структурные части заключения специалиста могут соответствовать структуре судебной экспертизы, поскольку их выделение вполне оправдано логикой научного исследования и логикой судебного разбирательства.

В заключении специалиста может отсутствовать методологическая часть, во всяком случае как специально выделенный блок текста заключения, что не исключает вопросов по этому поводу и сомнений в квалификации специалиста и объективности выводов.

В чем специфика комиссионной судебной экспертизы?

Субъект, назначающий экспертизу (суд или следователь), может поручить ее не одному, а двум или более экспертам. Такая экспертиза называется комиссионной. Руководитель экспертного учреждения также может принять решение о производстве комиссионной экспертизы.

Если по результатам проведенных исследований мнения экспертов по поставленным вопросам совпадают, то ими составляется единое заключение. В случае возникновения разногласий каждый из экспертов, участвовавших в производстве судебной экспертизы, дает отдельное заключение по вопросам, вызвавшим разногласие.

Что такое комплексная экспертиза?

Комплексной называется экспертиза, в которой участвуют эксперты разных специальностей.

В заключении экспертов, участвующих в производстве комплексной судебной экспертизы, указывается, какие исследования и в каком объеме провел каждый эксперт, какие факты он установил и к каким выводам пришел. Каждый эксперт, участвовавший в производстве комплексной судебной экспертизы, подписывает ту часть заключения, которая содержит описание проведенных им исследований, и несет за нее ответственность.

1.3. Спорные аспекты содержания экспертного заключения

Ограничивается ли экспертное заключение рамками заданных вопросов?

В определенной мере да. Для того эксперту и задали вопросы, во-первых, чтобы ограничиться рамками тем, интересных следствию и суду в рассматриваемом деле, во-вторых, чтобы ограничить круг компетенции специалиста и не провоцировать его на выход за пределы своей профессиональной ниши.

В то же время нельзя не признать, что и юристы могут не вполне ясно представлять себе сферу компетенции лингвиста, поскольку не знакомы с современными тенденциями в развитии науки. Так, например, в ходе одного судебного заседания судья счел, что вне компетенции лингвиста разрешать вопрос об имеющей в тексте место манипуляции, в то время как именно рассмотрение манипулятивных речевых приемов – одно из актуальных направлений лингвистики. Следовательно, суд и другие участники процесса не представляют возможностей современной лингвистики, и потому могут не поставить перед лингвистом вопросы, на разрешение которых он способен.

Поэтому если при производстве судебной экспертизы эксперт установит обстоятельства, которые имеют значение для уголовного дела, но по поводу которых ему не были поставлены вопросы, то он вправе указать на них в своем заключении.

Возможна и обратная ситуация: суд, следователь или другое лицо, задающее эксперту свой вопрос, могут, не представляя возможностей и границ лингвистики или возможностей предоставленного материала, а возможно, и вполне отчетливо осознавая это, преследуя свои интересы, спровоцировать лингвиста на выход за пределы своей компетенции.

Так, при семантическом анализе текстов протоколов прослушивания фонограмм с записью диалогов лингвист может говорить только о том, что прямо или косвенно следует из текста. Пользуясь методиками декодировки, можно что-то сказать о проскользнувшем подтексте, о подразумеваемом. Но есть вопросы, на которые нельзя ответить однозначно, исходя из предоставленных материалов. Участники процесса, имея свою версию происходящего, самим вопросом, а иногда и информацией в постановлении о назначении экспертизы, наводят лингвиста на определенную версию. Дело лингвиста – отделить доказанное от вероятностного, а в случае возможных допустимых вариантов понимания текста, трактовки диалога – сообщить о

всех возможных вариантах, предоставив другим специалистам на основе других доказательств выбирать из возможных вариантов верный.

Вопрос о возможностях творческого подхода лингвиста-эксперта к поставленным задачам представляется нам чрезвычайно важным. На настоящий момент методика решения судебных задач, связанных с рассмотрением текста, не выработана ни в юриспруденции, ни в лингвистике. Первые работы по этой тематике функционируют в рамках научного дискурса, лишь в редких случаях становясь основой для практического судебного разбирательства. К сожалению, до сих пор, по прошествии нескольких лет по наступлении бума информационных конфликтов, практикуются методы их решения, которые нельзя охарактеризовать иначе как непрофессиональными, не учитывающими основных нормативных документов по теме.

Так, нередки случаи признания порочащими мнений, оценок, прогнозов, хотя о недопустимости такого подхода четко сказано в Постановлении Верховного Суда от 25.02.05., а также негативных сведений, достоверность которых стороне-ответчику не дали возможности доказать, что противоречит самому понятию порочащих сведений, данному в 152 ст. ГК РФ. И заключение лингвиста в таких случаях послужит доказательным средством в пользу такого необъективного решения, если перед лингвистом поставят вопрос: «Содержатся ли в тексте сведения негативного характера?», или «Выражается ли в тексте негативное отношение к X?», или «Формирует ли текст негативное отношение к X?». Ответы на эти вопросы будут положительными, и лингвист может убедительно, красиво, профессионально, с привлечением терминов «концепт» и «метафора» и других сложных и умных слов доказать это. Но в действительности ответ на этот вопрос, в соответствии с существующими нормативными документами, ничего не определяет. Это только часть проблемы. Есть другие вопросы, гораздо более сложные, без ответа на которые заключение лингвиста служит заведомо определенной самим вопросом концепции разрешения конфликта.

Если лингвист не понимает, что его заключение при таких вопросах является средством манипуляции правовыми категориями, то он, естественно, в полном неведении и с чувством выполненного долга выдает свое заключение, качественное с филологической точки зрения, но совершенно неприемлемое в данной ситуации применительно к целям объективации судопроизводства.

Если же лингвист понимает ситуацию, знаком с нормативными материалами и осознает взаимосвязь правовых и лингвистических категорий, то вполне логично с его стороны предложить на рассмотрение те аспекты проблемы, которые должны быть рассмотрены в делах такого рода. Теоретическое обоснование подхода к тексту по делам определенного типа можно рассмотреть во вводной, теоретической части экспертизы (заключения). Ответив на заданные вопросы, лингвист не только имеет право, но и обязан по закону осветить те стороны проблемы, которые он увидел и осознал, даже если по ним не были заданы вопросы.

В то же время лингвист нередко сталкивается с ограничением в действиях со стороны заказчика экспертизы (заключения), а также со стороны суда. Если такое ограничение имеет место, лингвисту остается смириться и оставлять свое знание при себе. Так, в одном из уголовных дел, в котором автор настоящей книги участвовал, были выявлены явные и существенные для признания меры вины подсудимого факторы. Существенные настолько, что могли изменить решение суда значительно. Однако прокурор не был заинтересован в обсуждении этого вопроса, адвокаты и сам подсудимый выбрали такую линию защиты, в которую выявленные лингвистом факты не вписывались, а судья открыто демонстрировал пренебрежение к лингвисту, просто не давая ему возможности сообщить о выявленных фактах. Так принципиально значимое в конкретной ситуации знание осталось при лингвисте, не сработав на объективацию судопроизводства.

Однако подобные неудачи не должны, на наш взгляд, отвращать лингвиста от творческого подхода к предлагаемым на его разрешение проблемам. За частными вопросами нужно видеть цель. Перспективное видение всегда должно отражаться в стратегии, в свою очередь определяющей тактику.

Должно ли судебное лингвистическое исследование однозначно отвечать на поставленные вопросы?

Для объективного ответа на поставленный вопрос мы должны представить две позиции: юридическую и лингвистическую.

С точки зрения представителя права лингвистическое исследование должно точно ответить на поставленные вопросы. Представители права сетуют на то, что выводы лингвистов подчас даются в вероятностной, а не категоричной форме, что не позволяет использовать их в качестве судебных доказательств. Конечно, очень удобно иметь на руках документ – заключение лингвиста, определенно и точно подтверждающий ту или иную концепцию юриста. Особенно это удобно одной из противостоящих сторон, что порождает факты давления на лингвиста, выполняющего заключение. Давление это (в общеязыковом, а не правовом смысле) может проявляться в самой формулировке вопроса, в предварительных беседах, объяснениях, комментариях, в просьбах откорректировать текст, уточнить формулировку. Уточнение это неизбежно должно пойти по пути устранения нежелательной половинчатости и усиления однозначности. Желание заказчика лингвистического заключения понятно, но тут уж лингвисту решать: каковы допустимые границы гуманитарной вариативности и каковы возможности профессионально убедительной защиты в суде выраженной в письменном заключении позиции. При этом надо помнить, что написанное и «отданное в мир» заключение становится фактом научной биографии лингвиста.

Суд тоже приветствует однозначные выводы, особенно содержащие формулировки, способные стать основой судебного решения. Так, прочитав объемное и многогранное заключение специалиста по делу об оскорблении,

по делу очень сложному, неоднозначному, судья задал лингвисту вопрос: «Так это высказывание в данном случае является неприличной формой выражения?» Ответ лингвиста на этот вопрос практически решил бы дело, поскольку в формулировке ст. 130 УК РФ оскорбление определяется как «умаление чести и достоинства лица, выраженное в неприличной форме». Признает лингвист неприличную форму – есть оскорбление, не признает – нет оскорбления. Таким образом, на лингвиста практически перекладывается ответственность за принятие судебного решения, влекущего за собой уголовную ответственность для обвиняемого.

А в лингвистической терминологии нет понятия «неприличная форма выражения». Юристы, когда закон писали, у лингвистов не спросили, а вот теперь требуют определить нечто, у чего нет определения. Можно предполагать, спорить, вести дискуссию, что мы все и делаем, но избавьте лингвиста от обязанности выносить вердикт, которая возлагается на него требованием отвечать на такие вопросы, методика решения которых просто отсутствует, хотя и активно разрабатывается на настоящий момент. Так, в том случае, о котором идет речь (см. приложение к параграфу 3.1.), один человек сказал другому: «....., а Вы оказались свиньей неблагодарной». С одной стороны, слово «свинья» при отнесении к человеку бранное, с другой стороны, специфика грамматической формы (в творительном падеже в составе именного сказуемого), а также характер ситуации и поведение участников диалога, что отражено в протоколе судебного заседания, позволяют квалифицировать высказывание не как брань, а как негативную нравственно-этическую характеристику. Подробнее см. текст заключения. Филолог видит и те факторы, которые кладутся на одну чашу весов, и те факторы, которые оказываются на другой чаше, но сама процедура взвешивания, когда ее результатом является правовое решение, все же не должно возлагаться на лингвиста.

Никого не удивляет, например, что Александр Блок, вопреки популярной версии о любви Онегина к Татьяне, считал, что герой Пушкина

охвачен иным чувством, которое точно поняла и охарактеризовала главная героиня: «Как с вашим чувством и умом стать чувства мелкого рабом...» Наличие различных (и не всегда только двух) трактовок текста в филологии считается естественным.

От лингвистики же, обслуживающей правовую сферу, требуют утратить свойственную ей как филологической дисциплине неоднозначность и неопределенность и заставляют ее приобрести характерную для юриспруденции полярность. От лингвиста добиваются четкого ответа: да или нет? Любит Онегин Татьяну или нет? Без вариантов и колебаний. Конечно, такой однозначный ответ упрощает судебную процедуру и позволяет опереться на заключение лингвиста как на убедительный доказательный факт. Отсутствие же в заключении лингвиста такого вывода, который бы стал убедительной мотивировкой для принятия судом того или иного решения, делает этот документ в глазах представителей права гораздо менее ценным.

Опыт экспертной деятельности убеждает в том, что в различных ситуациях ответ лингвиста на поставленный вопрос содержит различную степень уверенности, находящуюся в любой точке условной шкалы. В одних случаях ответ однозначен и категоричен, поскольку для него есть все основания, в других – сопровождается показателем степени уверенности: скорее всего, очень вероятно, есть все основания предполагать, возможно, вполне возможно, маловероятно).

Даже результаты экспертиз, выполненных в рамках методик точных наук, не говорят, как правило, о 100% результате. А в гуманитарной дисциплине, особенно при разрешении вопросов без использования математических методов, даже при наличии методики возможны различные повороты, ракурсы взгляда. Возможности анализа материала и должен показать лингвист, приводя свои доводы, убедительность которых и определит решение правовой проблемы.

Невозможность дать категоричный ответ может быть связана со следующими факторами:

1. Недостаточность предоставленного материала: из представленного текста не следует с очевидностью ответ на какой-либо вопрос. Вероятность одного осмысления, даже будучи преобладающей, не исключает и другого. Зачем же лингвисту скрывать от суда все увиденные им возможные трактовки, которые, возможно, определяют чью-то судьбу? Особенно высока вероятность трактовок при соотнесении аудитекста с реалиями действительности. Также недостаточность материала может не позволить дать однозначный ответ при автороведческом исследовании.

2. Использование участниками разговора, смысл которого поручено выявить лингвисту, неких общих затекстовых знаний или символов, которые в рамках представленного диалога выявить невозможно.

3. Юридический характер вопроса. Лингвист может отвечать на лингвистический вопрос. Заключение лингвиста не должно подменять решение суда. Однако нередки случаи обращения к лингвисту с вопросами, находящимися вне лингвистической компетенции. Лингвист должен осознавать меру своей ответственности и границы своей компетенции.

Что делать, если одна из сторон не согласна с выводами экспертизы?

Во-первых, для того чтобы выводы лингвиста-эксперта были максимально объективны, желательно, чтобы все заинтересованные в результате лица поставили перед экспертом вопросы, позволяющие раскрыть интересующий их аспект проблемы. Как известно, каков вопрос, таков и ответ. Естественно, каждая сторона обходит те стороны анализируемого материала, которые ей не выгодно раскрывать, и подчеркивает те, которые максимально выгодно представляют их позицию. Поэтому участвовать в формулировании вопросов эксперту необходимо всем, кто жаждет положительного для себя результата.

Составление вопроса – дело сложное, и лучше сделать его заранее. Удивительно, что стороны, выступающие в суде по делам, связанным с произведениями речи, бывают к этому не готовы. Если рассматривается дело о клевете, оскорблении, о распространении порочащих сведений, о распространении экстремистских материалов, о тождестве товарных знаков, если спор касается прочтения закона или конкретного правоустанавливающего документа, если в материалах дела есть какие-либо тексты (записки, дневники, записи телефонных разговоров и др.), наличие в которых определенных смыслов оспаривается, совершенно очевидно, что потребуется лингвистическая экспертиза. Наивно надеяться, что дело обойдется без специалиста-лингвиста. Если противоположная сторона не заявила ходатайства о проведении лингвистической экспертизы, это значит лишь, что она самостоятельно обратится к лингвисту за заключением со своими, выгодными ей вопросами, и представит этот документ на следующем заседании, ходатайствуя о его приобщении к материалам дела. Вы, конечно, можете противиться этому, но шансов, что ходатайство о приобщении пока единственного заключения специалиста будет судом отклонено, чрезвычайно малы: суду нужны дополнительные материалы по делу, разъяснения специалиста оказываются полезными при рассмотрении ситуации. А вот Вам придется после заседания срочно бежать на поиски лингвиста, который ответит на Ваши вопросы и поможет высветить выгодные Вам стороны. Но вот шансы этого, второго по счету, заключения, попасть в материалы дела несколько уменьшатся. Хотя трудно понять, какой мотив заставляет суд ограничиться одним заключением, в то время как можно получить два, сравнить общее и различное, выявив таким образом очевидное и сомнительное, объективное и субъективное.

Так что лучше всего подготовиться заранее и ходатайствовать о назначении лингвистической экспертизы, которая уж точно окажется в материалах дела, и тщательно продумать предлагаемы эксперту на

разрешение вопросы. Это первый шаг к тому, чтобы избежать разочарования результатами лингвистической экспертизы.

Во-вторых, если все же выводы лингвиста-эксперта представляются Вам необъективными или бездоказательными, вы можете ходатайствовать об изъятии экспертизы из материалов дела или о назначении повторной лингвистической экспертизы, естественно, мотивировав и то, и другое. Мотивировка исключения лингвистической экспертизы из числа доказательных средств может быть связана со следующими аспектами:

1. Недоверие к личности лингвиста в качестве эксперта по данному делу (образование, специализация, научные интересы, стаж работы по специальности, наличие ученой степени, наличие публикаций по теме исследования, соответствие специализации и научных интересов теме экспертного исследования, опыт экспертной деятельности).

2. Недостатки и упущения в оформлении текста экспертизы, позволяющие усомниться в соблюдении процессуальных норм (соответствие различных дат, наличие подписей, соответствие структуры экспертизы предъявляемым к этому документу требованиям, наличие всех структурных частей).

3. Отсутствие доказательств того, что лингвист анализировал именно тот, а не иной материал (наличие заверенной копии текста, аудио- или видео- записи).

4. Претензии к содержанию экспертизы (наличие противоречий, нерассмотрение значимых элементов, тенденциозное отношение к языковым фактам, бездоказательность – все эти критические суждения может подготовить и юрист, но научно обоснованно это сделает специалист-лингвист).

Что касается назначения повторной экспертизы, то это возможно, но не стоит на этот вариант особенно рассчитывать. На назначение еще одной экспертизы другому эксперту или другому экспертному учреждению суд может не пойти, не видя в этом необходимости и не желая затягивать

судебное разбирательство. Если экспертиза убедила суд, он не будет назначать повторную экспертизу.

Если экспертиза, с выводами которой Вы не согласны, все же приобщена к материалам дела, а в назначении повторной экспертизы Вам отказано, остается вариант – обратиться к лингвисту с запросом о выполнении заключения специалиста. В запросе вы можете поставить любые вопросы: повторить те, что были заданы эксперту, предложить иные вопросы, попросить подвергнуть анализу содержание, методы и выводы сделанного экспертного заключения. Возможно, выводы двух лингвистов не будут существенно различаться, возможно, эти различия будут для Вас все же значимы, а может быть, Вы получите мнение, прямо противоположное представленному в экспертизе.

Чем вызваны разногласия во мнениях лингвистов при разрешении одной экспертной задачи?

1. Текст – сложный живой организм, по своей гибкости не уступающий человеку. Многое в нем бывает сказано не прямо, подтекстом, многое подразумевается. Лингвистика – гуманитарная дисциплина, и не стоит об этом забывать. В технических дисциплинах состоятельность теории можно проверить на практике: конкретные показатели (скорость, мощность и др.) определяют выбор лучшей методики. Методики же в лингвистике обосновываются теоретически, и трудно представить какие-либо способы проверки и сравнения их качества. Выявление смысла, определение стилистической окраски слова или высказывания – все эти процедуры в значительной мере основаны на языковом опыте лингвиста и том, что называется языковым чутьем. Ни одна методика семантического анализа не исключает субъективный фактор. Поэтому вполне естественно нетождественное понимание различными лингвистами содержания и формы произведений речи. В одних случаях выводы расходятся частично, в других – принципиально. Первая причина разногласий – мощный фактор субъективизма, неизменно присутствующий в исследовании гуманитарного

типа, проявляющийся в большей или меньшей мере в зависимости от типа разрешаемой задачи. Как правило, меньшие расхождения представлены в автороведческих исследованиях, большие – в семантических трактовках текстов, еще большие – в стилистических, например, по делам об оскорблении.

2. Вторая причина различия мнений лингвистов – несоординированность юридической и лингвистической терминологии, отсутствие единого понимания тех категорий и понятий, которые используются в процессах с привлечением лингвиста.

Так, два лингвиста диаметрально противоположно ответили на вопрос о наличии в тексте порочащих сведений. Один лингвист понял этот термин в общеязыковом смысле как некую негативную информацию, наносящую ущерб репутации истца, и, поскольку негатива в тексте было предостаточно, ответил положительно. Второй филолог, изучивший содержание понятия «порочащие сведения» в праве, проанализировал предложенный текст с негативной информацией с другой стороны. Часть информации признавалась потенциально порочащей, если она не будет доказана распространителем, другая же часть представляла собой выражение оценок, мнений, которые под правовую ответственность не попадают.

Конечно, второй филолог дал заключение более объективное с точки зрения корректности применения лингвистических познаний в правовой системе. Первый филолог тоже качественно выполнил свою работу, но его филологические размышления оказались не скоординированы с юридическими, в результате его анализ как минимум оказывается неприменим, поскольку главное-то в процессах об опорочении – именно отделение фактуального от оценочного, а как максимум потенциально является фактором введения суд в заблуждение.

Но повторяем – филолог не допустил профессиональных, то есть лингвистических, ошибок. Анализ тонок, точен, глубок. Но судебная экспертиза, выполняемая с конкретной целью, должна ориентироваться на

право. Потому и родилось такое научное направление, как юрислингвистика, в рамках которой как раз и разрабатываются методики использования лингвистических познаний в различных сферах юриспруденции.

3. Третья причина расхождения лингвистов в оценке произведения речи в рамках судебного разбирательства – это использование различных методик. А в случае применения одной методики – различного подхода к специфике ее реализации.

В приложении к разделу четвертой главы, посвященному автороведческой экспертизе, представлено наше заключение, по своему содержанию являющееся доказательством несостоятельности экспертизы, произведенной в государственном экспертном учреждении. Выводы двух лингвистов оказались диаметрально противоположными. Эксперт считает, что представленные на анализ тексты принадлежат одному человеку, категорично и однозначно признает его авторство. Наш же анализ привел к выводу о том, что автор представленных образцов не может быть автором анонимного текста. И наш вывод столь же категоричен. Было бы неоправданной смелостью утверждать, что наши научно-методические взгляды безупречны, однако если бы у автора настоящей книги не было убеждения в том, что осуществляемое исследование является шагом вперед в рассматриваемой сфере, не было бы смысла предлагать свои изыскания читателю. Думаем, приведенные доводы убедят читателя.

Различия в выводах в данном случае являются результатом различия применяемых методик. Вернее, состоятельность самой методики, основанная на подборе и выделении комплекса типовых языковых средств и приемов, не подвергается сомнению: она общеизвестна и вполне убедительна. Различается отношение к отбору материала для сопоставления. Лингвист, выполнивший первичную экспертизу, при выборке характерных для автора единиц языка и речи не учитывал стилеобразующих и жанрообразующих факторов, которые отражают не специфику стиля автора, а специфику жанра текста на определенную тематику (см. текст заключения).

Какая из позиций окажется для суда убедительней? Представление двух противоположных взглядов на ситуацию со своими доводами и доказательствами является естественным проявлением состязательности судебного процесса, поэтому представляется необоснованным отказ некоторых судей приобщить к материалам дела заключение и/или заслушать в суде специалиста, представляющего интересы одной из сторон, особенно если лингвист, выражающий интересы другой стороны, свое заключение дал.

Понятие «представлять интересы» в данном случае не предполагает, что лингвист любым образом, казуистическими методами стремится доказать то, что выгодно пригласившей его стороне. Это значит, что позиция этого лингвиста работает на пользу одной из сторон. Невозможно проверить, насколько позиция эта искренна, но возможно увидеть, насколько она убедительна, доказательна, аргументирована, логична.

4. И, наконец, четвертая причина расхождений во мнениях, вплоть до диаметрально противоположных, лингвистов, дающих заключение по одному вопросу, кроется в неразработанности в юридическом аспекте ряда категорий, используемых в процессах с привлечением лингвиста.

К числу таких категорий относится «оскорбление». Законодатель, давая определение, не ориентировался на какие-либо конкретные научные понятия, в том числе лингвистические, в результате чего участники процессов оперируют понятиями без определенных дефиниций. Согласно ст. 130 УК РФ, оскорбление – унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме.

Каковы критерии факта унижения чести и достоинства? Что такое неприличная форма? В лингвистике такого понятия нет. Понятия приличного и неприличного относятся к сфере этики и характеризуются свойственной этой дисциплине неопределенностью и вариативностью осмысления. Некоторые случаи представляются достаточно ясными. К категории неприличной может быть отнесена так называемая в тексте комментария «нецензурная лексика» (такого термина в лингвистике нет), или обценная,

во многих словарях имеющая помету «табуированное», или попросту мат. Пожалуй, только использование слова из этой категории, публично отнесенное к лицу, единодушно будет признано неприличным.

Но реальная жизнь предлагает случаи гораздо более тонкие и сложные. Существует множество способов унизить человека и без использования мата. Анализ текстов – объектов рассмотрения по делам об оскорблении убеждает в том, что процессы, причиной которых стало обценное слово, единичны. Гораздо чаще конфликт возникает в результате более гибкого, но от этого не менее эффективного унижения литературными языковыми средствами или нелитературными, но и не табуированными, например, просторечиями, жаргонизмами, статус которых применительно к правовой ситуации оскорбления не ясен.

Разработке категории оскорбления в лингвистическом аспекте посвящено несколько статей [Бельчиков 2002; Голев 2002, Жельвис 2004], разделы в монографиях [Цена слова 2002; Понятие чести, достоинства, деловой репутации 2004], но все это – первые шаги в рассмотрении этой категории. Полные, подробные и многогранные исследования на настоящий момент отсутствуют. Но самое главное – даже если они появятся, они будут иметь статус научных работ, следовательно, всегда всего лишь статус предложений, концепций, которые могут быть сколь угодно логичны и убедительны, но не могут быть освобождены от оспаривания и от несогласия. Проблема в определении критериев оскорбления будет существовать до тех пор, пока критерии эти не будут предложены на законодательном уровне.

Такая неопределенность в сфере ключевых понятий неизбежно приводит к отсутствию какой-либо теоретической опоры при решении конкретной экспертной задачи и к привлечению личного речевого опыта лингвиста и субъективного видения представленной ситуации.

Как лингвисту подготовиться к участию в судебном заседании?

Во-первых, надо быть готовым к непредсказуемым временным затратам. Судебное заседание может начаться позже назначенного времени, его же длительность почти непредсказуема: заседание может быть отменено, отложено на два часа, на день или на месяц, может завершиться через пять минут после объявления решения судьи, а может растянуться на несколько часов. Следует также подготовиться к непредсказуемым энергетическим затратам. Лингвист может просидеть все заседание в коридоре, не будучи допущен судом к участию в заседании, а может быть приглашен для допроса, длительность которого в нашей практике достигала шести часов.

Во-вторых, рекомендуется хорошо знать содержание своего заключения, желательно с постраничным расположением, чтобы мобильно отвечать на вопросы. Перед собой обязательно нужно иметь текст своего заключения, во избежание недоразумений абсолютную копию (тот же шрифт, расположение) того, что находится на руках у других участников процесса. В противном случае долго придется искать фразы, по которым задаются вопросы. Нужно уметь объяснить методику своего анализа, логику рассуждений, в результате которой был сделан тот или иной вывод. Возможно, потребуются расшифровка лингвистических терминов, которую нужно предложить в максимально доступной для неспециалистов формулировке. Лингвисту следует помнить, что он приглашен в суд не для демонстрации своего высокого уровня профессиональных познаний и владения терминологией, а для помощи в выяснении обстоятельств, требующих специальных познаний. Это не означает, что нужно полностью отказаться от лингвистической терминологии, но ее употребление должно быть оправдано. Непонятное участникам судебного заседания выступление лингвиста или повлечет за собой вопросы, или приведет к неадекватному пониманию, что может повредить объективности судопроизводства.

В-третьих, лингвист должен быть готов к вопросам не по адресу. Так, очень популярен вопрос: «У Вас есть лицензия?» -- «Нет». Следующий

вопрос: «Почему?» или «И несмотря на это Вы взялись за экспертизу?» – ставит специалиста в тупик. Хорошо, если он знает, что это нелицензируемый вид деятельности, зачастую этого не знает и судья, и другие участники процесса. Это дело юристов, пригласивших лингвиста, – подвести юридическую основу под участие в процессе специалиста. Лингвиста же такой и подобные ему вопросы лишают психологического равновесия, в то время как следует лишь найти адекватные формулировки для отстранения от вопросов, ответ на которые не входит в компетенцию специалиста-лингвиста.

В-четвертых, и это самое сложное, лингвист должен быть готов к непривычной для него психологической атмосфере в зале суда. В значительной мере эта атмосфера определяется судьей, но зависит и от других участников процесса. Лингвист, как правило преподаватель высшей школы или сотрудник научно-исследовательского института, привыкший в своей профессиональной среде к корректности даже при решении спорных вопросов, имеющий несколько идеализированное представление о способах и формах разрешения конфликта в судебном заседании, оказывается зачастую не готов к накалу страстей в зале суда и к потоку агрессии со стороны тех участников, которым что-то не нравится в заключении специалиста.

Один из способов вызвать сомнение в объективности выводов заключения лингвиста – найти доказательства его непрофессионализма. У лингвиста может создаться ощущение, что он из специалиста-свидетеля превратился в подозреваемого и обвиняемого. Следует успокоиться и дать всем желающим излить весь компромат (вряд ли он действительно серьезный и будет принят во внимание), поскольку это означает, что замечаниям и вопросам по сути дела будет уделено меньшее внимание.

Возможны также искаженные трактовки положений или выводов экспертизы (заключения), поиски противоречий, выискивания ошибок (или псевдоошибок). На все вопросы придется отвечать, даже если они смешны

или абсурдны с точки зрения лингвиста. Например, мне пришлось отвечать на такой вопрос: «А почему Вы везде пишете «мы»? Вы что, не самостоятельно писали заключение? С кем Вы писали? Кто Вам помогал?» Пришлось пояснить, что в тексте заключения использовалось авторское «мы», принятое в научном стиле изложения.

Опыт общения с судебским корпусом позволил вынести разнообразные и противоречивые впечатления, о которых речь здесь не из праздного желания сделать психологическую профессионально-личностную зарисовку, а из стремления подготовить уважаемых коллег-лингвистов к столкновению с иной социокультурной средой. Одни судьи представляют собой образец коммуниканта – организатора разрешения конфликтной ситуации. Они равны ко всем участникам процесса, не позволяют себе лишних комментариев, к лингвисту уважительны. К сожалению, некоторые судьи совершенно не владеют искусством ведения официального диалога: перебивают говорящих, резко прерывают их, дают ироничные комментарии, повышают голос, невербально реагируют на чужую речь (закатывают глаза, барабают пальцами по столу, принимают вполне говорящие и читаемые позы). Все это накаляет атмосферу в зале суда, лингвиста же, совершенно не готового к такой ситуации, такое поведение судьи может совершенно вывести из равновесия.

Никто из участников процесса не застрахован от нелюбезных реплик в его адрес со стороны любого другого участника процесса.

В общем, лингвист может почувствовать себя в суде участником театра абсурда, с чем, наверное, можно бороться, но легче принять как факт и к чему во избежание психологических травм лучше быть готовым заранее.

1.4. Типология лингвистических судебных исследований

Практикуемая типология

Анализ места лингвистической экспертизы в ряду других представлен в [Галяшина 2002; 246]: «Анализ существующих классификаций судебных экспертиз по классам, родам и видам показывает, что судебная экспертиза, где превалируют специальные лингвистические познания, как самостоятельный вид или класс еще не оформилась, не определен ее предмет, объект и задачи, да и само ее понятие в судебной экспертной деятельности не является устоявшимся или общепринятым. Во многом это объясняется историческим процессом становления института судебной экспертизы. В общей теории судебной экспертизы традиционно среди судебных экспертиз до сих пор принято выделять класс криминалистических, отграничивая их от других. В классе криминалистических исторически сформировалось два самостоятельных рода судебных экспертиз, где используются филологические знания. Это судебная фоноскопическая и автороведческая экспертизы.

Звучащий текст (устная речь), зафиксированный на магнитном носителе (фонограмме), является объектом судебной фоноскопической экспертизы, при этом в ее рамках решается комплекс самых разных задач, связанных с исследованием зафиксированного на фонограмме устного текста, в том числе с применением широкого спектра лингвистических методов. Это, например, идентификация диктора и автора звучащего текста, интерпретация жаргонизмов и арготизмов, установление смыслового содержания устного речевого сообщения при контрадикции семантики вербальных и интонационных средств, выявление имплицитного значения текста и т.д. Таким образом, достигается всестороннее изучение звучащей речи как в акустическом, так и собственно лингвистическом плане.

Письменный текст (рукописный или печатный) является объектом автороведческой экспертизы. При этом могут решаться сходные задачи,

например, по идентификации и диагностике (установление облика) автора текста, его социо-психологических характеристик по проявлениям в тексте тех или иных лингвистических особенностей, установление факта соавторства, выполнения текста под диктовку и др. в рамках автороведческой экспертизы складывается новое самостоятельное направление – криминалистическая текстология, включающая в себя методы и средства лингвистического, почерковедческого, фактографического и других исследований. Криминалистическая текстология, используя достижения текстологии филологической, на основе проведения специальных теоретических и экспериментальных исследований разрабатывает методики и рекомендации по текстологическому исследованию документов и решения всего комплекса диагностических и идентификационных задач в рамках судебного автороведения».

Столь объемную цитату мы привели из двух соображений. Во-первых, автор – сотрудник государственного экспертного учреждения, и представленный обзор отражает сложившуюся практику и основан на обработке значительного материала. Во-вторых, представляется интересным и полезным для читателя сравнить только что представленный опыт с опытом автора настоящей книги – негосударственного эксперта.

Во-первых, констатируем факт: за десять лет активной деятельности в качестве эксперта и специалиста нам пришлось всего три раза выполнять автороведческую экспертизу и один раз – фоноскопическую.

Не исключено, что это связано как раз с дифференциацией функций государственных экспертных учреждений и иных работников на этой nive. Обычно государственные и вообще крупные структуры более консервативны, и они как будто закрепили за собой эти два вида экспертной деятельности с привлечением лингвистических познаний, с осторожностью относясь к другим видам и отдавая их на откуп «одиночкам».

Но возможно и другое объяснение. Обычно сторона, назначающая экспертизу и заказывающая заключение, советуется с исполнителем

относительно границ компетенции специалиста, сферы возможных вопросов и названия исследования. Это естественно, закономерно и правильно, поскольку такое предварительное обсуждение исключает возможность обращения не по адресу, приводящего к «пустой», бесполезной экспертизе, содержащей формулировки: «Этот вопрос выходит за пределы компетенции лингвиста». Так вот само название «фоноскопическая» экспертиза заставляет филолога с классическим филологическим образованием напрягаться и вызывает сомнение в своей компетентности. Действительно, круг решаемых этой экспертизой задач очень широк и выходит далеко за пределы лингвистики. Так, лингвистика не занимается вопросами определения по физическим параметрам голоса личностных характеристик диктора. Такие исследования сейчас активно ведутся, и определенные успехи в этой сфере наблюдаются, но это еще только робкие шаги, пробные методики, не дающие стопроцентно гарантированного результата. И главное – основная работа в этих исследованиях лежит не в плоскости филологии, а в плоскости физики, физиологии, биологии, анатомии.

Филолог соответствующей специализации способен по характеру акцента диктора определить его национальную принадлежность, среду обитания, социальный статус, уровень образованности (тоже не со стопроцентной точностью). В компетенции лингвиста анализ содержательной структуры звучащего текста, выявление подтекста, реконструкция сопровождающих текст действий, естественно, при наличии необходимых показателей. Так, например, использование междометия «На!» свидетельствует о передаче в этот момент говорящим лицом собеседнику какого-либо предмета, междометия «Ну?!» с соответствующей интонацией – о имеющем место побуждении совершить некое оговоренное действие. А вот психологическая характеристика диктора хотя и может быть осуществлена лингвистом на основании анализа качественного и количественного состава используемых им языковых единиц, все же относится к его компетенции

только с оговорками и требует привлечения специальных познаний из сферы психологии.

То же можно сказать и о почерковедческой экспертизе. Возможно, прошедший специальную подготовку филолог и компетентен выполнить эту работу, но собственно в лингвистике нет такого направления, которое занималось бы исследованием почерка. Эта сфера научного знания достаточно автономна и специфична.

Таким образом, автороведческая и особенно фоноскопическая экспертизы самими своими названиями указывают на определение типа экспертного исследования по типу исследуемого объекта, а не по характеру решаемых задач, что позволяет в рамках одного исследования поставить вопросы, ответы на которые требуют специальных познаний в различных научных дисциплинах. Поэтому такие экспертизы должны быть комплексными, с привлечением различных специалистов. Либо круг вопросов должен быть определяться компетенцией проводящего исследование специалиста. Так, автороведческая экспертиза по установлению тождества автора текстов-образцов и анонимного текста относится к компетенции лингвиста.

Предлагаемая типология

Все сказанное по поводу двух традиционно выделяемых типов экспертиз преследовало цель подготовить почву для выражения автором собственных представлений о типологии лингвистических экспертиз. Предлагаем положить в основу классификации не характеристику объекта исследования (звучащая/письменная речь), а определение предмета исследования. На настоящий момент мы видим три типа предмета, три типа цели исследования и, соответственно, три типа собственно лингвистических экспертиз:

1. Семантическая экспертиза.

Предмет такой экспертизы – семантическое поле текста. Семантика – это смысл. Семантическая экспертиза занимается извлечением из текста

того реального смысла, который он выражает, на основе анализа значений языковых единиц всех уровней. Неважно, письменный или звучащий текст представлен на рассмотрение. Важна задача, поставленная пред лингвистом – установить значение тех или иных слов или фразеологизмов в контексте, выявить подтекст, сущность договоренностей, зафиксированных в тексте, отграничить четко обозначенное от факультативного, выявить все возможные по законам языка понимания текста, связать текст с действительностью, то есть описать, какие реалии действительности он отражает.

Семантическая экспертиза наиболее широко представлена и может быть применена при разрешении любой правовой проблемы: прочтение текста договора, закона, осмысление спорного текста в СМИ, анализ содержания разговора обвиняемых по любому делу и др.

2. Семантико-стилистическая экспертиза.

Предмет такой экспертизы – стилистический статус исследуемых языковых единиц в исследуемом семантическом поле. Семантико-стилистическая экспертиза отличается от семантической тем, что в ее ходе особое значение приобретает стилистическая характеристика языковых единиц. Прежде всего это существенно в делах об оскорблении. Семантика даже отодвигается в таких случаях на второй план, а на первый выходит поиск путей соотнесения конкретной речевой ситуации с правовым критерием оскорбления – «неприличная форма выражения». Стилистический аспект также оказывается чрезвычайно значимым при разрешении проблемы о наличии / отсутствии провокации, понуждения, о выражении какого-либо отношения (экстремизм).

3. Экспертиза по установлению тождества (или аутентичности).

Предмет исследования в данном случае – показатели индивидуальности, самобытности произведения речи. Этот тип экспертизы преследует цель в результате сопоставления двух блоков речевых произведений установить их аутентичность/ неаутентичность, понимаемую в

различных ситуациях в различных аспектах. При разрешении вопроса о правомерности использования фирменного наименования или товарного знака аутентичность – тождество с запатентованным ранее наименованием или знаком или сходство «до степени смешения». В делах о плагиате аутентичность – структурное, смысловое, стилистическое сходство двух произведений в степени, позволяющей утверждать неслучайность совпадений и, следовательно, производность одного текста от другого. В классической автороведческой экспертизе, в ходе которой устанавливается тождество/ различие автора текстов-образцов и анонимного текста, аутентичность проявляется как высокая степень сходства языковых и стилистических систем сопоставляемых объектов, позволяющая считать их автором одно лицо.

Как нам представляется, все виды экспертной деятельности с привлечением лингвистических познаний в чистом виде укладываются в представленную типологию.

Уточним, что мы не предлагаем использовать тип лингвистического исследования в качестве названия. Представленная типология помогает заказчику и исполнителю представлять, что они друг от друга хотят и что могут дать, а использование единой терминологии позволит говорить на одном языке.

Как назвать исследование?

Для наименования экспертиз и заключений с использованием лингвистических познаний используются самые разнообразные названия. При ответе на предыдущий вопрос мы говорили, что в государственных экспертных учреждениях исследования звучащего текста имеют преимущественно название «фоноскопическая экспертиза», а исследования письменного – «автороведческая экспертиза». Эти названия, хотя и не всегда адекватно отражают существо исследования, привычны и не вызывают вопросов. Автору настоящей книги приходилось выполнять экспертизы, которым при вынесении постановления дали названия: «информационно-

филологическая», «филолого-лингвистическая», «психолингвистическая», «этно-лингвистическая». Каждый раз, несмотря на предупреждение и сопротивление исполнителя, заказчик настаивал на своем названии, ссылаясь на некие прецеденты, на взятые где-то образцы, и исследователь вынужден был называть оформленный результат своей работы так, как он уже назван в постановлении о назначении экспертизы. И каждый раз лингвисту приходилось в ходе судебного заседания выдерживать с разным успехом натиск относительно сущности и оправданности названия.

Действительно, что такое «информационно-лингвистическая экспертиза»? Лингвистика – это научная дисциплина, и естественно, что при использовании лингвистических познаний порождается какая-либо информация, но в этом лингвистическая экспертиза не оригинальна. Что значит «филолого-лингвистическая» экспертиза? Лингвистика – направление филологии, и есть ли потребность в создании этого сложного прилагательного? Что такое психолингвистика, в общем понятно, но закономерен другой вопрос: имеет ли филолог специальные познания в сфере психологии, чтобы выполнить экспертизу с таким названием. Во всех трех случаях лингвисту пришлось отвечать, что содержание и сущность научного судебного исследования определялось не названием экспертизы, а характером поставленных вопросов, которые вполне отражают возможности современной лингвистики и не требуют от лингвиста выхода за пределы своей компетенции.

Описанные ситуации заставили прийти к выводу: наиболее удачным и адекватным словом для наименования экспертиз и заключений с использованием лингвистических познаний является слово «лингвистический» (лингвистическая экспертиза, заключение лингвиста, лингвистическое заключение). Такое название универсально и практично с точки зрения перспектив его объяснения: лингвист по специальности, естественно, осуществляет лингвистическое исследование. А уж насколько широка сфера интересов современной лингвистики и насколько тесно она

сегодня переплетается с другими научными дисциплинами, известно любому представителю нашего научного сообщества, и объяснить оправданность обращения лингвиста к категориям прагматики, психолингвистики или когнитивной лингвистики можно в тексте самого исследования, в том числе при помощи ссылок на соответствующую научную литературу, а также в случае необходимости в своем выступлении в суде.

ГЛАВА II. СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Как уже было сказано, в ходе семантической экспертизы из текста извлекается на основе анализа значений языковых единиц всех уровней тот реальный смысл, который он выражает,. Задача лингвиста – установить значение тех или иных слов или фразеологизмов в контексте, выявить подтекст, определить содержание информации, которую получил реципиент из рассматриваемого произведения речи.

Семантическая экспертиза по сравнению с другими типами наиболее широко представлена и может быть применена при разрешении любой правовой проблемы: прочтение текста договора, закона, осмысление спорного текста СМИ в процессах по защите чести, достоинства, деловой репутации, анализ содержания разговора обвиняемых по любому делу и др. Рассмотрим некоторые типы процессов, в которых применяется семантическая экспертиза.

2.1. Лингвистическое исследование в процессах о распространении порочащих сведений

В этом разделе определяется цель лингвистической экспертизы в процессах по защите чести, достоинства, деловой репутации, обозначается ее объект и предмет, осуществляется координация общеязыковых понятий, лингвистических и юридических терминов, неидентично понимаемых участниками процессов. Предлагается структура лингвистической экспертизы по делам названного типа. Обосновывается та схема анализа, которая позволяет сделать экспертизу средством объективации судопроизводства, а не средством манипуляции.

Какие нормативные документы обеспечивают защиту чести, достоинства и деловой репутации физического и юридического лица?

Защиту чести, достоинства и деловой репутации обеспечивает как гражданское, так и уголовное законодательство. В рамках гражданского судопроизводства требование защиты чести, достоинства, деловой репутации можно требовать в соответствии со ст.152 ГК РФ (распространение порочащих сведений). Также умаление чести и достоинства рассматривается как уголовное деяние: ст.130 УК РФ (оскорбление), ст.129 УК РФ (клевета), ст.297 УПК РФ (неуважение к суду).

В настоящей главе речь идет о лингвистической экспертизе по гражданским процессам о распространении порочащих сведений (ст. 152 ГК РФ) и по уголовным процессам о клевете (ст. 129 УК РФ), поскольку именно в этих случаях используется экспертиза семантического типа. При распространении порочащей информации важно содержание текста, выражаемый им смысл, сущность тех обвинений, которые выдвинуты в адрес истца.

Об оскорблении будем говорить в следующей главе, рассматривающей применение семантико-стилистической экспертизы, поскольку при оскорблении существенно не столько содержание, сколько форма выражения негативной оценки, мнения, характеристики. Определяющими оказываются не семантические, а стилистические признаки языковых единиц и текста в целом.

Что обозначает слово «порочащий» в процессах по защите чести, достоинства, деловой репутации?

Одна из проблем, возникающих в процессах обозначенного типа – неидентичное понимание участниками процесса слова «порочащий». Лингвисты, не обремененные знанием права, а также не учитывающие специфики лингвистического исследования, служащего средством решения конкретной задачи, нередко становятся объектом манипуляции одной из сторон судебного разбирательства. Такой лингвист понимает слово «порочить» в общеязыковом смысле, а именно как распространение любой информации, наносящей ущерб доброму имени человека.

Правовое же понимание порочащих сведений иное. В результате такого неидентичного толкования лингвист положительно отвечает на вопрос о наличии в тексте порочащих сведений, а суд, доверяя мнению специалиста, дублирует выводы лингвистической экспертизы в своем решении. Зачастую такие решения не только очевидно необъективны, но и смешны. Например, признается порочащим высказывание, подлежащее опровержению: «При таком управлении предприятию грозит скорый развал».

Понятно, что такая критика не улучшает репутации руководства, однако под категорию порочащих сведений она никоим образом не подходит, что лингвист должен был увидеть и о чем должен был сказать, вместо того чтобы описывать процесс формирования негативного отношения читателей.

Для того чтобы лингвистическая экспертиза по процессам рассматриваемого типа была средством объективации судопроизводства, а не средством манипуляции, все участники судебного разбирательства должны использовать ключевые понятия в значениях, данных нормативными документами или выводимых из них.

Что такое порочащие сведения в процессах по защите чести, достоинства, деловой репутации?

В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 года «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц», **порочащими** считаются *«сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют*

честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина или юридического лица».

Любая ли негативная информация о лице, наносящая ущерб его репутации, может быть признана порочащей?

Нет. Это типичное заблуждение истцов по делам такого рода. Человек, о котором была распространена какая-либо явно неприятная для него информация, возможно, повлекшая за собой не только ухудшение настроения, но и заметное, на его взгляд, отношение окружающих, и, более того, ухудшение здоровья, связанное с нервным стрессом, уверен, что распространитель заслуживает наказания и дело, собственно, выведенного яйца не стоит. Однако это далеко не так, и зачастую процесс о защите чести и достоинства превращается в глубокое разбирательство по существу тех экономических, управленческих и иных вопросов, о которых шла речь в распространенном тексте.

Дело в том, что «Закон о СМИ» разрешает публично обсуждать вопросы экономики, политики, управления. Никому не запрещено также негативно оценивать чьи-либо действия, поступки. Нет также запрета на иронию, насмешку, на выражение негативного отношения к любым персоналиям, на выражение своего мнения по любым вопросам. Возможны самые отрицательные аналитические оценки и печальные прогнозы.

В упомянутом уже Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 года «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» обозначена граница между правом на свободу слова и правом на честь и достоинство: *«...следует различать имеющие место утверждения о фактах, соответствие действительности которых можно проверить, и оценочные суждения, мнения, убеждения..., которые, являясь выражением субъективного мнения и взглядов ответчика, не могут быть проверены на предмет соответствия действительности».*

То есть не вся негативная информация в адрес какого-либо лица может быть признана порочащей.

Событийные, или, как их еще называют по различной терминологии, **фактологические, фактуальные, описательные**, сведения сообщают о событиях, процессах, явлениях, произошедших в конкретных условиях места и времени. Это информация о конкретных ситуациях, происшествиях или событиях, о поступках или поведении физического лица, о деятельности лица юридического. Такая событийная, фактуальная информация либо соответствует, либо не соответствует действительности, подвергается верификации и в случае недоказанности считается порочащей. По решению суда порочащие сведения опровергаются в СМИ, их распространившем. Вопрос о соответствии сведений действительности в компетенцию лингвиста не входит, его задача ограничивается самим вычлениением из текста этой информации.

Вторая группа сведений представляет собой **мнения, оценки, концепции, выражение отношения** к событиям, явлениям. Оценочные суждения являются средством авторского самовыражения и потому не подвергаются идентификации действительности, а соответственно, не могут быть ни лживыми, ни порочащими. В соответствии с законом о СМИ журналист имеет право высказывать несогласие с кем-либо, критиковать чью-либо деятельность, выражать негативное отношение. Допустимы любые негативные оценки конкретных фактов, событий. Мнения и оценки не опровергаются, а оспариваются в печати в порядке полемики.

Именно определение информационной природы распространенной информации - одна из основных функций лингвиста, поскольку очень часто истцы по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации предлагают для опровержения информацию, которую невозможно соотнести с действительностью и верифицировать.

Каковы конкретные признаки информации, которую можно признать порочащей и подвергнуть опровержению?

Анализ нормативных документов, а также практики по делам обозначенного типа показал, что для признания сведений порочащими в правовом аспекте необходимы следующие признаки:

- 1) порочащий характер распространенной информации (сообщение о нарушении закона или моральных принципов);
- 2) отнесенность информации к истцу;
- 3) событийный (фактуальный) характер распространенной информации (в противовес субъективным высказываниям, которые нельзя доказать);
- 4) несоответствие сведений действительности.

В компетенцию лингвиста входит ответ на первые три вопроса, четвертый выясняется в ходе судебного разбирательства.

Существует ли единый подход к лингвистической экспертизе по процессам о защите чести, достоинства, деловой репутации?

К сожалению, на настоящий момент такой общепризнанный подход отсутствует. Существует даже взгляд, согласно которому никакая унификация в этой сфере невозможна и не нужна, поскольку все зависит от квалификации лингвиста. Наш экспертный опыт и изучение проблемы привели к иному выводу.

Любой анализ (химический, биологический, лингвистический) преследует какую-либо цель. Если аналитик цель эту игнорирует, результаты анализа будут бесполезны. Так, например, можно сделать прекрасный, качественный анализ крови на предмет определения наличия лейкоцитов, в то время как в данном случае требовалось определить группу крови. Так и при лингвистическом анализе: профессиональный лингвистический анализ образных средств текста, формирующих определенный смысл, коннотации, ту или иную оценочность, очень интересен, но в процессах по защите чести, достоинства, деловой репутации от лингвистического исследования

требуются другие аспекты. Какие? Проведенное исследование позволило нам выявить эти аспекты, и рискнем утверждать, что их рассмотрение является обязательным для лингвистической экспертизы обозначенного типа, а следовательно, можно говорить о возможности универсализации лингвистического исследования определенной целевой направленности. Нерассмотрение же этих аспектов текста рискует превратить лингвистическое исследование в средство манипуляции либо просто в абсолютно бесполезную работу. Так, лингвист может очень тонко и убедительно доказать, что текст наносит ущерб репутации истца и сделать вывод: г-на X опорочили. Однако без отделения сведений событийного характера от оценочных этот вывод ничего не стоит, хотя, к сожалению, может повлиять на решение суда, в некоторых случаях слепо доверяющего выводам экспертизы. В таком случае решение будет противоречить закону и в перспективе может быть пересмотрено.

Итак, целевая ориентация лингвистического исследования в рамках процесса по защите чести, достоинства и деловой репутации обуславливает вполне конкретные и универсальные критерии, по которым конфликтный текст в ходе такого анализа должен рассматриваться, при закономерном пренебрежении теми параметрами, которые в предлагаемой ситуации оказываются несущественными.

Аспекты лингвистического исследования в процессах по защите чести, достоинства, деловой репутации.

Исходя из задач экспертизы, учитывая требования нормативных документов и определенные ими ключевые классификационные категории, предложим свою структуру лингвистической экспертизы по процессам о защите чести, достоинства, деловой репутации, включающую необходимые аспекты анализа и их место в системе анализа. В практическом плане эти аспекты можно представить как вопросы, на которые неизбежно, как мы доказываем, должен ответить лингвист, с тем чтобы его лингвистический анализ выполнил свое целевое назначение. Естественно, в каждом

конкретном случае эта система может подвергаться корректировке в зависимости от частных обстоятельств. Однако полный перечень аспектов (вопросов) представляется нам следующим:

1. Референциальная соотнесенность высказывания (Относится ли распространенная информация к истцу?)

2. Декодировка текста (Каково содержание распространенной информации? Каков ее смысл, реально воспринимаемый массовым реципиентом? Выражен ли в тексте смысл, порочащий г-на X?)

3. Дифференциация событийной (фактуальной) и субъективно-оценочной информации. (Определите информационную природу распространенных сведений: являются ли они фактуальными или субъективно-оценочными?)

4. Дифференциация утверждения и предположения (Выражена ли информация в форме утверждения или предположения?)

Это самые общие блоки, объединяющие более частные, возможные в каждой конкретной ситуации, вопросы.

Конечно, на практике предложенная схема может сокращаться по различным причинам. Наиболее распространенной причиной может быть очевидность каких-либо аспектов, не оспариваемых ни одной стороной. Например, ответчик не отрицает (или таковое отрицание по тексту невозможно и бессмысленно), что распространенная информация относится к лицу X. В таком случае лингвисту не задается такой вопрос и соответствующий аспект не доказывается в тексте экспертизы.

Аспект анализа, без которого, как нам представляется, экспертиза по делам рассматриваемого типа является несостоятельной как целевое исследование – это определение информационной природы высказывания, то есть отделение субъективного мнения автора от тех сообщений, которые представлены как объективные факты. Вокруг этого пункта неизбежно идет борьба, и игнорирование его делает экспертизу бесполезной или тенденциозной. Лингвист, которому не задали такого вопроса, должен, в

соответствии со своей обязанностью эксперта, оповестить суд о существенных аспектах дела, известных ему, а именно о необходимости отделить информацию, представленную как объективную, от субъективной, с тем чтобы предложить суду на доказательства по существу только событийные (фактуальные) сообщения.

Безусловно, конкретная формулировка вопросов может быть различной, и различные аспекты можно дополнительно рассмотреть при анализе конкретного текста, но по большому счету все они будут являться разновидностью перечисленных или их частным случаем.

Например, в ряде случаев возникает вопрос о возможности влияния жанра текста на его правовую оценку. Нормативные документы о такой зависимости ничего не говорят. Следовательно, фельетон или сатирическая зарисовка должны рассматриваться на общих основаниях. Другое дело, для лингвиста выход на тему жанра может быть способом решения других проблем: относятся ли какие-либо высказывания к конкретному лицу или текст имеет обобщенный объект сатирического осмеяния? присутствуют ли сообщения о реальных фактах или по тексту очевидно, что ситуации моделируются как гипотетически возможные? И никакие универсальные тезисы, типа: «фельетон всегда имеет обобщенный объект изображения» или «в фельетоне никогда не показывается конкретная ситуация» – как показывает опыт анализа, использоваться быть не могут. Каждый текст неповторим, современные СМИ представляет нам самые неожиданные сочетания жанров с многочисленными нарушениями некогда бытовавших норм, поэтому никакие заведомые «всегда» и «никогда» в серьезном анализе неприемлемы. Другое дело: «как правило», «обычно», «в соответствии с законами жанра» плюс доказательство того, что рассматриваемый случай в декларируемую тенденцию вписывается.

Таким образом, считаем, что перечисленные аспекты являются основными при исполнении целевой лингвистической экспертизы в

процессах о распространении порочащих сведений. Далее рассмотрим подробнее каждый аспект.

Какие проблемы возникают при определении отнесенности информации к истцу?

Вопрос: «Относится ли распространенная информация к истцу?» – нацелен на выявление референциальной соотнесенности распространенной информации с истцом. В некоторых случаях потребность в дальнейшей экспертизе отпадает, поскольку в тексте отсутствуют какие-либо показатели отнесенности негативной информации к личности истца. Либо, напротив, лингвистическая экспертиза разбивает доводы ответчиков и доказывает связь негативной информации с личностью истца, для чего нередко требуется комплексное рассмотрение всего публицистического материала в совокупности вербальных и невербальных элементов, с учетом интертекстуальных связей и пресуппозитивной информации. В некоторых случаях лингвист приходит к выводу, что информация относится только к одному из двух истцов, например, к лицу юридическому, а не физическому (то есть задета деловая репутация организации), или наоборот.

С рассматриваемым аспектом анализа связаны следующие проблемы.

Насколько широко трактовать слово «относятся»? Насколько глубоко необходимо искать взаимосвязи фактов и явлений с какой-либо личностью? При желании настоящий филолог найдет какую-нибудь опосредованную связь между любыми двумя словами в тексте, но вряд ли кому-то нужны искусственные изыскания.

Думается, подход в таких ситуациях нужен простой и очевидный: связывается ли однозначно распространенная информация с личностью истца? Если он является представителем какой-либо группы лиц, о которой шла речь, то имеет место не идентификация как закономерный факт, а самоидентификация как акт субъективного восприятия. Сложнее, если речь идет о предприятии или организации. Как соотносится информация с личностью руководителя? И напротив, порочит ли информация о

руководителе все предприятие? Полагаем, что в каждом конкретном случае надо разбираться: каков характер информации, каковы расставленные акценты, чья роль в тексте превалирует?

Анализ ситуации лингвистом не должен противоречить естественному восприятию текста носителем языка. Нередко доказательство соотнесенности информации с истцом или отсутствия таковой зиждется на весьма сомнительной научной основе. Так, в одной лингвистической экспертизе автор доказывал, что текст непонятно о ком написан, что речь идет о некоей команде – какой команде? Команда – это группа людей, объединенных...и т.д. А в тексте совершенно очевидно речь шла о мэре города, притом в начале текста об это прямо говорилось со всеми необходимыми номинациями. Естественно, с целью устранения повтора и тавтологии использовались перифразы, контекстуальные синонимы. «Новая команда» - вполне понятная любому носителю языка в предлагаемом контексте номинация. Новый мэр набирает себе подчиненных, с которыми ему удобно работать, и эта группа людей называется «командой мэра». В общем, всем все понятно, а лингвист убеждает в экспертизе, что непонятно. Приходилось сталкиваться с экспертизой, в которой порочащее высказывание было вырвано из контекста и, поскольку оно содержало местоимение «он», автор экспертизы сокрушался, что непонятно, кто же такой «он». А стоило всего лишь посмотреть на контекст, и искомый «он» определился бы безошибочно, поскольку личные местоимения и существуют для указания на уже названные предметы.

Но все это случаи, как нам представляется, тенденциозно выполненных экспертиз, которые необходимо оспаривать, привлекая для этого иное мнение другого лингвиста. Научная же разработка основ лингвистического анализа рассматриваемой целевой направленности сведет к минимуму возможные манипулятивные ходы, отводящие правовые последствия для распространителя информации.

Сказанное не означает, что всегда референциальная соотнесенность информации может и должна быть найдена. Во многих случаях авторы текстов останавливаются на общем выражении недовольства и указании на причину проблем в традиционном русле максимального обобщения, без конкретизации, во избежание правовых проблем и по причине отсутствия убедительных и неоспоримых фактических доказательств.

Квартирный метр жилья в Троицке сегодня стоит почти 11 тысяч, в южноуральской столице эта цена намного выше. Метр доступного жилья в городе становится неподъемным в цене. Много денег уходит на взятки и согласование проектов. И оказывается, построить многоквартирный дом в Троицке дешевле, чем в Челябинске. Строители говорят, что экономика здесь ни при чем. Во всем виновата городская власть и административный ресурс.

В целом вина за сложившееся положение возлагается на «городскую власть»: «во всем виновата городская власть», – но в самом общем виде, в меру объективной ответственности городской администрации за все происходящее в городе. Никакие лексико-грамматические показатели, общая семантика текста не позволяют соотнести фразу о взятках с Администрацией города Челябинска как субъектом действия и с конкретными лицами. Правовая грань не перейдена: никто конкретно не обвинен в совершении противоправного действия, хотя камень брошен в определенную сторону.

Еще одна проблема – доказательство отнесенности к какому-либо лицу реплики, произнесенной в ходе живого диалога. Такой вопрос возник в ходе рассмотрения нашумевшего дела Ароян – Киркоров. В нашей практике также была такая ситуация, модель которой можно представить следующим образом: в ходе диалога двух лиц при публичном общении одно лицо произносит реплику, предполагающую правовую ответственность (порочащую или оскорбительную). Вопрос: отнесена ли была эта реплика к истцу? Киркоров нашел рифму к слову «звезда» из числа обценных (табуированных) слов. Но охарактеризовал ли он таким образом Ароян, или,

как предложил один из экспертов по делу, это была языковая игра: звезда – п...да? В нашей ситуации высокое должностное лицо грубо высказалось в адрес журналиста, но потом настаивало на том, что это была реплика «в воздух», без адресата. В таких случаях нужно анализировать ход диалога, возможность выключения в этом месте беседы одного из участников из речевого взаимодействия и его включения в новый диалог с другим лицом, возможность, оправданность и логичность в предлагаемых обстоятельствах «разговора с самим собой» и языковой игры.

Как нам представляется, в обоих рассматриваемых случаях диалог продолжался, его прекращение не подтверждается последующими репликами, а переключение на другой объект или «внутренний монолог вслух» не оправданы ни логикой развития речевой ситуации, ни характером обстоятельств. При разрешении данной проблемы возможно привлечение средств видеосъемки: направлен ли поворот головы говорящего в сторону объекта речи, наблюдается ли идентифицируемый голосовой посыл в определенном направлении?

Еще одна проблема – доказательство отнесенности высказываний к истцу при сочетании вербальной и невербальной форм передачи информации.

Невербальные средства референции используются как средство ухода от правовой ответственности при достижении цели дискредитации. Именно поэтому мы говорим о том, что лингвист для достижения объективного результата в своей экспертизе, а именно для восстановления научными методами реальной картины восприятия материала массовым реципиентом, не может ограничиваться анализом только вербального текста, а должен учитывать и связанные с ним видео- и аудио-образы, а также пресуппозиции, то есть рассматривать весь конфликтный дискурс в целом.

Визуальные средства представлены двумя разновидностями: изображением дискредитируемого лица и изображением объектов, связанных с этим лицом.

Изображение дискредитируемого лица может быть натуралистичным, естественным (фотография, видеосъемка), а может быть карикатурным. В последнем случае процедура доказывания существенно затрудняется, и, возможно, наиболее убедительным средством доказывания становится прием анкетирования реципиентов, соотносящих изображение с каким-либо лицом. Такой прием использует, на наш взгляд, успешно Санкт-Петербургский государственный экспертный центр.

Модель реализации визуального средства референции зависит от вида средства массовой информации. В телевизионном варианте связь бывает более очевидной: на фоне изображения объекта дискредитации звучит порочащий текст. В печатном издании связь информации с субъектом несколько слабее, хотя реципиент ее безошибочно выявляет, становясь при этом объектом манипуляции: рядом с изображением объекта дискредитации соседствует порочащая информация.

Рассмотрим пример сообщения, формальное значение которого существенно отличалось от смысла, формируемого более широким контекстом.

В предвыборном издании одного из депутатов в Городскую Думу в рубрике «Думайте» опубликованы сведения:

«В 2003 году вспышка дизентерии – кишечной инфекции была зарегистрирована в городах Челябинской области. В общей сложности пострадал 161 ребенок дошкольного и младшего школьного возраста. Одну пятилетнюю девочку пришлось спасать в реанимации, а у 60 детей врачи констатировали отравление средней степени тяжести. Все пострадавшие были отравлены молочной продукцией, изготовленной на молокозаводе».

Вне контекста сообщение кажется безадресным, не отнесенным ни к какому лицу или предприятию конкретно, а потому не способным выполнить порочащую функцию. В данном случае авторами материала применен прием умолчания как средство ухода от ответственности за распространение порочащих сведений. Прием умолчания заключается в несообщении

реципиентам принципиально важных пресуппозитивных сведений, что приводит при продуманном контекстуальном расположении к запрограммированному эффекту.

В рассматриваемом случае автор публикации дал информацию с максимально обобщенной адресностью: речь идет о продукции, «изготовленной на молокозаводе». На каком молокозаводе? Читательское восприятие направляется в определенное русло всем контекстным окружением.

Во-первых, в предыдущем материале шла речь о Дмитрие Еремине, и читателям сообщалось о том, что он «является хозяином молокозавода №1».

Во-вторых, рядом с конфликтным текстом расположена карикатура, изображающая Еремина Д. сидящим на подводе (телеге), везущей бидоны с молоком.

Этих факторов достаточно для того, чтобы читатели восполнили пустующую нишу (неназванный молокозавод) подсказанной информацией и связали сообщение об отравлениях с молокозаводом №1 и с личностью Д.Еремина.

Использованный автором публикации прием основан на явлении пресуппозиции. По законам языка возможно умолчание о том, что известно и автору высказывания, и читателю. Умолчание в тексте рассматриваемого материала о номере молокозавода воспринимается как пресуппозитивное.

Однако в данном случае пресуппозиция является ложной. Общие затекстовые знания участников речевой ситуации отсутствуют. Авторы намеренно распространили неконкретизированный материал, поскольку знали, что случай отравления некачественным молоком произошел не в Челябинске, а в Чебаркуле, и предприятие и его руководитель, чью деловую репутацию в предвыборной борьбе необходимо было умалить, не имеют к произошедшему никакого отношения. Читатель же об этом не знает. Контекст же подсказывает читателю запрограммированное авторами в дискурсе осмысление.

Таким образом, у читателя специальным стилистическим приемом было сформировано представление о том, что именно молокозавод №1, владельцем которого является Д.Еремин, выпустил некачественную продукцию, которой отравились дети. Такая информация задевает деловую репутацию и предприятия, и его руководства.

Если цель закона – защитить лицо от несправедливых обвинений, а общество – от недобросовестно сообщенной информации, то в случае недоказанности такие сведения должны быть признаны порочащими и опровергнуты. В данном случае текст опровержения должен восполнять умолчание и вносить ясность относительно производителя некачественной продукции.

Содержание распространенной информации: что сказано про г-на X? порочит ли эта информация его доброе имя?

Вопрос, отражающий этот аспект исследования, может иметь различную формулировку: содержатся ли в тексте сведения, порочащие честь, достоинство и деловую репутацию г-на X? содержатся ли в тексте сведения негативного характера, отнесенные к X? содержится ли в тексте информация, формирующая негативное отношение к X? Часто этот единый по сути вопрос делят на части, в таком случае при ответе неизбежно дублирование: да, есть негативная информация; естественно, любая негативная информация о г-не X плохо влияет на его репутацию.

В любом случае вопрос направлен на выявление сущности воспринятой реципиентами информации. Что именно было сказано и действительно ли это было сказано (прямо или подтекстом), или истцу померещилось?

При разрешении этой проблемы в результате анализа всего конфликтного дискурса, жанра текста, пресуппозиций и импликаций лингвист выявляет смысл распространенных сведений.

Выделим внутри рассматриваемого блока анализа в свою очередь два вполне самостоятельных аспекта: 1) что сказано? 2) порочит ли эта информация?

Начнем со второго аспекта. Существенные сложности возникают при определении порочащего (чернящего)/ непорочащего (нечернящего) характера распространенных сведений. В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 года «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц», **порочащими** считаются *«сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина или юридического лица».*

Категории правильного / неправильного, честного / нечестного, этичного / неэтичного находятся в тонкой нравственно-этической плоскости, которая, как известно, исторически изменчива, социально, национально и конфессионально определена и лично индивидуально. Поскольку, в соответствии с Постановлением Верховного Суда от 25.02.2005., порочащий характер сведений, наряду с фактом их распространения и несоответствием действительности, является обязательным условием для положительного для истца решения, пункт этот становится в ряде случаев полем битвы нравственных систем. К сожалению, в некоторых случаях лингвистика бессильна дать какой-либо комментарий, поскольку этические оценки не входят в ее компетенцию.

Однако от лингвиста, как правило, требуется конкретный ответ на вопрос: способна ли действительно (пусть гипотетически) та информация, по

поводу которой истец обратился в суд, нанести ущерб его доброму имени и репутации. Однозначно порочащими считаются обвинения в совершении противозаконных действий, также вполне очевиден негативный характер обвинений в нарушении тех нравственных норм, которые считаются общепризнанными и отражены в религиозных заповедях.

Другой аспект декодировки смысла конфликтного текста, названный нами первым, – выявление порочащего смысла – является действительно истинно лингвистическим и заключается собственно в выявлении самой сущности распространенной информации. Для этого во многих случаях необходимо «вытащить на поверхность» убедительными объяснениями тот смысл, который всем понятен, но прямо не высказан. При этом распространитель зачастую отрицает очевидные вещи, поэтому лингвист должен убедительно аргументировать наличие в тексте тех смыслов, которые наносят ущерб репутации объекта очернения.

Так, в нашей практике был случай, когда одно должностное лицо сказало о другом: «Он так капитально принял на грудь, что на следующий день не смог встречать президента». Распространитель утверждал, что ничего плохого не имел в виду: мало ли что можно принять на грудь, штангу например, и в таком случае высказывание никого не порочит. Вот тут и начинается работа лингвиста: убедительно, научно обоснованно аргументировать, что в данном случае была распространена информация о том, что истец, по словам говорящего, накануне приезда президента принимал алкогольные напитки в таких количествах, что по-простому можно сказать о нем, что он напился, в результате чего не смог выполнить свои должностные обязанности. Так это было или не так в действительности – предмет другого этапа судебного разбирательства, посвященного выяснению достоверности / недостоверности распространенной информации и не имеющего отношения к лингвистике.

Не всегда и не для всех является очевидным, что рассматривать необходимо не отдельные фразы, а именно смысл как категорию не

формального, а семантического уровня. Читатель не анализирует текст, он понимает из него то, что ему хотели передать. Зачастую этот смысл не выражен в конкретном предложении, которое можно предъявить для опровержения. В том-то и заключается самая интересная профессиональная работа лингвиста, чтобы объяснить механизм выражения той или иной мысли. Ответ на вопрос: «Содержится ли в тексте высказывание о том, что...?» – лишает лингвиста возможности выявить истинные смыслы конфликтного текста, и лингвист обязан объяснить, что отсутствие конкретного высказывания еще не свидетельствует об отсутствии соответствующего смысла.

Что значит «определить информационную природу сведений»?

Определение информационной природы распространенных сведений – необходимый, концептуально значимый аспект лингвистической экспертизы по делам исследуемого типа. Вопрос: «Содержит ли текст сообщения о конкретных событиях и фактах или выражает субъективное мнение автора?» -- направлен на разрешение принципиально значимой проблемы дифференциации сведений на объективно-верифицируемые (объективными их можно назвать, конечно, только с языковой точки зрения) и субъективно – неверифицируемые. Вопрос может быть поставлен различным образом:

- рассматриваемая информация является фактуальной или оценочной?
- сообщается ли в тексте о неких событиях как о реальных или выражена только позиция автора?
- являются ли рассматриваемые негативные сведения событийными или субъективно-оценочными?

При различии в формулировках качественная лингвистическая экспертиза по делам этого типа неизбежно должна содержать анализ текста на предмет выявления сведений, которые должны подвергнуться верификации (и это возможно!), и сведений, которые такой верификации подвергаться не должны и не могут.

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 года «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» обозначена граница между правом на свободу слова и правом на честь и достоинство: *«...следует различать имеющие место утверждения о фактах, соответствие действительности которых можно проверить, и оценочные суждения, мнения, убеждения..., которые, являясь выражением субъективного мнения и взглядов ответчика, не могут быть проверены на предмет соответствия действительности».*

То есть не вся негативная информация в адрес какого-либо лица может быть признана порочащей, чего тенденциозно не замечают многие эксперты, старательно доказывая, какой урон репутации истца наносит какой-либо материал, но умалчивая о его демонстративном субъективизме.

Событийные, или, как их еще называют по различной терминологии, фактологические, фактуальные, описательные, сведения сообщают о событиях, процессах, явлениях, произошедших в конкретных условиях места и времени. Это информация о конкретных ситуациях, происшествиях или событиях, о поступках или поведении физического лица, о деятельности лица юридического. Такая событийная, фактуальная информация либо соответствует, либо не соответствует действительности, подвергается верификации и в случае недоказанности считается порочащей. По решению суда порочащие сведения опровергаются в СМИ, их распространившем. Вопрос о соответствии сведений действительности в компетенцию лингвиста не входит, его задача ограничивается самим вычленением из текста этой информации.

Вторая группа сведений представляет собой мнения, оценки, концепции, прогнозы, выражение отношения к событиям, явлениям. Оценочные суждения являются средством авторского самовыражения и потому не подвергаются идентификации действительности, а соответственно, не могут быть ни лживыми, ни порочащими. В соответствии с законом о

СМИ журналист имеет право высказывать несогласие с кем-либо, критиковать чью-либо деятельность, выражать негативное отношение. Допустимы любые негативные оценки конкретных фактов, событий. Мнения и оценки не опровергаются, а оспариваются в печати в порядке полемики.

Именно определение информационной природы распространенной информации – одна из основных функций лингвиста, поскольку очень часто истцы по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации предлагают для опровержения информацию, которую невозможно соотнести с действительностью и верифицировать.

Лингвист вычленяет из текста, содержащего не только соседствующие, но и взаимопроникающие элементы объективного и субъективного, событийного и оценочного, те сведения, которые являются событийной канвой, организующей авторские модальные и прагматические напластования. В результате такого анализа эксперт должен предложить суду конкретные положения для проверки на предмет достоверности, освобожденные от формы авторского субъективизма. Для этого лингвист рассматривает семантическую и семную структуру языковой единицы, отделяет номинативную составляющую значения от коннотативной. Считаем, что следует отойти от сложившейся практики выдвигания для доказывания конкретных цитат из текста. В чем же в таком случае будет заключаться заслуга лингвиста, если судебное разбирательство, как и без его участия, будет запутано сочетанием денотативного и субъективно-оценочного начал? Так, трудно доказывать, что «этот чиновник паразитирует на теле государства». Метафора заслоняет содержательную сущность высказывания. Можно привести доказательства того, что «этот чиновник использует государственные ресурсы в личных целях». Например, журналист докажет, что чиновник брал взятки, или занимался бизнесом, используя свои административные ресурсы, или принимал решения, выгодные лично ему.

Дифференциация двух противопоставленных групп сведений нуждается в научно обоснованной методике. Необходимо признать, что в

одном высказывании могут сочетаться информационные компоненты, представляющие обе категории. Это давно признала лингвистика, почему мы и характеризуем вопрос: «Как отличить объективную информацию от субъективной?» -- как некорректный. При доказанности в лингвистике это положение почему-то никак не приживается в сфере практического использования лингвистики, и профессиональные филологи в своих целевых лингвистических исследованиях смело делят высказывания на четкие две группы. Так, в [Губаева, Муратов, Пантелеев 2002] приведен пример оценочного высказывания: «Просто удивительно, как он решился на очередной большой обман при сведущих людях». На наш взгляд, наряду с авторским удивлением – неverified оценкой – в предложении присутствует четкое сообщение о том, что некто решился на обман (притом очередной, то есть не первый, значит, утверждается факт как минимум еще одного обмана), и это сообщение событийное и, следовательно, верифицируемое. Что это был за обман, в чем он заключался? Кто был обманут? Распространитель информации имеет возможность доказать сказанное, или станет очевидной необоснованность обвинений. При признании сведений оценочными процедура доказывания не состоится, а истец останется без опровержения.

Как отличить высказывания объективные и субъективные?

Обозначенный вопрос с точки зрения лингвистики звучит несколько грубо и даже ненаучно. Однако именно так понимают ситуацию участники речевого конфликта, вызванного распространением порочащих сведений. И по большому счету правильно понимают, необходимо только всем участникам судебного разбирательства вкладывать идентичный смысл в условно используемые термины.

Что в данном случае понимается под объективным и что под субъективным?

Тезис об изначальном субъективизме речи вообще, начиная с отбора фактов, нами принимается и не оспаривается. И все-таки нельзя отрицать,

что сообщение может быть преподнесено как информация об объективно существующих реалиях и как информация о субъективном восприятии этих объективно существующих реалий. О том, насколько что объективно во внеязыковой действительности, мы вообще не говорим, поскольку языковая информация не может дать нам оснований для такого соотнесения, так как она может быть лживой. Поэтому мы говорим только о том, претендует ли высказывание на объективное или субъективное.

Чтобы отделить объективное в тексте от субъективного, необходимо анализировать текст, опираясь на те языковые уровни, на те языковые аспекты высказывания, которые значимы в данном случае. Так, рассмотрим определение информационной природы высказывания: *«Губернатор довел город до нищеты»*. Что в нем объективно, а что субъективно? И к какой категории – оценочной или фактуальной – его отнести?

Если следовать формальным теориям модальности, то выражение имеет форму изъявительного наклонения и не содержит маркеров субъективного отношения. Означает ли это, что перед нами событийное суждение? И, следовательно, его можно опровергнуть или доказать?

Рассмотрим содержательную сущность предложения. Оно включает два блока информации, связанных с предикативной основой: город доведен до нищеты, сделал это губернатор. Какой уровень благосостояния города можно назвать нищетой? Ни в одном словаре не названы критерии нищеты и богатства, то есть оценка материального положения города журналистом имеет явно субъективный характер, она не подлежит проверке на предмет соответствия действительности, поскольку отсутствуют критерии такой проверки.

Насколько объективно, то есть для нас событийно, проверяемо утверждение о виновности губернатора в сложившейся негативной ситуации? Согласитесь, что практически непроверяемо. И не по находящимся вне компетенции лингвиста причинам, а именно по языковым, семантико-стилистическим.

Рассмотрим семантику слова *довел* (довел до нищеты, довел до истерики, довел до разорения, довел до инфаркта). Его коннотативное значение сводится к обвинительной оценочности: *виноват*. Денотативное же значение максимально ослаблено: совершил ряд действий или, напротив, не совершал действий. Итак, виноват, но по какой причине? В самом слове ответ на этот вопрос не заложен. Так что проверять на соответствие действительности нечего, так как слово «довести» является оценочным, в нем коннотативная информация поглощает денотат, максимально абстрактный и очень слабо соотнесенный с реалиями действительности. Признание рассматриваемого суждения фактуальным привело к дискуссии в стенах суда, в ходе которой ответчик приводил доказательства нищенского положения города и виновности в этом губернатора, а истец доказывал обратное. Решение такого разбирательства не может быть объективным, поскольку сущность обсуждаемого высказывания субъективна. Это вывод, сделанный журналистом из ряда известных ему фактов. В статье они, естественно, приводятся. В таких случаях оспариваются не конкретные сведения, имеющие привязку к месту, времени, количеству, а сделанный на их основе вывод. Вывод может быть логичным или нелогичным, убедительным или неубедительным, рекламным или антирекламным, но он является результатом субъективного анализа ситуации, и его следует не опровергать в результате судебного процесса, а оспаривать в печати в порядке полемики.

В данном случае определить информационную природу высказывания помог анализ семантики лексического строя.

Существуют ли конкретные лингвистические критерии, по которым можно было бы отделить фактуальную информацию от оценочной?

Еще раз подчеркиваем свою позицию, основанную на анализе большого количества материала: необходим многоуровневый анализ всего текста, причем каждую категорию необходимо соотнести с другими.

Все попытки предложить конкретные критерии дифференциации оказываются несостоятельными. Так, звучали предложения положить в основу дифференциации такие критерии, как объективная модальность (показателем которой является форма наклонения глагола-сказуемого), характеристика предложения по цели высказывания, показатели субъективной модальности (обычно имеются в виду лексические показатели).

Наш анализ конфликтных текстов привел к убеждению, что ни одна из перечисленных грамматических категорий, как и никакая другая, не препятствует способности предложения сообщать о событиях как объективно имевших место в действительности.

Как нам представляется, соотнесение высказывания с действительностью может основываться только на анализе многочисленных факторов всех языковых уровней. При соотнесении высказывания с действительностью одни компоненты семантической структуры высказывания будут соотнесены с действительностью как реальные, а другие - как ирреальные, и только логический анализ всех аспектов содержания укажут на эту дифференциацию.

1.Формоцентрические теории модальности, восходящие к В.В.Виноградову [Виноградов 1950], разделяет грамматическую модальность на объективную и субъективную. Объективная модальность характеризуется в перспективе говорящего субъекта, который выражает в высказывании объективное отношение к действительности самими грамматическими формами, субъективная модальность выражается показателями субъективной модальности, в частности вводными словами, частицами, др. средствами.

Казалось бы, эта точка зрения очень удобна для осуществления необходимой нам дифференциации, так как объективную модальность в лингвистике можно соотнести с фактуальностью, а субъективную модальность – с оценочностью. Тезис о совмещении объективного и

субъективного в высказывании представляется естественным и вписывается в логику развития лингвистики последнего столетия. А вот определение высказывания как реального или ирреального в рамках объективной модальности на основании наклонения глагола-сказуемого представляется не отражающим действительности. Попытка на практике использовать такой подход показала, что концепция эта зиждется на формальных критериях и не позволяет классифицировать целый ряд языковых явлений. Позиция, согласно которой условное и повелительное наклонения соотносятся с ирреальной модальностью, при рассмотрении конкретных конфликтных текстов совершенно неоправданно расширяется до утверждения о неспособности этих грамматических форм передать сообщение об имевших место событиях. Конечно, имевших место в преподнесении прагматического субъекта. Соответствие действительности предстоит еще верифицировать, в компетенции филолога – установить сам факт возможности такой верификации.

Именно эта основа дифференциации сообщений «реальных» и «ирреальных» наиболее распространена на настоящий момент и используется в юрислингвистической практике. В соответствии с этой логикой, предложение *«Директор предприятия прикарманил деньги, выделенные на социальные нужды»* имеет реальную объективную модальность и, следовательно, является сообщением о событии, соотношенном с действительностью как реальное. Предложения же *«Если бы директор предприятия не прикарманил деньги, они пошли бы на социальные нужды»* и *«Проголосуйте же за этого человека, который прикарманил деньги, выделенные на социальные нужды»* получают характеристику «ирреальной модальности» в силу реализации предикатов глаголами повелительного и условного наклонений. Но что реально скрывается за словами «нереальная модальность»? Означает ли это, что все высказывание не соотносится с действительностью как реальное, что в нем нет сообщения о реалиях бытия, представленных как объективно существующие?

Представляется, что это далеко не так. Не только сложное, но и простое предложение содержит не один информационный блок, и каждый из этих информационных блоков имеет свое отношение к действительности.

Нереальная объективная модальность предложения не препятствует выражению сообщения о соотнесенном с действительностью событии как реальном: *Если бы предназначенные кредиторам средства не осели в кармане конкурсного управляющего, долги были бы уже выплачены.* Наряду с предположением о возможном развитии событий высказывается сообщение о реально произошедшем: средства осели в кармане конкурсного управляющего.

Ограничение семантико-прагматической категории реальности формальными рамками изъявительного наклонения глагола-сказуемого представляется неубедительным и по той причине, что сообщение может содержаться и не в грамматической основе предложения: *Не голосуйте за человека, укравшего у города миллионы.* Сообщение порочащего характера, причем преподнесенное как очевидный, не подлежащий сомнению факт, содержится в обособленном определении, выраженном причастным оборотом. Повелительное наклонение глагола-сказуемого оформляет призыв, побуждение к действию, обоснованное автором высказывания утверждением о вполне определенном событии. *Если бы X воровал чуть меньше...* Сослагательное наклонение не препятствует выражению утверждения: X много ворует.

2. Грамматические теории модальности не учитывают экстралингвистических факторов. Так, форма будущего времени, как и само будущее вне его языкового осмысления, очевидно имеет иное отношение к действительности, чем прошедшее и настоящее. Объединенные формой наклонения как лингвистической категорией, три формы времени противопоставлены относительно реальности-ирреальности сообщения в свете модальности как категории прагматической. С прагматических позиций суждение в форме будущего времени всегда прогноз, предположение и для

автора суждения, и для реципиентов, а следовательно, должно квалифицироваться как мнение - реализация субъективности и ирреальности: *Такая политика «Х» приведет нас к краху; Чиновники положат эти деньги в карман, а на субсидии ничего не останется.* В приведенных суждениях содержится не утверждение об уже свершившихся событиях, а авторский прогноз относительно их развития - на момент речи неverified информация, соотносящаяся с действительностью как еще не воплощенная, следовательно, ирреальная.

Но и форма будущего времени не является гарантом отсутствия утверждения о реалиях действительности. Незначительное изменение ранее приведенного предложения – включение союза «и» – изменяет информационную природу суждения: *Чиновники положат в карман и эти деньги, а на субсидии ничего не останется.* Наряду с выражением мнения-прогноза автора относительно будущего, в предложении содержится имплицитное сообщение о неких других деньгах, уже положенных в карман. Модальность субъективно-ирреально-предположительная и объективно-реально-утвердительная сосуществуют в сообщении, одна-эксплицитно, другая- имплицитно.

3. Характеристика предложения по цели высказывания не определяет его модальную характеристику как высказывания, сообщающего о реалиях действительности или только моделирующего ее. Вопросительные и побудительные предложения, как и повествовательные, могут сообщать о событиях и фактах.

В рассматриваемом ракурсе прямое отношение к вопросу о характере модальности имеет вопрос о форме и сущности вопросительной формы предложения. Очевидно, что вопросительная форма не тождественна вопросительности как характеристике предложения по коммуникативной задаче. Исключительно грамматическое толкование вопросительности эксплуатируется адвокатами ответчиков и в некоторых случаях лингвистами-экспертами в судебных процессах: они доказывают, что вопросительное

предложение в принципе не способно формировать утверждения о событии. Действительно, вопросительная форма является средством уведения суждения из зоны утверждения в зону предположения: *Или деньги кредиторов «проедены» голодной командой управляющего?* В данном случае вопросительная форма предложения формирует версию, вариант, к которому читателю предлагают склониться, но который очевидно не является утверждением о факте.

Но вопросительная форма предложения не исключает реализации им утверждения. И это не только вопросительно-риторические конструкции: *Какое она имела право распространять доверенные ей по роду деятельности сведения?* (предложение утверждает распространение лицом сведений и выражает возмущение этим фактом), но и собственно вопросительные: *Куда же, дорогой, ты дел остальные 100 тыс. долларов?* По контексту понятно, что вопрос «куда?» для автора не праздный: далее он предлагает варианты ответа. Однако помимо вопроса-ремы куда? суждение содержит и тему-утверждение «ты куда-то дел 100 тыс.долларов».

В вопросительном предложении рема заключается в вопросительном слове с зависимыми элементами, остальная часть предложения представляет собой тему, констатирующую часть, которая является утверждением, сообщением о событии. В связи с этим представляется заблуждением утверждение о том, что вопросительное предложение не может ничего утверждать: *Как распорядится наш герой украденными у фонда средствами?* Помимо вопросительной части: как распорядится? – предложение содержит и утверждение: наш герой украл у фонда деньги.

Приведенные примеры убедительно показывают, что вопросительное предложение может содержать утверждение о событии.

4.Показатели субъективной модальности (вводные слова, частицы, модальная лексика и т.п.) находятся в сложных взаимоотношениях с собственно предикативной природой высказывания. С одной стороны, они привносят в суждение субъективизм, придающий ему гипотетический

характер. С другой стороны, они могут как соответствовать, так и противоречить основному модальному тону, создаваемому комплексом языковых средств, передающих информацию.

Понятие оценочности многие однозначно и прямолинейно связывают с маркерами субъективной модальности, что представляется неоправданным. Сравните, например: *Возможно, в 1998 году деньги были переведены за границу* (Автор предполагает, что деньги были переведены за границу) и *Возможно, деньги были переведены за границу в 1998 году* (Автор утверждает, что деньги были переведены за границу, и предполагает, что это было в 1998 году). Отметим полипредикативность второго предложения, которая создается отнесением модального слова не ко всему предложению, а только к обстоятельству времени. Добавочная пропозиция возникает в предложении не вследствие модальной деформации или транспозиции, а в связи с особой самостоятельностью конкретизатора времени «в 1998 году», который семантически дистанцирован от глагола-предиката. Основа предложения с обстоятельством места воспринимается как тема, а модальное вводное слово и обстоятельство времени – как рема.

Может быть, он вновь, как это уже было, подпишет фальшивые документы? Показатель предположительности относится к плану будущего, применительно же к уже осуществленному никакие показатели субъективной модальности не указывают на ирреальность. В предложении утверждается, что «он» когда-то подписал фальшивые документы. Этот фрагмент содержательной структуры представлен как объективно и реально соотносенный с действительностью. Так как же можно охарактеризовать модальность такого предложения: как реальную или ирреальную, субъективную или объективную?

Как видим, информационные блоки высказывания могут иметь разное отношение к действительности. В одном и том же предложении часть информации может преподноситься как соответствующая действительности, а часть - как предполагаемая, мыслимая, возможная. Дифференцировать

следует не фактуальные и оценочные языковые единицы, а фактуальное и нефактуальное в языковой единице.

Это один из ключевых и действительно продуктивных выводов по исследуемой теме, снимающий междисциплинарный конфликт и позволяющий реально объективировать подход к делам рассматриваемого типа, а теорию лингвистики обогащаящий более гибким, как нам представляется, взглядом на взаимоотношения объективного и субъективного, реального и ирреального в языковой единице.

Итак, проведенный анализ имел цель доказать, что категория модальности как показатель отношения к действительности имеет прагматическую природу и не ограничена ни рамками повествовательности как прагматической категорией предложения, ни рамками изъявительного наклонения глагола – сказуемого. К показателям субъективной модальности необходимо относиться избирательно и рассматривать в каждом конкретном случае их качественное содержание и отнесенность, что поможет объективно установить наличие в тексте утверждения о событии в противовес предположению о таковых.

Анализ конкретного языкового материала - конфликтных текстов, подлежащих судебному рассмотрению - позволил сделать вывод о том, что соотношение высказывания с действительностью имеет далеко не исключительно грамматическую природу. Ни одна из грамматических категорий, декларируемых многими лингвистами как критерий определения модальности реальности - ирреальности, не может быть однозначным показателем представления действительности в высказывании как объективной или субъективной. Модальность имеет текстовую природу и формируется целым рядом языковых средств, комплексный анализ взаимодействия которых и позволяет определить тип представления действительности в высказывании. Применительно к каждому высказыванию в результате такого анализа можно будет сказать, что в нем соотносится с

действительностью как объективное, реальное, а что - как субъективное, ирреальное.

Дифференциация утверждения и предположения

Вопрос: «Выражена ли информация в форме утверждения или предположения?» — существенен в делах рассматриваемого типа, поскольку, в соответствии с определением порочащих сведений, ими могут быть признаны только утверждения.

Утверждение логично противопоставить предположению.

Предположение или прогноз могут быть выражены предложением без конкретных лексических показателей авторского отношения (вводных, модальных слов): *Такая политика правительства приведет рано или поздно к экономическому краху.* Форма будущего времени глагола-предиката, а также само содержание предложения – социально-экономический прогноз, вывод из предшествующих рассуждений автора, – свидетельствуют о субъективном характере суждения, не подлежащем судебному рассмотрению. Поскольку информативная природа такого типа высказываний, по своей информационной природе являющихся мнениями, оценками, определена, применительно к ним становится несущественным наличие или отсутствие показателей субъективной модальности. Вводные слова (*как нам кажется, на наш взгляд* и подобные) лишь усилили бы субъективизм высказывания, но не повлияли бы принципиально на определение его информационного типа и на исход судебного разбирательства.

Иной подход необходим к тексту, сообщающему о событии, явлении, но содержащему маркеров субъективной модальности. Фактуальное по информативной природе сведение может быть преподнесено говорящим не как категоричное утверждение, а как предположение, вывод из известных фактов, как логическое умозаключение. Так, сообщение о том, что некое лицо берет взятки, пользуется служебным положением в целях получения личной выгоды по референтной природе является событийным и,

соответственно, верифицируемым. Однако в том случае, если журналист, приведя ряд фактов, которые истец не оспаривает, предполагает, что из всего сказанного можно сделать соответствующий вывод, то есть конкретными лексическими средствами указывает читателю на предположительный характер своего суждения, лингвист не может подвести такую информацию под категорию «утверждения». Подобные предположения приносят реальный моральный вред и далеко не всегда аргументированы достаточно убедительно, но, в соответствии с законодательным текстом, порочащими могут считаться только утверждения. Поэтому применительно к сведениям событийного, фактуального характера следует применять критерий дифференциации «утверждение – предположение». Предположения о факте хотя и неприятны объекту речи, но являются всего лишь субъективным видением ситуации автора высказывания, что не преследуется законом. Критерием отнесения сведения к названной категории являются конкретные лексические показатели субъективной модальности со значением сомнения, предположения, неуверенности.

На практике нередко имеет место использование манипулятивных приемов преподнесения информации. Автор текста, уводя свое сообщение из зоны риска, сопровождает его ссылкой на неопределенный источник: *по слухам, многие считают, по словам лица, приближенного к губернатору* и т.д. Такие показатели авторства информации (или псевдоавторства) формально не позволяют лингвисту говорить о категоричном утверждении, однако лингвист может обратить внимание суда на специфику рассматриваемой информации. Возможно, когда-нибудь результаты лингвистических исследований найдут отражение в юридической практике и в правовых документах.

Каждый параграф, посвященный лингвистическому исследованию в процессе определенного типа, сопровождается приложением – экспертизой или заключением на соответствующую тему.

!!! Обращаем внимание: оформление приведено не полностью, выпущены формальные характеристики, не имеющие отношения к собственно лингвистическому исследованию (сведения об эксперте, время производства). Образец полного оформления см. в приложении к разделу 2.3.

***Лингвистическое исследование в процессе по защите чести,
достоинства, деловой репутации***

ЗАКЛЮЧЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТА

11. 12.06.

г. Челябинск

Заключение выполнено по запросу Димитрова В.И.

Материалы для анализа:

1. Текст публицистического материала «Закусив удила» («Челябинский рабочий» №50 (25163) от 23.03.2006г.).

2. Текст искового заявления о признании распространенных в отношении Димитрова В.И. сведений недействительными и компенсации морального вреда.

Вопрос, поставленный на разрешение лингвиста:

Содержатся ли в тексте представленной статьи сведения, умаляющие честь, достоинство и деловую репутацию Димитрова Владимира Ивановича?

Лингвистический анализ

Анализируемый текст статьи «Закусив удила» представлен в газете как рекламный («на правах рекламы»), однако по своей содержательной сути он является антирекламным. По жанровой специфике текст можно охарактеризовать как критическую аналитическую статью, основным объектом рассмотрения в которой является личность Димитрова В.И.

Анализ всех содержательных, структурных и стилистических элементов текста свидетельствует о том, что главной целью текста является дискредитация Димитрова В.И. как личности и как руководителя. Стратегию дискредитации реализует уже предваряющая основной текст врезка, отражающая основное содержание предлагаемого материала: «Печальная история о том, как некогда перспективный руководитель и толковый инженер превратился в сутягу». Такой анонс настраивает на негативное отношение к герою повествования. Выстраивается оппозиция: некогда – сейчас, перспективный руководитель и толковый инженер – сутяга. Из такой постановки проблемы следует, что

сейчас герой повествования (по тексту Димитров В.И.) уже не перспективный руководитель и не толковый инженер, а сутяга.

Сутяга – вздорный неправедный истец, охотник до придиричивых тяжб [Даль В.И.]

Слово стилистически сниженное, имеет негативную коннотацию и по сути означает, что человек несколько раз подавал заявления в суд, притом, в соответствии с семантикой слова, по мелочам. Этот момент не является в статье ключевым, но, будучи расположенным в самом начале публицистического материала, отражает стратегию текста на дискредитацию.

Содержание статьи в общих чертах можно описать так: на базе и при помощи ЗАО «Челябвторцветмет» Димитров В.И. создал новое предприятие «Цветлит», после чего предпринял ряд мер по отстранению головного предприятия от управления дочерним. Так ситуация представлена в материале, из чего делается вывод о том, что Димитров *«отплатил черной неблагодарностью»*, к нему относится фразеологизм *«пригрел на груди змею»*, причем Димитров по тексту соотносится со змеей – символом коварства и охарактеризован как человек, *«не помнящий доброго отношения и способный на предательские удары в спину»*. Более того, в тексте утверждается, что на настоящий момент «Цветлит» находится на грани банкротства, в чем виноват Димитров В.И., намеренно планирующий обанкротить предприятие с целью получения личной выгоды. Кроме того, он незаконно продолжает исполнять директорские обязанности, от которых отстранен.

Краткого описания содержания текста вполне достаточно, чтобы стало очевидным, что такая информация наносит ущерб и имиджу фирмы «Цветлит», представленной несостоятельной, и чести, достоинству и деловой репутации Димитрова В.И. как личности и как руководителя.

В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 года «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц», **порочащими** считаются *«сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина или юридического лица»*.

Именно такие обвинения в адрес Димитрова В.И. и содержатся в тексте: в нарушении законодательства, в совершении нечестного поступка, в недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности.

Также очевидно, однако, что не любое нанесение ущерба чести и достоинству, а также деловой репутации может быть признано порочащим в юридическом смысле, поскольку изменение общественного мнения в худшую сторону может наступить и в результате получения объективной информации.

В этом же Постановлении обозначена граница между правом на свободу слова и правом на честь и достоинство: *«...следует различать имеющие место **утверждения о фактах**, соответствие действительности которых можно проверить, и **оценочные суждения, мнения, убеждения**..., которые, являясь выражением субъективного мнения и взглядов ответчика, не могут быть проверены на предмет соответствия действительности».*

То есть не вся негативная информация в адрес какого-либо лица может быть признана порочащей.

Событийные, или, как их еще называют по различной терминологии, **фактологические, фактуальные, описательные**, сведения сообщают о событиях, процессах, явлениях, произошедших в конкретных условиях места и времени. Это информация о «конкретных ситуациях, происшествиях или событиях, о поступках или поведении физического лица, о деятельности лица юридического» (1). Такая событийная, фактуальная информация либо соответствует, либо не соответствует действительности, подвергается верификации и в случае недоказанности считается порочащей. По решению суда порочащие сведения опровергаются в СМИ, их распространившем.

Вне компетенции лингвиста определение соответствия сведений действительности, функция филолога заключается в вычленении из текста сведений событийного (фактуального) характера (1,2).

Вторая группа сведений представляет собой **мнения, оценки, концепции, выражение отношения** к событиям, явлениям. Оценочные суждения являются средством авторского самовыражения и потому не подвергаются идентификации действительности, а соответственно, не могут быть ни лживыми, ни порочащими. В соответствии с законом о СМИ журналист имеет право высказывать несогласие с кем-либо, критиковать чью-либо деятельность, выражать негативное отношение. Допустимы любые негативные оценки конкретных фактов, событий. Мнения и оценки не опровергаются, а оспариваются в печати в порядке полемики.

Именно определение информационной природы распространенной информации - одна из основных функций лингвиста, поскольку очень часто истцы по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации предлагают для опровержения информацию, которую невозможно соотнести с действительностью и верифицировать.

Таким образом, для признания сведений порочащими в правовом аспекте необходимы следующие признаки:

- 5) порочащий характер распространенной информации (сообщение о нарушении закона или моральных принципов);
- 6) отнесенность информации к истцу;
- 7) событийный (фактуальный) характер распространенной информации (в противовес субъективным высказываниям, которые нельзя доказать);
- 8) несоответствие сведений действительности.

В компетенцию лингвиста входит ответ на первые три вопроса, четвертый выясняется в ходе судебного разбирательства.

Рассмотрим с обозначенных теоретических позиций, опираясь на принципы семантического анализа языковых единиц в контексте, предложенный для анализа текст. Выделим те порочащие Димитрова В.И. утверждения, которые являются событийными и которые, соответственно, распространитель должен доказать, с тем чтобы его материал мог быть охарактеризован как объективный, а не как порочащий.

1. Репутация Димитрова В.И. как руководителя неразрывно связана с репутацией предприятия. В тексте статьи утверждается, что *«Неудовлетворительное руководство предприятием по состоянию на 1 октября 2005 года привело не только к убыткам, но и уменьшению величины собственного капитала более чем в три раза»*. Из этой фразы следует, во-первых, что производство «Цветлита» убыточно, во-вторых, виноват в этом Димитров В.И. Если оценка качества руководства, как и любая другая оценка, является субъективной, то сообщение об убыточности производства «Цветлита» очень конкретно и представлено как объективное. Эта мысль активно развивается в тексте, и у читателей не остается никаких сомнений относительно ее обоснованности.

«Наряду с нарастанием конфликта между хозяйствующими субъектами происходило катастрофическое ухудшение экономических показателей фирмы «Цветлит».

Автор статьи использует конкретные цифровые данные, подтверждая несостоятельность управления «Цветлитом»: *«...сумма кредиторской задолженности + кредита успешной в недавнем прошлом фирмы по состоянию на 1 октября 2005 года*

превысила ее оборотные активы более чем на 72%... «Цветлит» задолжал своим партнерам больше, чем они ему».

В статье осуществляется прием «ссылка на авторитет». Катастрофическое состояние предприятия подтверждается, по утверждениям автора, анализом независимой аудиторской проверки:

*«Увидев столь аховую ситуацию на подведомственном предприятии, «Челябвторцветмет» как его основной учредитель пригласил независимую аудиторскую фирму «Траст-консалт» провести экспресс-диагностику публичной финансовой отчетности ЗАО «Цветлит». Обнаруженное аудиторами нас потрясло. Они указали, что итоги экспресс-анализа свидетельствуют о **неустойчивом состоянии предприятия** и означают, что у «Цветлита» **собственного капитала недостаточно для финансирования тех нефинансовых активов, которые функционируют на данном предприятии. Этот недостаток покрывается заемным капиталом, собственностью другой организации. Очевидно, что практически все финансовые активы, находящиеся в обороте, при этом не являются собственностью данного предприятия**».* Последняя фраза взята в кавычки, что является признаком цитирования. Из контекста следует, что это цитата из заключения аудиторов.

*«Кроме того, аудиторы установили, что все важнейшие признаки, могущие привести «Цветлит» к **банкротству**, налицо».*

Обобщим рассмотренный блок информации. Сущность ее сводится к тому, что **«гибнет эффективный бизнес»**, что на «Цветлите» **«аховая ситуация»**. Притом подтверждением тому служат, по утверждениям автора материала, результаты независимой аудиторской проверки. Это первый порочащий элемент распространенной информации, который является фактуальным, а не оценочным по своей природе и потому нуждается либо в доказательстве, либо в опровержении.

2. Второй аспект порочащей информации, связанной с Димитровым В.И., - утверждение о его незаконном нахождении на руководящем посту предприятия:

*«Владимир Иванович продолжает **противозаконно** исполнять директорские обязанности, от которых отстранен на законных основаниях».* Автор статьи утверждает законность отстранения Димитрова от директорских обязанностей и противозаконность его деятельности. Слово **«противозаконно»** звучит прямым текстом, открыто указывает на противозаконную деятельность лица, в результате чего прямо попадает под категорию порочащих сведений в том случае, если не будет доказана объективность прозвучавшего обвинения.

3. Третий, и наиболее серьезный, порочащий аспект распространенной о Димитрове В.И. информации заключается в обвинении в намеренном банкротстве.

Сначала автор сопровождает свои высказывания о противозаконных намерениях Димитрова осторожно, сопровождая маркерами субъективной модальности, показывая предположительный характер распространяемых сведений:

*«Впрочем, это, похоже, на руку Владимиру Ивановичу. Во всяком случае, у серьезных аналитиков складывается впечатление, что Димитров ведет дело к **преднамеренному банкротству**. Сказать по правде, и я предполагаю, что он стремится вывести активы, подвести ЗАО фирма «Цветлит» по банкротству, сменить владельца, отдать основные средства производства кредиторам за долги и **получить свой гешефт**».*

Гешефт просторечное, часто ироничное, неодобрительное – Выгодная спекулятивная сделка [Толковый словарь ненормативной лексики русского языка (3), с.131].

То есть высказывается мысль о противоправном действии Димитрова В.И. – спекулятивной сделке по намеренному банкротству предприятия с целью получения личной выгоды.

*«Как ни жаль, ЗАО фирма «Цветлит», должно быть, **«стараниями» Димитрова, может оказаться банкротом**».*

В «Послесловии к разговору» предположительность сменяется категоричным утверждением:

*«**Оказывается**, Димитров ничего нового не изобретал, а взял испытанный ранее метод банкротства предприятий: организовать новое предприятие, перевести все активы ЗАО фирма «Цветлит» в ООО «Цветлит», а ЗАО фирма «Цветлит» оставить с одними долгами и **обанкротить**».*

Слово **оказывается** содержит в своей семантике указание на реальность того элемента действительности, который описывается в предложении. Предложение сообщает о планомерно воплощаемом намерении Димитрова В.И. обанкротить «Цветлит». Такие действия являются уголовно наказуемыми, следовательно, Димитрова В.И. обвиняют в совершении уголовного преступления, и обвинение это звучит как утверждение, претендующее на объективность.

4. Димитров В.И. также обвиняется в некой фальсификации: *«...г-н Димитров 01 ноября 2005г. зарегистрировал на ЗАО фирма «Цветлит» новый устав общества на основании **сфальсифицированного и незаконного** общего собрания акционеров, о котором даже не знало ЗАО «Челябвторцветмет...»*

Как известно, наибольшее влияние на читателя имеет начало и финал публицистического материала. Послесловие к статье оформляет содержательную сущность дискредитирующего материала, а именно утверждает факт противозаконных действий Димитрова В.И.: «...здесь есть основания для пресечения **противоправных действий г-на Димитрова**». Приведенная фраза представлена со ссылкой на Юрия Возгова, однако она не меняет содержания распространенной информации, отрицательно влияющей на репутацию Димитрова В.И., представленного в тексте человеком, нарушающим закон и совершающим недостойные поступки. Поэтому информация о противоправных действиях Димитрова В.И. должна быть либо доказана, либо признана порочащей и опровергнута.

Выводы:

Текст публицистического материала «Закусив удила» содержит информацию, наносящую ущерб чести, достоинству и деловой репутации Димитрова В.И. Эта информация содержит сообщения о нарушении закона и моральных принципов. Оставив в стороне нравственные оценки, которые в случае отсутствия фактуальной базы являются несостоятельными, выделим конкретные событийные обвинения в адрес Димитрова В.И.:

1. Экономические показатели «Цветлита» *«катастрофически ухудшились»*, *«гибнет эффективный бизнес»*, предприятие *«на грани банкротства»*, о чем свидетельствует заключение независимой аудиторской фирмы «Транс-консалт».
2. Димитров В.И. *«продолжает противозаконно исполнять директорские обязанности, от которых отстранен на законных основаниях»*.
3. *«Димитров взял испытанный ранее метод банкротства предприятия»*, то есть совершает уголовное преступление.
4. *«г-н Димитров 01 ноября 2005г. зарегистрировал на ЗАО фирма «Цветлит» новый устав общества на основании сфальсифицированного и незаконного общего собрания акционеров»*.

Приведенные сведения, распространение которых влияет отрицательно на отношение к объекту дискредитации, должны быть либо доказаны распространителем, либо признаны порочащими и опровергнуты.

Литература:

1. Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юристов/ Под ред. проф. М.В.Горбаневского. М.: Медея, 2004г. – 104с.

2.Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации/Под ред. проф. М.В.Горбаневского – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Галерея, 2002. – 424с.

3. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка/ Д.И. Квеселевич. - М.:ООО«Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. - 1021с.

4. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца 20 столетия/ ИЛИ РАН; Под ред. Г.Н. Складневской. - М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2001. - 944с.

6.Иваненко Г.С. Лингвистические средства реализации инвективного (оскорбительного) намерения// Язык. Культура. Коммуникация/ Материалы международной научной конференции. – Челябинск, 2004. - С.75-77

7.Иваненко Г.С. Цель лингвистической экспертизы в процессах по защите чести и достоинства// Проблемы филологии в синхронии и диахронии. Сб. статей к юбилею профессора Л.А. Глинкиной/ Отв. ред. С.Г. Шулежкова. – Челябинск: Изд-во ООО «Полиграф-Мастер», 2005. – С.338 – 346.

8. Иваненко Г.С.Определение информационной природы конфликтного высказывания // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2006»/Под ред. Н.И.Лауфер,А.С.Нариньяни,В.П.Селегея. - М.: Изд-во РГГУ, 2006. - С191 - 195.

9. Иваненко Г.С.Структура лингвистической экспертизы в процессах по защите чести, достоинства, деловой репутации/ Юрислингвистика-6: Материалы Международной научно-практической конференции «Русский язык и современное Российское право»/Под ред. Н.Д. Голева. - Барнаул, 2006. -с.107-119

10. Иваненко Г.С. Лингвистическая экспертиза в процессах по защите чести, достоинства, деловой репутации: Монография. – Челябинск: Издательство ООО «Полиграф-Мастер», 2006. – 229с.

Кандидат филологических наук
доцент кафедры рус. яз. и МПРЯ ЧГПУ

/Иваненко Г.С./

2.2. Семантическая лингвистическая экспертиза — прочтение правового текста

Лингвистическая экспертиза семантического типа может быть направлена и на собственно правовой текст, ставший причиной разногласий сторон. Различное толкование закона либо другого юридически значимого текста (завещания, доверенности) требует четкого, аргументированного анализа. Анализ правовых документов опирается на разработанное в теории права учение о толковании закона, определяющее его виды, способы, приемы, среди которых на первое место традиционно и вполне оправданно выносятся так называемое грамматическое толкование как совокупность методов анализа речевых форм законодательного текста.

В каких случаях возникает необходимость в лингвистической трактовке текста закона?

Необходимость в лингвистической трактовке текста закона возникает в том случае, если возникла потребность в прямом, по законам языка, прочтении текста нормативного документа. Чаще всего лингвистическое прочтение необходимо в связи с несовпадающими трактовками нормативного акта двух противостоящих сторон, но возможно также обращение к лингвистическому толкованию во избежание судебного разбирательства. В целом причина одна: непонятно, какой смысл выражает текст или какой-либо его отрывок. Лингвистическая трактовка является одним из способов интерпретации нормативного текста, сочетается с другими способами, и любой вариант: совпадение или несовпадение этих прочтений – приводит к определенному результату.

В чем причина возможных разночтений правового текста?

Причины две: неправильная кодировка информации или ее неадекватная декодировка.

При неправильной кодировке законодатель высказывается не совсем точно или предлагает формулировку, которая не отражает истинные

намерения. Если такое несовпадение впоследствии выявляется, следуют корректировки или различные подзаконные акты и комментарии. Но если текст собственно нормативного документа так и остается неизменным, вопросы возникают вновь и вновь.

При прочтении текста, как и при его создании, необходима реализация навыков владения языковой системой. Несовершенство этих навыков, незнание отдельных аспектов речевой практики приводит к неправильной передаче мысли или к неправильному ее пониманию.

Наиболее распространенная причина правовых конфликтов, связанных с прочтением текста – амфиболия.

Что такое амфиболия?

Главным требованием к правоустанавливающему тексту является требование однозначности. Анализ правовых текстов показал, что основной причиной судебных разбирательств является амфиболия - двусмысленность, которая вполне объективно выявляется при лингвистическом анализе.

Амфиболия как междисциплинарное явление определяется как двойственность. Амфиболия в лингвистике – двусмысленность, возникающая в речи. Многие судебные разбирательства вызваны именно этим языковым свойством текста, возникающим в результате грамматико-синтаксического построения предложения. В лингвистике описаны некоторые порождающие амфиболию конструкции, например, существительное в именительном падеже плюс существительное в родительном падеже (обучение журналистов – журналисты обучают или обучаются?), предложение с существительными в омонимичных формах именительного и винительного падежа (Государство защищает народ – кто кого защищает?). Однако применительно к конфликтным текстам теория амфиболии нуждается в более тщательной разработке.

Наиболее частотной причиной амфиболии является грамматическая конструкция, совмещающая сочинительную и подчинительную связь. Например, вызвал судебное разбирательство текст Налогового кодекса РФ. В

ст.181 называются подакцизные товары, и пункт №6 относит к таковым «автомобили легковые и мотоциклы с мощностью двигателя свыше 112,5кВт (150л.с.)». Языковая структура этого положения допускает два толкования: второстепенный член, дающий характеристику: «с мощностью двигателя свыше 112,5 кВт» - может относиться как только к мотоциклам, так и к легковым автомобилям и мотоциклам в совокупности.

Анализ текстов, содержащих двусмысленность, позволил прийти к следующим выводам: 1)языковая амфиболия является источником разночтений и, как следствие, правовых конфликтов; 2)все возможные смыслы слова, выражения и текста должны учитываться; 3)правовая система нуждается в выработке форм реакции на языковую амфиболию конфликтных текстов

Идентичен ли подход ко всем правовым текстам?

Правовые тексты в юриспруденции подвергаются классификации. Нас же интересует лингвистический подход, а именно классификация с точки зрения специфики лингвистического анализа. С этих позиций все правовые тексты можно разделить на две большие группы, которые мы назвали «тексты закона» и «правоустанавливающие тексты».

Под правоустанавливающими текстами здесь понимаются тексты завещаний, доверенностей. Присоединим к этой группе тексты договоров. Правоустанавливающие тексты гораздо чаще, чем тексты нормативных актов, содержат признаки языковой амфиболии и потому гораздо чаще становятся предметом судебного разбирательства. Это связано с тем, что тексты законов создаются большим коллективом и затем редактируются, как правило, лингвистом. Ошибка или двусмысленность в нормативных актах скорее исключение, чем норма. Правоустанавливающие же тексты создаются отдельными людьми, часто не обладающими высоким уровнем речевой культуры. Опыт участия в разбирательствах подобного типа позволяет говорить о том, что и уровень подготовки среднестатистического юриста на сегодняшний день оставляет желать лучшего.

Кроме того, не исключены случаи мошенничества, намеренного построения правоустанавливающего текста таким образом, чтобы при поверхностном прочтении, ориентированном на доверчивого и не подозревающего подвоха читателя (как правило, ставящего свою подпись), на поверхности был один смысл, и только тщательный анализ, к которому запланировано прибегнуть потом, вскрывал бы иные аспекты текста.

Различия между названными двумя группами правовых текстов определяют и нетождественность подхода к их анализу.

В чем специфика анализа правоустанавливающего текста?

Специфика правоустанавливающего текста заключается в том, что не исключена его противоречивость, неграмотность и амфиболичность. Не исключено также намеренное формирование этих качеств текста с целью извлечения какой-либо выгоды. Следовательно, специфика анализа такого текста в необходимости эти противоречия, неправильности и двусмысленности увидеть, выявить, объяснить. В некоторых случаях необходимо выявить типовое, естественное для массового носителя языка понимание текста, определить закономерное восприятие текста.

Рассмотрим конкретную правовую ситуацию. Юная дама доверила своему возлюбленному распоряжаться своей квартирой с целью ее передачи в залог. возлюбленный квартиру продал. Девушка и ее родственники обратились в суд, и прежде всего с иском к регистрационной палате, в которой была совершена сделка. Лингвисту предложили проанализировать текст доверенности, в соответствии с которой доверенное лицо имеет право *«заключать все разрешенные законом сделки, в частности: с правом залога, определяя во всех случаях сроки, суммы и другие условия по своему усмотрению; быть моим представителем во всех учреждениях и организациях, включая органы государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним; производить расчеты по заключенным сделкам; получать причитающиеся мне деньги, а также документы, дубликаты от всех лиц, учреждений, предприятий, организаций;*

подавать всякого рода заявления, расписываться за меня и совершать все действия, связанные с данным поручением».

На заключение лингвиста поставлен вопрос: «Следует ли из языковой структуры доверенности право доверенного лица на совершение сделки купли – продажи?» За пределами лингвистического анализа не удержимся от возгласа: как такой несовершенный документ мог быть принят в качестве основания для совершения серьезной сделки с недвижимостью? Однако вернемся в рамки научного дискурса.

Для ответа на поставленный вопрос необходимо прежде всего рассмотреть значение и функции единицы «в частности», которая вводит в текст обособленный присоединительный оборот, называющий конкретные виды сделок, которые может совершать доверенное лицо.

Присоединительная конструкция, вводимая оборотом «в частности», по законам русской грамматики, имеет два значения:

Употребляется для указания на человека, предмет, явления и т.п., которые иллюстрируют что-либо общее путем выделения, подчеркивания какой-либо отдельной стороны этого общего, выступают в качестве конкретного примера, показывающего характер обсуждаемого множества аналогичных объектов;

Употребляется для введения в высказывание оборота, конкретизирующего, уточняющего какое-либо слово в предыдущей речи(3).

Итак, «в частности» имеет два значения: иллюстративное (синоним «например») и конкретизирующее, раскрывающее (синоним «а именно»).

Значения единицы «в частности», как и основной массы многозначных единиц русского языка, стилистически дифференцированы. В первом значении слово употребляется в разговорном, художественном и публицистическом стилях. В научном же и официально-деловом стилях оно реализуется во втором значении, то есть предваряет четкий и полный перечень того, что является частным проявлением того общего, что было

названо перед «в частности». Перечень этот составляется по принципу убывающей значимости элементов ряда.

Следовательно, в нашем случае обособленный присоединительный оборот, вводимый единицей «в частности», содержит конкретный, полный и четкий перечень прав доверенного лица.

Учитывая все сказанное, вынуждены констатировать, что доверенность составлена в грубом несоответствии законам русского языка. И это не только грамматические ошибки (конструкция «с правом залога» не имеет главного управляющего элемента: что с правом залога?) Активно развивающиеся в последнее время направления лингвистики: коммуникативный синтаксис и лингвопрагматика – определяют законы смысловой соотнесенности отрезков текста и частей предложения. В анализируемом тексте одна часть предложения вступает в противоречие с другой: до присоединительной конструкции обобщающая часть имеет более широкий смысловой объем, чем раскрывающая часть. Местоимение «все» в русском языке предполагает обычно указание на полный перечень элементов. Начало предложения формирует мысль о том, что доверенное лицо получает право «заключать все разрешенные законом сделки», и без присоединительного оборота из текста логично вытекал бы вывод о праве доверенного лица на осуществление сделки «купли-продажи». Однако поскольку уж конкретизирующий ряд был открыт в тексте, в соответствии с законом построения однородного ряда в официальном документе на первом месте должен стоять самый значимый по своим последствиям элемент. Но указание на право доверенного лица осуществлять сделку купли – продажи отсутствует, обозначено только право залога, в связи с чем меняется декодировка текста. Местоимение «все» обозначает «все следующие», «все, которые ниже будут перечислены» (просторечное употребление). Если заменить неграмотную конструкцию синонимичной, смысл текста можно передать так: «Доверенному лицу поручается заключать разрешенные

законом следующие сделки:...»или «заключать разрешенные законом сделки, а именно...»

Обозначенные противоречия сформировали амфиболию (двусмысленность). Однако, несмотря на неграмотное построение текста, его декодировка здравомыслящим носителем языка не предполагает, на наш взгляд, осмысления, в соответствии с которым доверенному лицу дается право осуществления сделки купли – продажи. При всей нелогичности документа очевидно, что доверитель не включил в длинный и подробный список прав доверенного лица право на продажу квартиры, и такое отсутствие столь значимого элемента ряда не может быть случайным.

Таким образом, отвечая на поставленный вопрос, подведем итог анализу: языковая структура доверенности не дает оснований считать доверенное лицо правомочным осуществлять сделку купли – продажи. Однако в свете обозначенной проблемы отметим, что причина судебного разбирательства именно в двусмысленности текста, возможно, намеренной.

Лингвистическое исследование — трактовка правового текста

Предварительные замечания

Настоящее заключение было выполнено по запросу социального объединения, занимающегося вопросами экологии. Целью судебного разбирательства была отмена ввоза на территорию области определенных видов отработанного ядерного топлива. По мнению «зеленых», в Челябинскую область ввозят для захоронения гораздо более разнообразные по типологии ядерные отходы, чем то предполагается Федеральным законодательством. Текст Положения «О порядке ввоза в Российскую Федерацию облученных тепловыделяющих сборок ядерных реакторов», утвержденного в Постановлении Правительства РФ №418 от 11 июля 2003г., на их взгляд, более широко трактует ключевые для решения вопроса понятия,

чем текст Федерального закона от 21 ноября 1995 г. «Об использовании атомной энергии». Анализ сложной синтаксической структуры делового текста с детальным сопоставлением семантики используемых понятий привел лингвиста к тому же выводу.

!!! Обращаем внимание: оформление приведено не полностью, выпущены формальные характеристики, не имеющие отношения к собственно лингвистическому исследованию (сведения об эксперте, время производства). Образец полного оформления см. в приложении к разделу 2.3.

Заключение лингвиста

Лингвисту предоставлены:

- текст искового заявления
- текст Федерального закона от 21 ноября 1995 г. «Об использовании атомной энергии»
- текст Положения «О порядке ввоза в Российскую Федерацию облученных тепловыделяющих сборок ядерных реакторов», утвержденного в Постановлении Правительства РФ №418 от 11 июля 2003г.

Вопросы, поставленные на разрешение специалиста:

1. Соответствует ли понятие «радиоактивные отходы», содержащееся в Федеральном законе «Об использовании атомной энергии», понятию «радиоактивные отходы», содержащемуся в Положении «О порядке ввоза в Российскую Федерацию облученных тепловыделяющих сборок ядерных реакторов», утвержденном в Постановлении Правительства РФ №418 от 11 июля 2003г.?

2. Соответствует ли понятие «тепловыделяющая сборка ядерного реактора», содержащееся в Федеральном законе «Об использовании атомной энергии», понятию «тепловыделяющая сборка ядерного реактора», содержащемуся в Положении «О порядке ввоза в Российскую Федерацию облученных тепловыделяющих сборок ядерных реакторов», утвержденном в Постановлении Правительства РФ №418 от 11 июля 2003г.?

Лингвистический анализ

1. Сравним два определения радиоактивных отходов.

В Федеральном Законе:

Радиоактивные отходы – ядерные материалы и радиоактивные вещества, дальнейшее использование которых не предусматривается.

В Положении «О порядке ввоза в Российскую Федерацию облученных тепловыделяющих сборок ядерных реакторов»:

Радиоактивные отходы – образовавшиеся при переработке облученныхборок ядерные материалы и радиоактивные вещества, дальнейшее использование которых не предусматривается.

Второе определение содержит дополнительный конкретизатор понятия ядерных материалов и радиоактивных веществ – определение, выраженное причастием с зависимыми словами: «образовавшиеся при переработке облученныхборок». Присоединение дополнительных конкретизаторов всегда сужает понятие. Так и в анализируемых текстах: в Федеральном Законе под радиоактивными отходами понимаются все ядерные материалы и радиоактивные вещества, дальнейшее использование которых не предусматривается, а в Положении «О порядке ввоза в Российскую Федерацию облученных тепловыделяющихборок ядерных реакторов» радиоактивными отходами признаются только те ядерные материалы и радиоактивные вещества, не предназначенные для дальнейшего использования, которые образовались при переработке облученныхборок. Другие отработанные ядерные материалы и радиоактивные вещества уже не подходят под категорию радиоактивных отходов. Очевидно сужение содержания понятия в Положении «О порядке ввоза в Российскую Федерацию облученных тепловыделяющихборок ядерных реакторов» по сравнению с содержанием того же понятия в Федеральном Законе.

2.Сопоставим содержание понятия «тепловыделяющая сборка ядерного реактора» в двух текстах.

В тексте Федерального Закона:

тепловыделяющая сборка ядерного реактора – машиностроительное изделие, содержащее ядерные материалы и предназначенное для получения тепловой энергии в ядерном реакторе за счет осуществления контролируемой ядерной реакции.

В тексте Положения «О порядке ввоза в Российскую Федерацию облученных тепловыделяющихборок ядерных реакторов»:

тепловыделяющие сборки ядерного реактора – машиностроительные изделия, содержащие ядерные материалы и предназначенные для использования в ядерном реакторе за счет осуществления контролируемой ядерной реакции.

Толкование понятия не идентично. Различия заключаются в характеристике предназначения определяемого изделия. Если по Федеральному Закону оно предназначено для получения тепловой энергии в ядерном реакторе, то по Положению – для использования в ядерном реакторе. Использование – более общая категория,

предполагающая различные формы реализации, в частности получение тепловой энергии. То есть в Федеральном Законе содержание понятия «тепловыделяющая сборка ядерного реактора» уже, чем в Положении «О порядке ввоза в Российскую Федерацию облученных тепловыделяющих сборок ядерных реакторов», позволяющем большее количество изделий подвести под обозначенную категорию изделий.

Вывод:

Рассматриваемые понятия в сопоставляемых текстах не тождественны.

Положение «О порядке ввоза в Российскую Федерацию облученных тепловыделяющих сборок ядерных реакторов», по сравнению с Федеральным Законом, содержит более узкую трактовку понятия «радиоактивные отходы» и более широкую трактовку понятия «тепловыделяющая сборка ядерного реактора».

Кандидат филологических наук

доцент кафедры рус.яз.и МПРЯ ЧГПУ _____ / Иваненко Г.С./

Комментарий

Судьба и роль заключения в судебном процессе неизвестна лингвисту. Возможно, положения или выводы анализа были использованы в исковом заявлении, в ходе судебного разбирательства или в процессе принятия административных решений.

Заключение специалиста

Материал для анализа:

1. п.2 ст.16 ФЗ от 22.11.1995г. №171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции», «Не допускается розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей продукции в детских, учебных, культовых и лечебно-профилактических учреждениях и на прилегающих к ним территориях...

Прилегающие территории определяют органы местного самоуправления в порядке, установленном субъектами РФ»

2.Постановление Губернатора Челябинской области от 28 января 2003г.№20

«п.1 ...устанавливает порядок определения прилегающих территорий, на которых не допускается розничная продажа алкогольной продукции и спиртных напитков с содержанием этилового спирта более13 процентов объема готовой продукции

п.2. Прилегающие территории, на которых не допускается розничная продажа алкогольной продукции и спиртных напитков с содержанием этилового спирта более 13

процентов объема готовой продукции (далее по тексту – прилегающие территории) – это прилегающие территории к следующим объектам:

детским, учебным, лечебно-профилактическим, культовым учреждениям;

местам массового скопления граждан и нахождения источников повышенной опасности;

оптовым продовольственным рынкам.

п.3. Прилегающие территории определяются путем установления расстояния в метрах от входа (выхода) к объектам, указанным в пункте 2 настоящего Порядка»

3.Постановление Главы города Челябинска от 21 апреля 2003г. №563-п № «Об определении прилегающих территорий, на которых ограничена продажа алкогольной продукции»:

«Учитывая сложившуюся инфраструктуру розничной торговли на территории города Челябинска, считать прилегающими территориями, на которых не допускается розничная продажа алкогольной продукции – территории с торговыми предприятиями, расположенными на расстоянии не менее 100 метров от входа (выхода) к детским, учебным, лечебно-профилактическим, культовым учреждениям».

Вопрос, поставленный на разрешение специалиста:

Как языковая структура приведенных нормативно-правовых актов определяет практические приемы измерения территории, на которой не допускается розничная продажа алкогольной продукции?

Лингвистический анализ

Изучение искового заявления ООО «ДИКСИ-Челябинск» и отзыва заинтересованного лица – Министерства сельского хозяйства Челябинской области позволило определить сущность конфликта, основанного на различном прочтении нормативно-правовых актов, определяющих территории, прилегающие к детским и др. учреждениям, на которых запрещена розничная продажа алкогольной продукции.

Лицензирующий орган определил прилегающую территорию проведением прямой от входа в детское учреждение до входа в магазин, и, поскольку это расстояние оказалось меньше 100метров, отказал истцу в лицензии.

Истец же считает, что «при определении дистанции до входа (выхода) к вышеуказанным объектам прилегающей территории, к которым запрещена розничная торговля алкогольной продукцией, лицензирующий орган необоснованно прокладывает прямую стометровую линию. При этом совершенно не принимается в расчет реальное расстояние, которое должно преодолеть лицо, намеренное приобрести алкогольную

продукцию, так как естественные препятствия на пути к магазину от соответствующего объекта фактически превращают сто метров по прямой в гораздо большее расстояние»

Какая же методика измерения территории, на которой не допускается розничная торговля алкогольной продукцией, предполагается нормативными актами?

Осуществим семантико-грамматический анализ правовых текстов.

Оттолкнемся от понятия «территория»

Территория – пространство земли (Современный словарь иностранных слов, С.-Пб., 1994. – с.605)

Пространство земли представляет собой площадь, которая может измеряться только в м².

Как определить границы прилегающей территории?

При прочтении текста: « *считать прилегающими территориями, на которых не допускается розничная продажа алкогольной продукции – территории с торговыми предприятиями, расположенными на расстоянии не менее 100 метров от входа (выхода) к детским...учреждениям*» - акцентируем внимание на следующих моментах:

1))« *считать прилегающими территориями территории, расположенные на расстоянии не менее 100 метров от входа в детское учреждение*»

Торговое предприятие, осуществляющее розничную продажу алкогольной продукции, должно располагаться на **расстоянии** не менее 100 метров от входа в детское учреждение.

Расстояние измеряется по прямой между двумя точками.

Следовательно, прилегающая территория может быть охарактеризована как площадь **окружности, центром** которой является вход (выход) детского учреждения, а **радиус составляет 100 метров.**

То есть ни одна точка торгового предприятия не должна попадать в радиус 100 метров от входа в детское учреждение.

2) «*Прилегающие территории... – это территории с торговыми предприятиями...*»

Существенно, что в тексте не идет речь о входе в магазин, речь идет о торговом предприятии.

Торговое предприятие - имущественный комплекс, используемый организацией для купли – продажи товаров и оказания услуг торговли. Имущественный комплекс включает земельные участки, здания, сооружения, оборудование, инвентарь, товары...» (ГОСТ РФ-51 303-999 «Торговля. Термины и определения» от 11.08.99. №242)

Для нас существенно, что прилегающая к детскому учреждению территория не должна пересекаться с территорией торгового предприятия, торгующего в розницу алкогольной продукцией.

Правовые документы не говорят ни о входе в торговое предприятие, ни о расстоянии, которое должен преодолеть потенциальный покупатель, поэтому можно с уверенностью сказать, что формально-грамматический анализ предложенных текстов не дает оснований для трактовок, предложенных истцом.

Вывод

Языковая структура нормативно-правовых актов определяет следующую методику измерения прилегающей территории:

вокруг входа(выхода) детского учреждения очерчивается окружность радиусом 100 метров, и если эта прилегающая территория пересекается с торговым предприятием, на территории последнего не допускается розничная торговля алкогольной продукцией.

Кандидат филологических наук

доцент кафедры русского языка и МПРЯ ЧГПУ

руководитель Центра культуры речи

/ Иваненко Г.С./

2.3. Семантическая лингвистическая экспертиза в уголовном процессе

Настоящий параграф имеет такое обобщенное название в связи с тем, что в данном случае в силу универсальности типа исследования невозможно конкретизировать тип уголовного процесса, в котором оно может применяться.

В каких уголовных процессах может быть использована лингвистическая экспертиза семантического типа?

Семантическая лингвистическая экспертиза может быть использована в процессе любого типа. Произведение речи в любой форме (письменной или устной) может оказаться значимой уликой при разрешении самых разнообразных вопросов. В различных ситуациях оказывается необходимым определить содержание и смысл предсмертной записки; смысл

приказа, отданного начальником подчиненному и приведшего к трагическим последствиям; смысл разговора двух участников преступления, из которого следует, было ли преступление спланировано, имел ли место сговор, кто был инициатором и другие аспекты.

Какой материал предлагается эксперту?

Поскольку в предлагаемой читателям книге мы делимся своим опытом, то и говорить будем о тех случаях, с которыми работали непосредственно.

В нашей практике семантическая экспертиза по уголовным делам назначалась исключительно на материале аудиозаписи. По-видимому, это наиболее удобный и реальный в нашей действительности материальный носитель для фиксации содержания какого-либо взаимодействия. На анализ лингвисту предоставлялись аудиозаписи устных разговоров, записанных на пленку, или зафиксированные телефонные разговоры, а также заверенные копии протоколов прослушивания фонограммы.

Помогает ли семантическая лингвистическая экспертиза действительно выявить какие-либо новые обстоятельства дела?

Ситуации бываю разные, и цель экспертизы зависит от обстоятельств. В большинстве случаев смысл прослушанного разговора представляется понятным, однако то лицо, которое в представленном диалоге совершает такое речевое действие, последствия которого могут повлечь для него уголовную ответственность, как правило, предлагает свою версию происходящего. Так, например, в том деле, экспертиза по которому приложена к настоящему параграфу, взятобратель отрицал факт получения денег за оказанную услугу по предварительному сговору. По предложенной версии, речь шла о возвращении некого долга. Лингвистический анализ всей структуры диалога этот вариант трактовки не подтверждает.

Но есть случаи, когда лингвист действительно может выявить в ходе тщательного анализа некие ранее никем не замеченные аспекты дела. Наиболее велика такая возможность при работе с большими объемами

записи, которые неизбежно провоцируют всех прослушивающих на определенную дифференциацию внимания и на прицельную реакцию только на ключевые слова, при некотором пренебрежении иным, на поверхностный взгляд, «пустым» материалом.

Так, в нашей практике была работа по уголовному делу о заказном убийстве. Для анализа лингвисту были предложены аудиозаписи и протоколы их прослушивания на 41 листе, отражающие диалоги заказчика с исполнителем.

Концепция обвинения: заказ имел место и заказчик был самостоятелен и непоколебим в своих намерениях.

Концепция обвиняемого, а следовательно, и его адвокатов: обвиняемый никакого заказа убийства не осуществлял.

Анализ текста позволяет уверенно говорить о том, что заказ был, но – абсолютно точно! – он был отменен. Этому есть конкретные подтверждения по тексту. Кроме того, есть основания предполагать, и основания достаточно убедительные, что заказчик был не самостоятелен, и либо выполнял посредническую функцию (как максимум), либо (как минимум) действовал сообща с другим лицом. В ходе анализа текста было также выявлено, что заказчик был объектом манипуляции со стороны исполнителя, постоянно подталкивающего своего собеседника к дальнейшим действиям. Все эти факторы представляются существенными. Еще более существенными они представляются в контексте реалий: заказанный жив, однако о его убийстве сообщено заказчику, с которого взяты деньги, на чем он и схвачен.

К сожалению, поскольку заключение писалось по запросу адвокатов, вопросы были составлены с учетом концепции обвиняемого, следовательно, не вся выявленная информация в заключении отразилась (раз не было заказа, какой может быть отказ?). Попытки сообщить о выявленных обстоятельствах на суде также не увенчались успехом. Обвиненный признан виновным в полном объеме и осужден на восемь лет лишения свободы. Факт

отказа от заказа никак не учтен, как и другие факторы, которые даже при анализе текстов разговоров, без знания всех остальных обстоятельств, представляются заслуживающими внимания.

Данную ситуацию мы привели как пример возможностей лингвистической семантической экспертизы, к сожалению, не всегда реализуемых по различным причинам.

Какие сложности возникают при анализе аудиоматериала?

Анализируется разговор двух (или более) людей, и разговор не начат специально ради нас, чтобы нам было удобнее анализировать. Участников диалога связывают затекстовые знания, о которых аналитик может только догадываться или которые может логически вывести из услышанного. Если говорят давно знакомые люди, они обращаются к совместным, только им понятным обозначениям. Даже если участники речевой ситуации не связаны давним и крепким знакомством, как правило, они общаются не первый раз и опираются в беседе на содержание предшествующего (предшествующих) разговоров. Все это создает некие зияния в трактовках, незаполненные ниши, которые в основном могут быть восполнены последующим текстом.

Каких опасностей следует избегать лингвисту при анализе аудиоматериала?

Таких опасностей несколько.

Во-первых, это опасность первого впечатления, которое может быть усилено, а в некоторых случаях и сформировано комментариями заказчика. Лингвист попадает в известную ловушку, поджидающую любого исследователя. Объект не анализируется беспристрастно, по принципу: сбор материала – анализ – синтез – вывод, а используется как источник доказательств по схеме: гипотеза – выявление подтверждающих фактов – подтверждение гипотезы. Второй путь в науке вообще нельзя отрицать, однако нельзя не учитывать возможность тенденциозного отношения к

материалу при подходе, целенаправленно ориентированном на подбор одних фактов и игнорирование других.

Во-вторых, опасность выхода за пределы возможностей лингвистического исследования. К такому превышению полномочий подталкивают вопросы и желание конкретно и однозначно на них ответить. Но бывает, что для категоричного ответа нет полных оснований. Или есть основания для ответа на часть вопроса, а вторая часть как-то заодно присоединяется. Но судебное исследование не терпит неубедительности и неточности. Приведем пример такого обобщенного вопроса, ответ на который пришлось разбить на две части:

Вопрос: Следует ли из разговора №1 то, что произошедшее между Б. и Соней события фактически происходили в иное время и не в те даты, которые должна озвучить Соня и знакомые ей лица по просьбе С.? Если да, то по каким высказываниям Б. и С. можно судить об этом?

Ответ: Для того чтобы лингвист мог сделать вывод о том, что события, о которых идет речь, происходили именно между Б. и Соней, в тексте недостаточно информации.

Однако есть все основания говорить о том, что некие события, о которых идет речь в телефонном разговоре, фактически происходили в иное время и не в те даты, которые должна озвучить Соня и знакомые ей лица по просьбе С. Подтверждением тому служат следующие факторы...

Итак, лингвиста поджидает опасность неоправданных обобщений, выводов на основании предположения: «так, скорее всего, все и было».

В-третьих, опасность полного доверия протоколу прослушивания аудиозаписи. Если эксперту предоставили только протоколы, лингвисту, конечно, легче, поскольку работа по прослушиванию и протоколированию – адский труд. Кроме того, в таком случае с лингвиста снимается ответственность за все несоответствия. Но в таком упрощенном варианте кроется и опасность. Не исключено, что протоколирование осуществлялось заинтересованной стороной, вычлняющей из потока речи те блоки

разговора, которые подтверждают ее позицию, и игнорирующей всю ту информацию, которая этому подтверждению не способствует.

Представьте, что разговоры записываются целыми днями. Объем информации огромный. Что счесть значимым а что нет? В протоколах нередко фигурирует фраза: «Далее следует разговор, не относящийся к делу». В нашей же практике был случай, когда при повторном прослушивании оказалось, что из протоколирования был выброшен отрывок разговора, имеющий отношение к делу.

Учитывать форму предоставленного эксперту материала – аудиозапись или протокол прослушивания аудиозаписи – следует не только самому лингвисту, но и всем участникам судебного процесса.

Лингвистическое исследование семантического типа в уголовном процессе

Приведенная экспертиза выполнена в соответствии со всеми требованиями к документу этого типа

Лингвистическая экспертиза

Подписка

Мне, Иваненко Галине Сергеевне, кандидату филологических наук, доценту, докторанту кафедры русского языка и МПРЯ ЧГПУ, разъяснены права и обязанности эксперта, предусмотренные ст.57 УПК РФ.

Об ответственности за дачу заведомо ложного заключения по ст.307 УК РФ предупреждена 11 сентября 2007

Эксперт Иваненко Г.С.

г.Челябинск

02.04.07.

Основания производства судебной лингвистической экспертизы:

постановление о назначении лингвистической судебной экспертизы, вынесенное ст. следователем прокуратуры Челябинской области юристом 2 класса Вардугиным А.Н. по материалам уголовного дела № 490885.

Сведения об эксперте: Иваненко Галина Сергеевна, кандидат филологических наук, специальность «10.02.01. – Русский язык», доцент кафедры русского языка и методики преподавания русского языка Челябинского государственного педагогического университета, стаж работы по специальности 13 лет, разработчик темы «Методика лингвистической экспертизы при разрешении информационного конфликта», грант ИНО-Центра (Министерство образования РФ, Фонд Карнеги и Мак Артуров), 2004-2005гг., проект №КИ 095-3-03, грант Российского гуманитарного научного фонда, 2005-2006гг., проект № 05-03-85310а/У.

Время производства экспертизы: с 12. 03.07. по 02.04.07.

Обстоятельства дела, необходимые для производства экспертизы, изложены в постановлении о назначении экспертизы.

На экспертизу предоставлены следующие материалы:

Постановление о назначении лингвистической судебной экспертизы

Заверенная копия протокола допроса подозреваемой Разживиной М.О.

Заверенная копия протокола допроса свидетеля Машкауцана С.С.

Заверенная выписка из протокола осмотра и прослушивания фонограммы от 22.02.2007г. – стенограмма разговора между Машкауцаном С.С. и Разживиной М.О. 04.01.2007. В тексте экспертизы – диалог №1.

Заверенная выписка из протокола осмотра и прослушивания фонограммы от 22.02.2007г. – стенограмма разговора между Машкауцаном С.С. и Разживиной М.О. от 06.01.2007. В тексте экспертизы – диалог №2.

Вопросы, поставленные перед экспертом:

1. Каков общий смысл диалогов, представленных на исследование?
2. Следует ли из диалога от 04.01.2006г., что это продолжение разговора, начатого ранее?
3. Позволяет ли содержание диалогов сделать вывод, что речь идет о передаче Машкауцаном С.С. денежных средств Разживиной М.О.? Если да, то о какой сумме идет речь?

4. Если содержание диалогов позволяет сделать вывод, что речь идет о передаче Машкауцаном С.С. денежных средств Разживиной М.О., то выражает ли Разживина М.О. в своих словах нежелание получать от Машкауцана С.С. деньги?
5. Если содержание диалогов позволяет сделать вывод, что речь идет о передаче Машкауцаном С.С. денежных средств Разживиной М.О., то выражает ли Разживина М.О. в своих словах согласие на получение от Машкауцана С.С. денег?
6. Позволяет ли содержание диалогов сделать вывод о том, что речь идет о возврате Машкауцаном С.С. долга Разживиной М.О. ?
7. Выражает ли Разживина М.О. в ходе диалогов какие-либо опасения, если да, то каков их смысл?
8. Позволяет ли содержание диалогов сделать вывод о том, что Разживина М.О. выражает оценку своих действий по получению денег от Машкауцана С.С. как незаконных?

Методы лингвистического исследования:

Изучив материалы дела, лингвист проанализировал речевую ситуацию и сделал вывод о коммуникативной роли участников и о прагматической направленности высказываний участников речевых актов на основе семантико-стилистического анализа языковых единиц в контексте. Синтаксический анализ используемых структур и установление логических взаимосвязей позволяет научно доказать и аргументировать наличие тех смыслов, которые интуитивно воспринимаются носителями языка.

Лингвистический анализ

1. Каков общий смысл диалогов, представленных на исследование?

В диалоге от 04.01.2007. (№1) Машкауцан С.С. сообщает Разживиной М.О. о процедуре сбора определенной суммы денег, которую он намеревается ей передать. Намечается время этой передачи.

В диалоге от 06.01.2007. (№2) организующим мотивом разговора является передача Разживиной М.О. Машкауцану С.С. неких документов, сущность которых она попутно разъясняет, получая взамен вознаграждение, предположительно, с учетом предыдущего разговора, – денежную сумму.

2. Следует ли из диалога от 04.01.2006г., что это продолжение разговора, начатого ранее?

Совершенно очевидно, что в зафиксированном диалоге развивается тема начатого ранее разговора. Диалог отражает явное наличие неких пресуппозитивных (затекстовых) знаний у участников речевого акта, объединяющих их.

С самого начала содержательного разговора, после приветствий и поздравлений, Машкауцан С.С. и Разживина М.О. начинают обсуждать проблему, сущность которой обоим прекрасно известна и понятна. Так, Машкауцан С.С. говорит: *«Я рогом в одну проблему уперся, банки-то не работают, я сейчас начал гонять, собирать то, что надо»*. Отметим, что перифразическое обозначение *«то, что надо»* не вызвало у Разживиной ни вопроса, ни удивления. Значит, ей понятно, о чем идет речь. Вслед за этим сообщением о сборе *«того, что надо»*, Разживина спрашивает: *«Дочка Ваша какого уезжает?»* Такая реакция на предыдущую реплику в диалоге свидетельствует, во-первых, о том, что сбор *«того, что надо»*, каким-то образом связан с отъездом дочери Машкауцана С.С., во-вторых, эта фраза доказывает предшествующее знание Разживиной М.О. о самом намечаемом факте ее отъезда. В ответ на слова Машкауцана С.С.: *«Она уезжает седьмого, я хотел бы шестого уже все это самое сделать»*, - Разживина М.О. отвечает: *«Ну значит, я приеду»*. Примечательно, что опять совершенно непонятное непосвященному отвлеченное *«это самое сделать»* не вызывает у Разживиной М.О. никаких вопросов. Ей прекрасно понятно, о чем идет речь, более того, сообщение Машкауцана С.С. заставляет ее наметить встречу с ним. Все перечисленное убедительно свидетельствует о том, что предмет зафиксированного разговора обсуждался участниками речевого акта ранее.

3. Позволяет ли содержание диалогов сделать вывод, что речь идет о передаче Машкауцаном С.С. денежных средств Разживиной М.О.? Если да, то о какой сумме идет речь?

Путем логико-семантического анализа диалога попытаемся установить, для чего намеревалась Разживина М.О. приехать на встречу с Машкауцаном С.С. и что последний понимал под *«то, что надо»* и *«это самое сделать»*.

«Я рогом в одну проблему уперся, банки-то не работают, я сейчас начал гонять, собирать то, что надо»

Во-первых, у Машкауцана С.С. есть проблема, во-вторых, эта проблема связана с тем, что не работают банки, следовательно, проблема связана с некой банковской процедурой: положить или получить деньги. В-третьих, семантика слова *«собирать»*, которое Машкауцан С.С. употребляет дважды (собирать то, что надо; по-другому не соберу) определяет характер проблемы Машкауцана С.С.: он деньги ищет. В-четвертых, об этой своей проблеме он сообщает Разживиной М.О., при этом помощи у нее не просит.

Следовательно, логично предположить, что Разживиной М.О. он сообщает о процедуре сбора денег как непосредственному участнику ситуации – объекту передачи денег.

Дальнейший разговор конкретизирует денежную тему.

«Только одна проблема у меня, у меня половина будет, сто тысяч, в «наших» и половина будет в «зелени». Хотя слова «деньги» или «рубли» не произносятся, речь, безусловно, идет о деньгах, поскольку, во-первых, характеристики «в наших» и «в зелени» грамматически объединены отнесенностью к одному слову «половина», следовательно, они являются однопорядковыми в смысловом плане. В современной речевой практике номинации «наши» и «зелень» объединяет только название денежных единиц. Наши – рубли, зелень – доллары.

Зелень – жарг. Доллары США (Толковый словарь ненормативной лексики русского языка, с.292)

Зеленые – жарг. То же, что зелень (Толковый словарь ненормативной лексики русского языка, с.292)

Определим сумму, о которой идет речь.

Из всего сказанного вполне логично вытекает, что речь в диалоге идет о передаче Машкауцаном С.С. денежной суммы Разживиной М.О.

Рассматриваемое сложное предложение состоит из трех частей. Первую часть: *«Только одна проблема у меня в настоящий момент»* -- оставим в стороне, рассмотрим вторую и третью: *«у меня половина будет, сто тысяч, в «наших» и половина будет в «зелени».* Эти два простых предложения в составе сложного соединены сочинительным соединительным союзом «и», предполагающим равноправие связываемых элементов. Между предложениями наблюдается и синтаксический параллелизм, создаваемый однотипностью структур и усиленный лексическим повтором.

Подлежащее в этих двух предложениях повторяется – *половина*. Сказуемые в предложении (составные именные) –: (половина) *будет в «наших»* и (половина) *будет в «зелени».* Таким образом, в одной части, до союза «и», речь идет об одной половине, во второй части – о второй половине денежной суммы. По определению половина – это $\frac{1}{2}$ чего –либо, одна из двух равных частей.

Первая часть осложнена обособленным уточняющим второстепенным членом *«сто тысяч»*, отнесенным к подлежащему *«половина».* Уточняющая, конкретизирующая семантика второстепенного члена позволяет установить тождество между номинацией относительной «половина» и абсолютной «сто тысяч». Половина = сто тысяч «в наших», то есть половина *«того, что надо»*, общей суммы выплаты, составляет сто тысяч рублей.

Значит, общая предполагаемая к передаче сумма, о которой идет речь в диалоге, в количественном отношении составляет двести тысяч рублей.

Содержание диалога №2 от (06.01.2007.) позволяет предполагать, что в его ходе была осуществлена передача денег, о которых шла речь в диалоге №1 (от 04.01.2007.) После основной по объему части разговора, в которой Разживина раскрывает Машкауцану сущность передаваемых документов, подчеркивая роль приложенных ею усилий, перед заключительной, этикетной, частью разговора, возникает отрезок текста, явно сопровождающийся какими-то невербальными действиями. Доказательством тому служит эллиптичность (неполнота) зафиксированного текста:

М.: *Ясно, хорошо, ладненько (слышится звук, напоминающий хруст бумаги – шелест пересчитываемых купюр).* **Вот** как я вам...это...

Ж.: *(смеется) Я боюсь вот этого.*

М: **Возьмите.** *Да что Вы боитесь? Я-то, это самое, ничего... У меня тут немного не хватает...*

Ж: *Сейчас кто-то сфотографирует...Меня схватят за руку...*

(цит. по выписке из протокола осмотра и прослушивания фонограммы)

В том месте диалога, где, по свидетельству составителей стенограммы фонограммы, «слышится звук, напоминающий хруст бумаги – шелест пересчитываемых купюр», реплики участников диалога становятся несколько хаотичными, плохо связанными, что является убедительным свидетельством наличия неких затекстовых действий, которые этот вне дискурса непонятный диалог организуют и связывают. Выделенные в ходе анализа языковые единицы являются теми ключевыми точками, которые позволяют восстановить сущность происходящих параллельно с текстом событий.

Вот – указательная частица, которая используется при указании на предмет, часто сопровождает передачу какого-либо предмета.

Я боюсь вот этого. Прямо не сказано, что *это*, но именно отсутствие текста позволяет сказать, что в этот момент Машкауцан передает нечто Разживиной. Это подтверждает его следующая фраза, состоящая из одного слова: **Возьмите.**

Пояснение: «У меня тут немного **не хватает**...» с использованием глагола «**не хватает**» с количественной семантикой позволяет сказать, что это нечто считаемое. Трудно предположить в предлагаемой ситуации передачу чего-либо иного считаемого, кроме денег. Логическая взаимосвязь диалога №2 с диалогом №1 приводит к выводу, что это те самые деньги, которые «**собирал**» Машкауцан. Тема денег логично поддерживается высказыванием Разживиной: **Меня схватят за руку....Схватить за руку** – фразеологизм со значением «поймать на воровстве или другом противоправном действии».

Все приведенные доказательства убеждают в том, что в проанализированных диалогах речь шла о денежной сумме в двести тысяч рублей, передача которой Машкауцаном С.С. Разживиной М.О. состоялась в ходе диалога №2.

4. Если содержание диалогов позволяет сделать вывод, что речь идет о передаче Машкауцаном С.С. денежных средств Разживиной М.О., то выражает ли Разживина М.О. в своих словах нежелание получить от Машкауцана С.С. деньги?

Анализ двух диалогов не позволил выявить таких текстовых фрагментов, которые выражали бы несогласие Разживиной М.О. получить деньги от Машкауцана С.С. Она неоднократно выражает опасения, но не несогласие. Так, в диалоге №1 слова Машкауцана о том, что он «начал гонять, собирать то, что надо» не вызвали у нее ни удивления, ни несогласия, ни протеста. Напротив, она выражает намерение приехать на встречу. Диалог завершается мирным «договорились» - «договорились».

В диалоге №2 мы тоже не видим несогласия. Разживина ни одним словом не обозначила нежелания принимать деньги. На предложение «Возьмите» она не ответила отказом: «Уберите», «Что Вы делаете?» или удивлением: «Что это?», она выразила страх за последствия своих действий.

5. Если содержание диалогов позволяет сделать вывод, что речь идет о передаче Машкауцаном С.С. денежных средств Разживиной М.О., то выражает ли Разживина М.О. в своих словах согласие на получение от Машкауцана С.С. денег?

Своим речевым поведением в диалоге №1 Разживина косвенно демонстрирует согласие на получение денег. Согласие это проявляется в следующем:

1) в согласии приехать на встречу с Машкауцаном, к которой он готовит («собирает») деньги.

2) в прямом поддержании разговора о требуемой сумме («...не надо ничего искать, вот то, что вы сказали, этого будет вполне достаточно») В контексте разговора глагол «искать» относится к процедуре поиска денег. «Вполне достаточно» - словосочетание, выражающее и количественное (этого по количеству хватит), и модальное значение (модус положительной оценки, удовлетворения, согласия). Признание найденной суммы достаточной равносильно согласию принять эту сумму.

В диалоге №2 Разживина не выражает явного согласия принять деньги, но, как мы писали в ответ на предыдущий вопрос, не выражает и несогласия. Она принимает эту передачу денег как оговоренный и обусловленный факт.

6. Позволяет ли содержание диалогов сделать вывод о том, что речь идет о возврате Машкауцаном С.С. долга Разживиной М.О. ?

Анализ содержания диалогов не позволяет предполагать, что денежная сумма, о которой идет речь в ходе общения, является долгом Машкауцана Разживиной.

Используем прием «ход от противного».

Предположим, что в ходе беседы Машкауцана с Разживиной речь шла о долге. Как минимум три компонента содержания представленных диалогов противоречат этой концепции.

Первое. Все речевое общение Разживиной и Машкауцана пронизывает намеренный уход от прямых номинаций. Даже там, где логика разговора естественно подсказывает употребление слов «долг» (если речь о нем), «деньги», «рубли», участники общения используют местоимения и перифразические обозначения («то, что надо», «то, что вы сказали»). Эллиптичность, неполнота предложений во многих случаях выглядят искусственными и отражают явное стремление участников общения избежать прямых обозначений предметов и явлений, уйти от прямого разговора. Такое речевое поведение не соответствует логике отношений заимодавец – должник.

Второе. Денежный долг предполагает некую сумму, которую одно лицо взяло во временное пользование у другого лица с последующим возвратом. Эта денежная сумма конкретная, фиксированная и ее размер известен обоим участникам договора. В таком случае более чем странным представляется высказывание Разживиной: *«не надо ничего искать, то, что вы сказали, будет вполне достаточно»*.

Вполне достаточно – характеристика, отнесенная по контексту к тем денежным средствам, которые «собирал» Машкауцан. **Вполне** – наречие, совмещающее в своей семантике смы (компоненты смысла) количества (некое количество, приближающееся к качеству «полный») и модальности (достаточности, удовлетворения, согласия). Использование слова «*вполне*» с неконкретной семантикой несовместимо по смыслу с понятием долга как определенной суммы.

Третье. Возврат долга – процедура естественная, законная. Довольно странно, что на сообщение о намерении «собрать» деньги, чтобы вернуть долг (если принять этот вариант) заимодавец реагирует некими опасениями: *«я боюсь, чтобы Вы меня не подставили», «я даже боюсь и остерегаюсь», «мне жутко даже»*. Тот же страх выражается и при непосредственной, судя по анализу речевой структуры, процедуре передачи денег. Должник сопровождает «возвращение долга» успокоениями: *«Возьмите. Да что вы боитесь»*. Совершенно противоестественен и страх заимодавца, и понимание этого страха должником.

Все перечисленное не позволяет предполагать, что в представленных диалогах речь идет о возвращении Машкауцаном С.С. долга Разживиной М.О.

7. Выражает ли Разживина М.О. в ходе диалогов какие-либо опасения, если да, то каков их смысл?

В ходе ответов на предыдущие вопросы мы неоднократно говорили об опасениях, выражаемых в ходе беседы Разживиной М.О. Смысл их выражен достаточно ясно самим автором высказываний:

*«Я боюсь, чтобы Вы меня не **подставили**».*

*«Мне тоже не хочется **подставляться**»*

Подставить – *прост.* Поставить кого-либо в неприятное, затруднительное положение; поставить кого-либо под удар (Толковый словарь ненормативной лексики русского языка, с.626)

Подставиться – *прост.* Поставить себя в неприятное, затруднительное положение; поставить себя под удар (Толковый словарь ненормативной лексики русского языка, с.626)

Таким образом, Разживина опасается оказаться под ударом. Характер этого удара раскрывается репликами из диалога №2:

*Сейчас кто-то сфотографирует... Меня **схватят за руку**...*

*Ну вот сейчас...еще и **в тюрьме посижу**. Спаси-сохрани...*

Как мы писали ранее, фразеологизм «**схватить за руку**» обозначает «поймать на воровстве или другом противоправном действии». Этой единицей языка определяется криминальная тематика опасений Разживиной. Упоминание о тюрьме находится в том же русле. Страх быть запечатленной на фотографии отражает опасения быть уличенной на месте преступления. Таким образом, все лексические номинации, использованные Разживиной для выражения своих опасений, позволяют определить их смысл как страх быть уличенной в противоправном действии.

8. Позволяет ли содержание диалогов сделать вывод о том, что Разживина М.О. выражает оценку своих действий по получению денег от Машкауцана С.С. как незаконных?

Ответ на этот вопрос уже фактически дан в ходе раскрытия предшествующего пункта. Повторим, что опасения быть «пойманной за руку», быть сфотографированной, «подставленной», упоминание тюрьмы, нежелание говорить по телефону о решаемых с Машкауцаном вопросах, постоянные косвенные номинации, уход от прямых обозначений – все это свидетельствует о восприятии Разживиной своих действий как уголовно наказуемых, незаконных.

Выводы:

1.Общий смысл диалогов, представленных на исследование:

В диалоге от 04.01.2007. Машкауцан С.С. сообщает Разживиной М.О. о процедуре сбора определенной суммы денег, которую он намеревается ей передать. Намечается время этой передачи.

В диалоге от 06.01.2007. организующим мотивом разговора является передача Разживиной М.О. Машкауцану С.С. неких документов, сущность которых она попутно разъясняет, получая взамен вознаграждение, предположительно, с учетом предыдущего разговора, – денежную сумму.

2. Из диалога от 04.01.2006г. следует, что это продолжение разговора, начатого ранее.

3. Содержание диалогов позволяет сделать вывод, что речь идет о передаче Машкауцаном С.С. денежных средств Разживиной М.О.? Речь идет о двухстах тысячах рублей.

4. Разживина М.О не выражает в своих словах нежелание получать от Машкауцана С.С. деньги.

5. Разживина М.О. косвенно всем своим речевым поведением выражает согласие на получение от Машкауцана С.С. денег?

6. Содержание диалогов не позволяет сделать вывод о том, что речь идет о возврате Машкауцаном С.С. долга Разживиной М.О.

7. Разживина М.О. в ходе диалогов выражает опасение быть уличенной в противоправном действии.

8. Содержание диалогов позволяет сделать вывод о том, что Разживина М.О. выражает оценку своих действий по получению денег от Машкауцана С.С. как незаконных.

Литература:

1.Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсульты/ Под ред. проф. М.В.Горбаневского. М.: Медея, 2004г. – 104с.

2.Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации/Под ред. проф. М.В.Горбаневского – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Галерея, 2002. – 424с.

3. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка/ Д.И. Квеселевич. - М.:ООО«Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. - 1021с.

4.Иваненко Г.С. Лингвистическая экспертиза в процессах по защите чести, достоинства, деловой репутации: Монография. – Челябинск: Издательство ООО «Полиграф-Мастер», 2006. – 229с.

Кандидат филологических наук
докторант кафедры русского языка
и МПРЯ рус. яз. ЧГПУ

/Иваненко Г.С./

ГЛАВА III. СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Предмет такой экспертизы – стилистический статус исследуемых языковых единиц в исследуемом семантическом поле. Семантико-стилистическая экспертиза отличается от семантической тем, что в ее ходе особое значение приобретает стилистическая характеристика языковых единиц. Прежде всего это существенно в делах об оскорблении. Семантический анализ даже отодвигается в таких случаях на второй план, а на первый выходит поиск путей соотнесения конкретной речевой с ситуацией с правовым критерием оскорбления – «неприличная форма выражения». Стилистический аспект также оказывается чрезвычайно значимым при разрешении проблемы о наличии / отсутствии провокации, понуждения, о характере и качестве выраженной оценки и отношения, что востребовано в процессах о распространении экстремистских материалов, а также при рассмотрении вопросов о рекламе.

3.1. Семантико-стилистическая лингвистическая экспертиза в процессах об оскорблении

Что такое оскорбление, каковы его признаки и критерии? Описываются сложности, возникающие при рассмотрении вопроса о наличии/отсутствии оскорбления.

Что такое оскорбление?

В соответствии с текстом ст.130 УК РФ, оскорбление – это умаление чести и достоинства лица, выраженное в неприличной форме.

Само по себе определение мало что дает для определения оскорбления как преступления.

На оскорбление можно посмотреть с различных точек зрения, и все эти взгляды так или иначе реализуются в судебном процессе.

С любой точки зрения – психолингвистической, прагматической, правовой, собственно лингвистической – мы имеем дело в ситуациях оскорбления / неоскорбления с неизмеряемыми величинами, что, конечно, накладывает особую ответственность и на лингвиста-эксперта, и на судью, поскольку требует глубинного понимания проблемы.

Психолингвистический аспект оскорбления

Прежде всего определим родовую группу явлений, к которой относится оскорбление, впишем его в систему рядоположенных. Оскорбление является одной из форм реализации более широкого явления – языковой агрессии. С эколлингвистических позиций языковая агрессия и языковое насилие (а также языковое манипулирование, языковая демагогия и т.п.) рассматриваются как формы речевого поведения, негативно воздействующие на коммуникативное взаимодействие людей, поскольку они направлены всегда на минимизацию и даже деструкцию языковой личности адресата, на его подчинение, манипулирование им в интересах автора высказывания.

В терминах экологической лингвистики уже получили наименования сложные явления лингво-коммуникативного уровня: «языковая (речевая, вербальная, словесная) агрессия», «языковое насилие» [Даньковский, 1995; Сковородников, 1996; Речевая агрессия, 1997; Шарифуллин, 1997, 2000, 2000а, 2004; Быкова, 1999; Булыгина, Стексова, 2000].

Определение речевой (языковой, вербальной) агрессии, данное в «Материалах к энциклопедическому словарю «Культура русской речи», приоритетно ориентировано на оскорбление: «Форма речевого поведения, нацеленного на оскорбление или преднамеренное причинение вреда человеку, группе людей, организации или обществу в целом» [Быкова, 1999, с. 96].

Исследователь проблем инвективы Шарифуллин предлагает: «Мне кажется, что настала действительно насущная необходимость ввести в правовое, а не только лингвистическое пространство современной России понятия «языковая агрессия» и «языковое насилие», придав им закрепленный

в соответствующих законодательных актах юридический характер. Этим самым довольно-таки неопределенное понятие «оскорбление», имеющее вроде бы статус правового термина, а на самом деле настолько расплывчатое, что манипулирование им в интересах конкурирующих в судебных процессах сторон очень часто приводит к юридическому «коллапсу», получило бы, как представляется, более определенное терминологическое обоснование. Мне кажется также, что установить факт языковой агрессии лингвистически будет более убедительно и доказательно, чем пытаться «полифонически оперировать словом *оскорбление* в интересах той или иной стороны» [Шарифуллин 2004, 123].

Соглашаясь с постановкой проблемы, предположим, что дело не в термине, а в сложности его наполнения конкретным смыслом. Категории гуманитарного знания, будь то «оскорбление» или «языковая агрессия», в переводе на юридический язык должны быть представлены не только общими обширными описаниями, но конкретными категориями, наличие/отсутствие которых должно быть верифицируемо в свою очередь столь же конкретными методами.

В свете проблемы юридизации таких коммуникативно-культурологических категорий, как языковая агрессия, языковое насилие, не можем игнорировать вопрос об объеме и границах юридической ответственности за проявления какой-либо языковой неиндифферентности либо экспрессивности. Не будем забывать о том, что полностью исключить негативные коннотации из речи реально в той же мере, в какой исключить их из сознания людей и практики их общения. То, что может быть в теоретических работах лингвистов, вне конфликтного ракурса, вполне убедительно названо различными неправовыми категориями: критика или поношение, ирония или оскорбление, сатира или опорочение – в ракурсе судебного рассмотрения, предусматривающего гражданскую либо уголовную ответственность, вызывает неоднозначную оценку, что подтверждается различными взглядами лингвистов на одну проблему.

Языковое манипулирование, языковая агрессия, языковое насилие являются неотъемлемыми элементами речевой практики. Джордж Лакофф показал, что в академической дискуссии, считающейся идеалом рационального спора, в скрытой форме представлены практически все приемы «нечистоплотной» аргументации и словесной агрессии. Выражения типа *Несомненно, что...* и *Очевидно, что...* могут рассматриваться как запугивание (кто захочет признать, что не понимает очевидного?); выражение *Сказать это означало бы впасть в известное заблуждение* – как угроза; ссылки наподобие *Фершлюгенхаймер 1954* – как обращение за защитой к авторитету; слова *Для того чтобы избежать позитивистских ошибок* – как отрицание авторитета; *Назовем такую теорию «узким» рационализмом* – как оскорбление; *В его вдохновляющей статье* – как лесть и т.д.

Поскольку мы руководствуемся целью обеспечить правовую систему неким лингвистическим руководством, то и отталкиваемся от реально существующих юридических норм и понятий, не избегая все же соблазна в некоторых случаях посетовать на несовершенство этой системы и предлагая некие направления и пути ее усовершенствования. Но, всегда имея в виду отправную точку, попытаемся соотнести категорию «оскорбление», как официальную, юридически закреплённую, с другими близким, смежными понятиями, и определить их объёмы и зоны пересечения.

Соотнося родственные категории, мы вынуждены признать, что понятие языковой агрессии шире понятия оскорбления. Языковая агрессия воплощается и в такой форме, как угроза – намеренное психологическое воздействие на человека, вызывающее чувство страха, с целью добиться определенного результата.

При оскорблении одно лицо адресует другому негативный речевой посыл, направленный на его психологическую дестабилизацию. По психологическому результату оскорбление – нанесение удара по психике человека, речевое ранение, а возможно, и убийство. Сущность же этого удара

для потерпевшего заключается, во-первых, в восприятии крайне негативной характеристики или отношения коммуниканта, во-вторых, в неспособности продолжать общение (защитить себя, вступить в спор) и разрешить конфликт, выведенный оскорбителем за границу нормальных, не табуированных форм и средств воплощения. Оскорбленный оказывается перед оскорбителем как крестьянин с вилами перед воином с огнестрельным оружием. В случае публичного оскорбления дополнительной причиной психологического дискомфорта является осознание прилюдного понижения в статусе.

Прагматический аспект оскорбления

Оскорбление может быть интенционально запрограммировано и не запрограммировано. Целью намеренного (осмысленного) оскорбления является понижение коммуникативного статуса оппонента, выведение диалога (очного или заочного) за рамки принятых норм как декларация пренебрежения, презрения. При наличии свидетелей, в частности в СМИ, оскорбление преследует не в меньшей мере цель понизить статус объекта оскорбления в глазах общественности. В последнем случае положение оскорбленного усугубляется невозможностью адекватной компенсирующей реакции в психологически релевантный промежуток времени.

Особой темой является невербальная реализация оскорбления, однако в силу отсутствия материала и юридической практики оставляем этот вопрос другим исследователям. Учитывая все же возможность невербального выражения оскорбления, определим его в психолого-прагматическом аспекте так:

Оскорбление – это знаковое (не физическое) воздействие на человека, осуществляющее его психологическую дестабилизацию путем понижения его личностного статуса.

Правовой аспект оскорбления

«Языковое насилие можно рассматривать как форму психического деструктивного воздействия на личность адресата с помощью вербальных действий» [Шарифуллин 2004]. В понимании оскорбления как формы

языковой агрессии уже заложена возможность рассматривать подобные явления и с позиции юрислингвистики, ибо при таких формах речевого поведения и коммуникативного взаимодействия всегда права личности адресата будут ущемлены и даже узурпированы автором высказывания. Юридический смысл выражает и само понятие «насилие», обозначающее в праве физическое или психическое воздействие одного человека на другого.

Статьей 130 УК РФ законодатель защищает лицо от языковой агрессии, проявляющейся в направлении на него речевого негатива, экспрессия которого способна причинить адресату агрессии вред (моральные страдания, способные повлиять на состояние здоровья). В праве сам факт речевого удара, как и других нематериальных форм, называется моральным вредом, а испытанный жертвой душевный дискомфорт в результате оскорбления называется моральным ущербом. Законодатель допускает недоказуемость наличия не только физических последствий, но и самих моральных страданий. Только в некоторых случаях пострадавший документально подтверждает возникновение или обострение заболевания в результате оскорбления. Значит, необходимо выявить саму гипотетическую возможность нанесения данными языковыми средствами морального ущерба лицу.

Правовая система нуждается в дифференциации многочисленных форм речевой агрессии на уголовно наказуемые и просто конфликтные. Так, формами языковой агрессии называют, вполне обоснованно, на наш взгляд, ответ вопросом на вопрос, наклеивание ярлыков, подмена понятий. Но может ли сам факт использования этих манипулятивных приемов, пронизывающих всю речевую бытовую и журналистскую деятельность, служить основанием для попадания под юридическую, а в случае оскорбления под уголовную, ответственность?

Собственно лингвистический аспект оскорбления

Собственно лингвистический аспект понятия **оскорбление** как правовой категории мы попытаемся раскрыть всей настоящей главой. Как

реализуется оскорбление в речевой форме? каковы критерии оскорбления?
конкретные средства выражения?

Коннотативная информация, частным случаем которой является оскорбление, по сравнению с денотативной имеет двусторонний характер. Денотативная информация – это информация об объекте. Она всегда референтна (т.е. имеет экстралингвистическую соотнесённость) и объективна. Коннотативная же информация, с одной стороны, выступает в качестве метаязыковой (о слове), так как это информация о том, «какое место занимают соответствующие единицы в общей системе языка» [Скребнев 1975, с. 20]. С другой стороны, «информация о месте языковых единиц в системе языка – это в то же время информация о правилах их употребления в коммуникации, т.е. в конечном счете – о говорящих, а именно: 1) характеристика самих **говорящих** через их отношение к предмету речи (объективная) и 2) обратно – характеристика окружающей их действительности (**предметов речи**) согласно отношению к ним говорящего (субъективная)» [Винокур 1980, с. 47].

Поэтому информацию, выражаемую инвективным словом в процессе коммуникации, можно разделить на информацию 1) **об объекте** (денотативная, оценочная, эмоциональная), 2) **о субъекте** (оценочная, эмоциональная, **функционально-стилистическая**), 3) **о слове** (метаязыковая: оценочная, эмоциональная, функционально-стилистическая). Данная информация варьируется по параметру объективности / субъективности в зависимости от взаимоотношений, в которые вступают объект, субъект и слово в ситуации общения [Саржина 2004, с.109].

При всем разнообразии взглядов, *какие признаки оскорбления прямо выводятся из правового определения?*

Неидентичное понимание лингвистического воплощения оскорбления начинается уже с трактовки самого законодательного определения. Осуществим его грамматическое толкование.

Определение оскорбления, сформулированное в уголовном кодексе РФ, имеет грамматическую форму простого предложения, осложненного причастным оборотом, что определяет двукомпонентную структуру понятия «оскорбление»:

- 1) при оскорблении имеет место умаление чести и достоинства;
- 2) умаление чести и достоинства имеет неприличную форму выражения.

Соответственно возникают вопросы: что такое умаление чести и достоинства? что такое неприличная форма выражения? Есть и еще один вопрос, который возникает при анализе реальных конфликтных текстов: как соотносятся первый и второй компоненты? Входят ли они в структуру оскорбления как рядоположенные, как $X + Y$, или мы имеем дело с более сложной структурой, которую образно можно охарактеризовать как «два в одном»?

Иными словами, оскорбление – это (первый вариант осмысления) умаление чести и достоинства самим содержанием высказывания, которое имело бы место и при ином стилистическом выражении + неприличная форма выражения, или это (второй вариант осмысления) умаление чести и достоинства, которое заключается в самой неприличной форме выражения высказывания, отнесенного к лицу?

Как нам представляется, законодательная формулировка допускает оба понимания, не противоречащих друг другу, а дополняющих, рядоположенных, представляющих равноправные варианты реализации.

Причастный оборот «выраженное в неприличной форме» с главным словом «выраженное» реализуется в двух своих значениях:

- 1) *выраженный в чем* – облеченный в форму, оболочку (ср. средства выражения, т.е нечто и есть его средство выражения)
- 2) *выраженный в чем* – представленный в чем-либо, явленный в этом виде, форме, заключающийся в чем-то (ср. недомогание, выраженное в головной боли, т.е головная боль и есть недомогание;) «Умаление чести и

достоинства, выраженное в неприличной форме» в этом смысле есть оскорбление самой неприличной формой.

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005г. №3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц», как нам представляется, поддерживается эта позиция: *«Если субъективное мнение было высказано в оскорбительной форме, унижающей честь, достоинство или деловую репутацию истца, на ответчика может быть возложена обязанность компенсации морального вреда, причиненного истцу оскорблением (ст.130 Уголовного кодекса РФ, статьи 150,151 ГК РФ)»*. Законодатель не считает оскорбление производным от порочащих (в юридическом смысле) сведений, напротив, подчеркивает в оскорблении зависимость от формы выражения.

Юристы А.Л. Анисимов [Анисимов 1994] и А.М. Эрделевский [Эрделевский 1996], рассматривающие проблему оскорбления с юридических позиций, также видят сущность оскорбления, в отличие от опорочения, в самой форме выражения высказывания, не исключая возможность совмещения в инвективе содержательного и формального компонентов. В [Цена слова 2002] выражается аналогичная позиция.

А.Н.Баранов в лингвистической экспертизе по делу Ароян-Киркоров, подводя теоретическую базу анализа конфликтного текста, называет «два компонента оскорбления: во-первых, адресату оскорбления приписывается какая-либо отрицательная **характеристика** (вне зависимости от того, соответствует это действительности или нет), во-вторых, эта оценка вербализуется в неприличной форме».

Отталкиваясь от заданного определения оскорбления, А.Н.Баранов приходит к логичному выводу, что фраза Киркорова, адресованная Ароян: *«А мне по х..., так же, как и Вы...»* – не является оскорбительной, так как не выражает характеристики адресата речи. С таких позиций классическое средство оскорбления, называемое в народе «послать кого-нибудь», не будет

считаться оскорблением, поскольку не содержит характеристики лица. Отметим, что предложенная трактовка существенно отступает от того инварианта, которым мы должны руководствоваться – от определения в УК РФ. Законодатель говорит об «умалении чести и достоинства», а не об «отрицательной характеристике», что далеко не одно и то же. Законодательная категория очевидно шире, обобщеннее и отвлеченнее. Сводя все возможные оскорбления к «отрицательной оценке», мы осуществим неоправданное сужение объекта рассмотрения.

Считаем, определение оскорбления, предложенное А.Н.Барановым, нуждается в дополнении. Оно опирается на представление об исключительно рациональной сущности языка. Прагматический, модальный, экспрессивный компонент в этой схеме не учитывается, в то время как именно при оскорблении иррациональное, оценочное, экспрессивное начало преобладает над собственно номинативным, когнитивным. Говоря максимально обобщенно, можно утверждать, что все в языке есть либо обозначение, либо отношение – отражение вечной дуальности мира, в котором сочетается внешнее и внутреннее, эксплицитное и имплицитное, вещно представленное и субъективно отраженное. В рассматриваемой нами конфликтной ситуации оскорбления явно на первый план выступает иррациональное, эмоциональное.

В понимании оскорбления как явления, не связанного обязательными причинно-следственными связями с рациональной категорией соответствия действительности, мы не одиноки. Приведем пример конкретного анализа конфликтного текста, в котором лингвист выражает аналогичный взгляд. Научному рассмотрению подвергся следующий текст:

Как уже сообщалось, Слава Медяник сочинил для Александра Усса песню. Называется она весьма незатейливо – «Губернатор Усс». Там есть замечательные слова: «Губернатор Усс – наш бубновый туз». «Словарь воровского языка» трактует термин «бубновый туз» как татуировку, насильно сделанную осужденному, не отдающему карточный долг. А

«козырный» – это человек, которому всё позволено, главарь группировки в ИТУ. Таким образом, фразу из песни «Наш козырный туз – губернатор Усс» следует читать так: «НАШ ГЛАВАРЬ ГРУППИРОВКИ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОГО УЧРЕЖДЕНИЯ, НЕ ОТДАЮЩИЙ КАРТОЧНЫЙ ДОЛГ – ГУБЕРНАТОР УСС» (Выделено автором текста. – Б.Ш.).

Выступая недавно по телевидению, Александр Усс сказал, что песня ему очень нравится и что скоро ее будет петь весь край.

Раз так, то следует, может быть, опубликовать слова песни целиком и начать нам всем разучивать? Или опубликовать «Словарь воровского языка» – мало ли какие песни будут сочинять для Усса и про Усса.

В начале анализа автор Шарифуллин Б.Я. решает чрезвычайно важную проблему – определяет информационную природу высказывания. Используя другую терминологию, исследователь по сути идет тем путем, который мы предлагаем в работе для реализации. Признавая отсутствие в тексте сведений, которые могут быть названы фактуальными и могут быть проверены, но признавая инвективность текста, лингвист по сути уводит конфликт из сферы доказательства соответствия действительности в сферу рассмотрения самой стилистической формы материала, что, на наш взгляд, в данном случае совершенно справедливо. Такая позиция является отражением декларируемого нами положения о сущности понятия «оскорбление» как явления прежде всего формального, стилистического порядка.

Как оскорбительное высказывание следует квалифицировать не только выраженную в неприличной форме **характеристику**, но и выраженное в неприличной форме **отношение** к лицу.

Классификационные признаки оскорбления

Таким образом, уточним классификационные признаки **оскорбления**:

1) к адресату оскорбления отнесена негативная характеристика или выражено негативное отношение;

2) высказывание имеет «неприличную» форму выражения, то есть выражено «в резко противоречащей принятой в обществе манере общения между людьми».

Что такое «неприличная форма выражения»?

Используемое в правовых документах понятие **«неприличной формы»** высказывания, на которой основывается понятие «оскорбления», нуждается в тщательном рассмотрении и конкретизации с лингвистических позиций. Какими критериями должен руководствоваться филолог при квалификации приличной или неприличной формы выражения сведения?

Комментарий к УК РФ поясняет: «Неприличная форма дискредитации потерпевшего означает, что отрицательная оценка его личности дается в явно циничной, а потому резко противоречащей принятой в обществе манере общения между людьми. Это прежде всего нецензурные выражения, сравнение с одиозными историческими и литературными персонажами».

«Цинизм» и «противоречащая принятой в обществе манера общения» – не лингвистические понятия, и они не способствуют осуществлению классификации. Однако в данном случае было бы несправедливо видеть причину неконкретности правовой нормы исключительно в ее недоработанности или несовершенстве формулировки. Не будем забывать, что в делах рассматриваемого типа мы имеем дело с категориями высокой степени отвлеченности, и потребность в их конкретизации при переходе в правовое поле для осуществления квалификации деяния вызывает естественные сложности, которые невозможно разрешить простым, однозначным, универсальным директивным указанием.

Безусловно, понятие «неприличной формы» нуждается в раскрытии, конкретизации. Очевидно, что оно не тождественно стилистическим понятиям «жаргонизм», «просторечие», «бранная лексика». Поэтому вполне закономерным представляется введение в научный оборот терминов **«инвектива», «инвективная лексика»**.

Понятие **инвективы** восходит к лат. *invektivus* (хулительный, полный оскорблений, поношений; бранная речь), но активно в отечественной лингвистике начинает использоваться в последнее десятилетие прошлого века в силу актуализации обозначаемого этим словом явления, а также, возможно, благодаря популяризации в чрезвычайно значимой в сфере юрислингвистики монографии [Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации 1997]. Авторы понимают под инвективой «резкое выступление против кого-, чего-либо; оскорбительная речь; брань, выпад».

Проблемами инвективы и инвективности активно занимались – с разных сторон – сибирские ученые (см., например [Жельвис 1988, 1992, 1997, 2000; Голев 1999; Капленко 2002; Шарифуллин 2000] и др.).

Анализ взглядов на инвективу позволил выделить две позиции относительно этой категории, различающиеся шириной охвата материала.

В соответствии с узким взглядом, инвективные средства сосредотачиваются в сфере номинативных единиц языка. Инвективную лексику и фразеологию составляют, по определению авторов [Цена слова 2002], «слова и выражения, заключающие в своей семантике, экспрессивной окраске и оценке оскорбление личности адресата, интенцию говорящего или пишущего унижить, оскорбить, обесчестить, опозорить адресата своей речью (или объекта оскорбления), обычно сопровождаемую намерением сделать это в как можно более уничижительной, резкой, грубой или циничной форме» [Цена слова 2002, с.330].

В соответствии с широким взглядом, инвектива практически расширяется до границ конфликтогенных факторов в речевой коммуникации. Так, в [Шарифуллин 2005] предлагаются следующие характеристики инвективы (передадим их конспективно):

1. Инвективность как языковая категория отражает и воплощает естественную инвективную функцию языка как речевую реализацию его

общей экспрессивной функции, тесно связанной с коммуникативной и когнитивной функциями.

2. Инвектива как речевое явление, речевое событие, реализующее определенные коммуникативные и экспрессивные интенции её автора – это словесный **наезд** (от латин. *inveho, invexi, investum* – «наезжать»), вербальная атака, нападки, далеко не всегда выраженные в форме собственно брани или сквернословия, но, безусловно, реализующие языковую (вербальную) агрессию, являясь одновременно одной из основных форм языкового насилия над личностью.

3. Инвектива в ее вербальном воплощении – это не вид речевой (коммуникативной) стратегии (как полагает, например, [Жельвис 1988]) и не речевая тактика, а один из основных типов речевых жанров, наряду с информативными, императивными, оценочными и этикетными, имеющий свою собственную коммуникативную цель и другие жанрообразующие признаки.

4. С точки зрения правового пространства естественного русского языка инвективность и инвективные средства выполняют функцию вербализации языковой агрессии или языкового насилия, направленных против личности (группы лиц, организации и т.п.) с целью нанесения оскорбления или причинения какого-либо ущерба чести, достоинству и деловой репутации.

5. Доказать в процессе судопроизводства факт языковой агрессии и/или языкового насилия с использованием определенных инвективных средств, направленный против личности и нанесший ей оскорбление или причинивший какой-либо ущерб чести, достоинству и деловой репутации, не просто. Но вполне возможно, если в ходе лингвистической экспертизы по поручению суда эксперт-специалист (лингвист, а не филолог «вообще»!) сумеет «восстановить» и аргументативно представить всю «цепочку» данного речевого события: интенции автора анализируемого текста и его коммуникативную стратегию, выбор им определенных речевых тактик, их

реализацию в «прочитываемых» инвективных жанрах, языковое воплощение данных жанров в соответствующих инвективных единицах языка. Аргументирован должен быть и вывод о факте языковой агрессии и/или насилия против личности истца.

Осуществив анализ и синтез крайних (узких и широких) представлений об инвективности, предложим свою позицию.

Понимание инвективных средств как «слов и выражений», как нам представляется, не охватывает всего объема исследуемого явления. В понимании многообразия средств выражения инвективы мы солидаризируемся с широкой трактовкой инвективы. В разделе, посвященном классификации инвективных средств, продемонстрируем это многообразие конкретными примерами.

Принимая к сведению выработанные исследователями инвективы представления о коммуникативной природе явления, о квалификации его как стратегии, тактики или речевого жанра и отстраняясь от дискуссии на эту тему, обратим внимание на интересующий нас правовой аспект.

Несмотря на наличие ряда исследований, Б.Я. Шарифуллин, рассмотревший в своей докторской диссертации вопросы инвективности с точки зрения реализации экспрессивной функции языка в генетическом аспекте и занимающийся специально инвективностью в течение ряда лет, полагает, что «вопросов здесь остается больше, чем попыток их решения». Исследователь в настоящее время видит четыре основных аспекта рассмотрения проблемы инвективы: собственно лингвистический (например, изучение естественной инвективной функции языка и способы ее реализации в системе инвективных средств), речеведческий (инвектива – стратегия, речевая тактика или речевой жанр?), лингвокультурологический (место и способы отражения и реализации инвективы в национальной картине мира) и юрислингвистический (инвектива и инвективные средства в современном правовом пространстве) [Шарифуллин 2004,с.129].

В нашей работе, в соответствии с поставленной целью выработки стратегии и тактики лингвистической экспертизы, рассматривается юрислингвистический аспект инвективности. Для решения же наших практических задач необходимо с разной степенью углубления задействовать теорию всех обозначенных направлений.

Означает ли все сказанное, что оскорбить можно не только обценной лексикой (табуированной, или так называемым матом)?

Да, конечно. Оскорбление – гораздо более сложное и глубокое понятие, чем языковая стилистическая помета «табуированное».

Инвективность является сложной коммуникативной категорией, реализующейся на стилистическом и на культурологическом уровнях.

Поскольку в процессах об оскорблении в центре рассмотрения стоит вопрос о «приличности/неприличности формы выражения, неизбежно возникает потребность в обращении к лингвокультурологическому аспекту речевого поведения, определяемому рассмотрением диады «человек – язык» в соотношении с культурой, в основе которой лежит язык, а именно такие уникальные, хранимые обществом формы его существования, как нормы, на основе которых организуется деятельность в обществе и накапливается опыт, передаваемый от поколения к поколению [Волков 2001, с. 12], а также сам языковой код.

Участники речевого конфликта – носители определенной культуры, представители конкретной лингвокультурной общности, определяющей их речевое поведение. «Этнолингвокультурный фактор выступает в качестве регулятора речевого поведения говорящих через ритуалы и традиции, нормы и правила, этнические стереотипы, а также национальные закономерности, языковые, речевые и невербальные механизмы речевой деятельности коммуникантов и специфику построения дискурса» [Третьякова 2004, с.121].

Культура, в том числе речевая, основывается на национальном менталитете, под которым понимается образ и способ мышления языкового коллектива, мироощущение и мировосприятие народа, отраженные в языке.

Лингвокультурологический подход к понятию коммуникативной нормы в какой-то мере объясняет критерии востребованной правом дифференциации «приличной/неприличной» формы выражения. Коммуникативно-деятельностный подход к норме является логическим продолжением теории пражских лингвистов, рассматривающих проблему нормы в связи с языковой культурой (В. Барнет, Б. Гавранек, К. Горалек, А. Едличка, Л. Ельмслев, В.А. Ицкович, Е. Косериу, В. Матезиус, D. Nerijs, W. Hartung и др.).

Коммуникативная норма определяется гораздо сложнее строго языковой нормы, например, орфоэпической, не говоря уже об орфографической.

Критерии коммуникативной нормативности основываются на отношении социума, на факте общественного одобрения/неодобрения, а также на основе массовой и регулярной воспроизводимости данного явления в процессе коммуникации. Норма как явление регулярное проявляется в повторяемости в той или иной ситуации, делающей ее социально значимой.

Коммуникативная норма предписывает то, что человеку надлежит делать, и то, что ему при этом надлежит говорить в рамках существующих фреймов, сценариев, моделей речевого поведения. Функция нормы состоит в том, чтобы исключить влияние случайных, чисто субъективных мотивов и обстоятельств, обеспечить надежность и предсказуемость, известную стандартность и общепонятность поведения» [Третьякова 2004,с.21].

Невозможно абсолютно четко дифференцировать допустимое и недопустимое в перспективе употребления, составить полный список инвективных средств, учитывая не только их разнообразие, но и творимость: инвективным потенциалом, как и образным, обладает почти любая языковая единица. Квалификация уже использованного языкового средства также может не быть однозначной, относиться к пограничной нише. Возможность такой некатегоричной оценки нормативности признается специалистами в сфере речевого конфликта:

«Оценка текстов-сценариев речевого поведения производится в предельных границах: положительные сценарии, построенные в соответствии с коммуникативной нормой, и отрицательные, демонстрирующие нарушение нормы. Эти оценки, маркируя лишь предельные границы речевого общения по его результату, обозначают рамки варьирования речевых реализаций. Сценарии, находящиеся между этими двумя полюсами, могут использоваться с известными ограничениями, с учетом функциональной сферы и/или ситуативных особенностей коммуникации» [Третьякова 2004, с.22].

Таким образом, под неприличной формой выражения любого типа информации (сообщения или суждения) вполне логично понимать такую форму выражения, которая нарушает не только и не столько языковые, сколько коммуникативные нормы, сложившиеся в определенном лингвокультурном пространстве в настоящий момент.

Что считать нецензурной бранью?

Понятие обценной, или запретной, лексики емко и в то же время вполне конкретно раскрывается в [Цена слова, 336]: «Необходимо внести определенность в восприятие и общественную оценку понятия и употребления термина «обценная», или «табуированная» лексика. Речь идет о так называемом мате... Жесткий запрет на публичное употребление обценной лексики и фразеологии, идеографически и семантически связанное с запретной темой секса, сексуальной сферы, вообще «телесного низа», сложился у восточных славян – предков русских, украинцев, белорусов – еще в языческую эпоху как прочная традиция народной культуры и строго поддерживался и поддерживается Православной церковью на протяжении 1000 лет. Так что данное табу имеет в русском народе давнюю традицию, освященную не одним тысячелетием».

Повторим, что нецензурная брань, обращенная к конкретному лицу – это только одна из многочисленных форм оскорбления.

А если обвиняемый утверждает, что он не хотел оскорблять, что он «так говорит»?

На научном языке ситуацию можно назвать так: «Несовпадение речевых кодов коммуникантов».

Вернемся к высказанному представлению о том, что «инвективные (конфликтогенные с лингвистической точки зрения) языковые средства юридически нерелевантны в случае отсутствия соответствующей интенции и, наоборот, может быть юридизировано все, что «работает» на стратегию дискредитации...» [Матвеева 2004, с.103]. В соответствии с представленной позицией, мотив преступления становится определяющим фактором в его квалификации. Но имеет ли право лингвист на основании определения мотивации (если такое определение возможно) характеризовать текст как инвективный или неинвективный?

Оскорбление как результат коммуникации имеет место в двух случаях:

- 1) при успешной реализации намерения дестабилизировать адресата: инвективная интенция воплотилась;
- 2) при несовпадении речевых кодов коммуникантов, различном отношении к речевой норме: инвективной интенции не было, но реципиент воспринял произвольную инвективу.

Обратимся к вопросу о неидентичности стилистической оценки фактов языка различными его носителями.

Предположим, инвективного намерения не было. Причиной речевого конфликта, вышедшего в правовое поле, явилось различие в отношении к языковым средствам, о котором прекрасно написала О.В.Саржина [Саржина 2004]. Кодировка и декодировка не совпали. Какой код должен избирать лингвист как отправную точку: код истца или ответчика, пострадавшего или обвиняемого, адресата или адресанта?

Незнание закона не освобождает от его соблюдения. Удивительно, как изящно порой и лингвист, и суд обходят этот тезис стороной, защищая не интересы пострадавшего, а СМИ, отрицающего наличие какой-либо

негативной интенции, в то время как закон требует защиты лица от распространения недостоверной информации о нем и защиты от речевого насилия. Применительно к законам, регулирующим речевую деятельность, законом является языковая норма в ее коммуникативно-этическом аспекте. В делах об оскорблении тонкая грань инвективности/неинвективности определяется многими параметрами: литературностью/нелитературностью, отнесенностью к лицу/безадресностью, общим контекстом, направленностью на дискредитацию и дестабилизацию лица. Но вопрос о намерениях говорящего находится в этом ряду на последнем месте. Эта проблема имеет ровно такое же значение, как и проблема намерений водителя, по вине которого произошло ДТП. Конечно, учитывать наличие / отсутствие умысла оскорбителя необходимо, если его возможно определить, но неправомерно отказывать тексту в инвективности на основании отсутствия такового намерения у адресанта.

Еще раз вспомним, что при оскорблении наносится психологический удар, и на лингвиста возложена ответственность определить, имел ли место сам факт удара. Поскольку дело дошло до суда, очевидно, что одна сторона настаивает на факте этого удара, другая, соответственно, отрицает. Каждая сторона предлагает свое видение семантики и стилистики языкового средства или целого текста.

Какой код примет лингвист?

Ответ, на наш взгляд, прост и банален: таким кодом должна являться универсальная общенациональная норма, отраженная в словарях. Речь идет, естественно, о тех случаях, когда спорным является вопрос о нормативности / ненормативности слова или фразеологизма.

Каковы критерии «неприличности» употребленного слова?

Повторим, что таковым критерием считаем прежде всего данные словарей. И тут же еще раз уточним: речь идет только о собственно стилистической характеристике слова как знаковой универсалии общенационального характера. Ни в коем случае не отрицаем необходимости

учета других факторов, в частности контекста и дискурса. Но отталкиваться в любом стилистическом анализе все же необходимо от той стилистической пометы, которая предложена в словарях, призванных отразить общенациональную норму. Использование не одного справочного источника повышает убедительность представленных характеристик.

Предполагаем, что это положение о первичной роли словарного значения и стилистической пометы в период активного развития в лингвистике направлений, относящихся к фиксированным характеристикам слова вне контекста более чем скептически, вызовет множественные нападки, для которых, конечно, есть основания. Принимая их как необходимые сомнения, выявляющие неабсолютность любого постулата, все же считаем названную отправную точку в принципе единственно возможной для осуществления судебной лингвистической экспертизы по делам исследуемого типа. Обозначим возможные оппозиционные доводы.

Довод 1. Общенациональной нормы не существует. Это фантом. Существует множество частных норм, обусловленных множеством факторов: место, время, цель общения, личностные характеристики коммуникантов, тип отношений между ними. То, что принято, а значит, нормативно в одной среде, неприемлемо в другой.

Ответ. Все сказанное теоретически правильно. Однако вспомним о практической задаче. Поскольку есть судебный иск, есть конфликт. Отдаем себе отчет в том, что, возможно, истинную сущность конфликта не узнает никто и никогда, но этот вопрос находится за пределами нашей компетенции. Перед лингвистом вербализованный конфликт, во всяком случае внешне всегда представленный при оскорблении как конфликт стилистических систем.

Что же должен анализировать лингвист в такой ситуации?

Если следовать представленной логике о множественности норм, лингвист должен взять на себя ответственность проанализировать всю речевую ситуацию и вынести свой вердикт о допустимости/недопустимости

использованного речевого средства в данной ситуации. На основании каких критериев? Собственного языкового вкуса? И если на уровне общих житейских представлений о типах речевой стилистики в различных средах наши выводы и могут показаться верными, в судебной практике, требующей жестких доказательств, все эти общие рассуждения неизбежно будут страдать субъективизмом и могут быть разбиты первым же вопросом.

Обратимся к конкретной ситуации. В шумной артистической компании одна актриса называет другую шлюхой. Оскорбленная подает в суд. Адвокат ответчицы, поддержанный лингвистом, настаивает на том, что в этой среде такие слова употребляются регулярно, и даже в течение вечера они звучали неоднократно, что такова норма этой среды, и, следовательно, ничего оскорбительного в прозвучавшем слове нет. Следуя логике «частных норм», лингвист в результате анализа дискурса приходит к тому же выводу. Теперь услышим доводы истца: «Да, речь на вечеринке изобиловала нелитературной лексикой, что меня очень смущало. Но пока эти слова не относились ко мне, я старалась от них отстраниться. Когда же меня назвали...не могу произнести... со мной это впервые. У меня был просто шок, я просто потеряла дар речи. Я никогда сама не произношу таких слов, у нас в семье это не принято».

Речевой конфликт в том и заключается, что частные представления о норме не совпали. Адресант недостаточно полно определил допустимое речевое поведение в лучшем случае или намеренно нарушил прекрасно осознанные нормы с целью дестабилизации адресата.

Так неужели определяющей в судебном разбирательстве должна стать третья частная норма – норма лингвиста – эксперта? Не исходить же из положения о том, что все слесари, шоферы и солдаты употребляют ненормативную лексику. На научном лингвистическом языке эта простая мысль будет оформлена примерно таким образом: «Изучение лингвокультурных особенностей данной социальной среды показало специфику социального диалекта, смещенного по отношению к

литературной норме в сторону стилистического снижения, что позволяет говорить о нормативности рассматриваемых языковых («блядь», «сука») единиц как отражения определенного речевого кода в этой речевой среде» .

Во-первых, специфика речевого кода какой-либо конкретной среды может быть выявлена только в результате специального лингвистического исследования, следовательно, во-вторых, приведенный довод не может быть использован как убедительный аргумент в юридической практике, в-третьих, никогда нельзя исключать возможности функционирования в рамках определенной социально обусловленной речевой среды индивидуальной речевой системы, основанной на иных, отличных от принятых в этой среде, принципов. Так, в среде со смещенным представлением о норме в сторону стилистического снижения может оказаться человек, имеющий классические представления о норме. Закон должен его защищать? Или анализ дискурса, осуществленный лингвистом, лишит его этого права?

Практика определения инвективности по так называемой «частной норме» довольно распространена. При этом не учитывается только частная норма пострадавшего.

Так, в [Цена слова 2002, с.56] приведена экспертиза по делу Сададьский-Азиза. Причиной и/или поводом судебного конфликта стало высказывание в прессе С.Сададьского: *«..я поклялся, что никогда не буду общаться с этой блядью»*. В лингвистической экспертизе авторы довольно убедительно рассматривают текст как единое целое, так определяя смысл публицистического материала: *«Автор статьи С.Сададьский опровергает выдвинутое во вступительной части предположение о том, что Азиза – блядь, доказывая, что такое восприятие артистки – чисто внешнее, связанное с несоответствием богатого внутреннего мира певицы с внешним обликом и впечатлением, которое она производит. Рассказывая о жизни и творчестве певицы в основной части статьи, автор призывает внимательно присмотреться к Азизе и не давать скоропалительных оценок, вызванных непониманием сложной человеческой природы»*.

Общий позитивный отзыв, конечно, приятен, но он не отменяет самого факта произнесения в адрес лица нелитературного слова. Не будем забывать, что при оскорблении важна сама форма выражения мысли. Скорее всего, судебного иска не было бы, если бы Сададьский выразил свою мысль стилистически более нейтральными средствами, например, охарактеризовал ее как «легкомысленную женщину», что, конечно, уничтожило бы прогнозируемый авторами публикации скандальный эффект. Признав, что слово «блядь» «не относится к общеупотребительным словам русского языка и соответственно не относится к лексике литературной», авторы завершают экспертизу анализом частной языковой нормы: *«Сам стиль «Экспресс-газеты» и публикации в ней, по нашим наблюдениям, позволяют автору более свободно обращаться со словом, в каком-то смысле считать, что слово «блядь» для круга читателей «Экспресс-газеты» не бранное, а свое, «жизнейское», находящееся на самой грани просторечной лексики».*

Во-первых, общее суждение о «наблюдениях» стиля газеты не аргументировано научно, не подтверждено никакими данными; во-вторых, финальная стилистическая характеристика лексемы дается исключительно субъективно, на основе восприятия стилистики слова авторами экспертизы; в-третьих, истец может не разделять столь вольной трактовки нормы, и явиться случайным читателем печатного издания, привлеченным анонсом со своим именем. Чья норма должна быть определяющей? В приведенном случае, судя по решению суда, прекратившего дело за отсутствием состава преступления, определяющей оказалась частная норма СМИ и Сададьского, представления же о приличном и неприличном, нормативном и ненормативном истца учтены не были, хотя они соответствуют общенародной норме.

Во многих случаях изучение частной нормы вообще представляется невозможным, поскольку для этого необходимо провести исследование идиостиля участников речевого конфликта, что практически невыполнимо. Частная норма по объему и сложности не уступает общей, и вряд ли лингвист

может взять на себя ответственность в рамках отдельной экспертизы претендовать на полную характеристику такой нормы.

Подводя итог рассуждениям о множественности норм, неизбежно приходим к выводу о том, что это научное положение, в целом справедливое, не может служить основой судебного разбирательства в делах об оскорблении, поскольку полное и научно аргументированное изучение частной нормы участников конфликта в рамках экспертизы не может быть осуществлено в достаточном объеме, и субъективизм лингвиста уведет нас от нашей цели – судебного решения, основанного на единых, универсальных, объективных критериях.

Мы не исключаем, однако, что развитие лингвистики и соответствующих ее направлений, а также юрислингвистики и накопление практики по делам обозначенного типа позволят выработать и использовать методики определения и описания частных норм.

На настоящий момент только общенациональная норма, принятая как образец для публичного общения, может и должна служить универсальным критерием допустимости/недопустимости, приличности/неприличности использованного языкового средства.

Довод 2. Как определить эту общенародную норму? Каковы ее критерии?

Ответ. Да, критерий нормы несовершенен. Прежде всего это словарь. Какой? Этот вопрос не из простых. Подробный анализ словарей, на которые следует ориентироваться при выполнении лингвистической экспертизы, осуществил Ю.А.Бельчиков [Бельчиков 2005]. Однако необходимо признать, что несовершенство лексикографической практики, находящейся, как и вся наука, в пути, не оставляет нам надежды на четкую, единообразную и однозначную стилистическую помету в ближайшей перспективе. Приведенное суждение как будто вступает в противоречие с только что предложенным тезисом об универсальности общенациональной нормы, но в

действительности оно является дополнительным аргументом в пользу обозначенного ориентира.

Языковая норма определяется лексикографами по приоритетным предпочтениям большинства носителей языка. В силу различных причин: несовпадения в терминологии, различия в составе опрашиваемых и методов обработки материала, стремительной временной динамики нормы, в конце концов, личного языкового опыта, вкуса и стилистического кода – лексикографы не идентично характеризуют стилистическую, коннотативную составляющую семантики языковой единицы.

Но это лишь означает, что мы имеем дело с закономерным процессом стилистического варьирования. Норма представлена как некий инвариант с размытыми границами. По отношению к жесткости стилистической квалификации лексическую систему русского языка можно представить как сферу с жестким ядром – составом, идентично характеризваемым во всех источниках, и все более размываемой к краям периферией – составом, неидентично представленным в различных словарях с различным количественным соотношением несовпадающих оценок.

Факт несовпадения стилистических характеристик является дополнительным доказательством необходимости сохранения общей тенденции ориентации на общенациональную норму потому, что свидетельствует о некатегоричности нормы. Именно понимание динамики нормы и ее «множественности» и стремление отразить максимально широкие представления о норме и заставляют авторов новых словарей не во всем следовать за своими предшественниками.

Для лингвиста-эксперта разнообразие взглядов на стилистику и коннотацию рассматриваемого слова – прекрасный материал для размышления, и в рамках предлагаемого разнообразия анализ дискурса не только уместен, но и необходим для определения наиболее оправданной квалификации языковой единицы на предмет инвективности. В данном случае речь, конечно же, идет только о тех инвективных средствах,

применительно к которым обсуждается вопрос о литературности / нелитературности, обценности / необценности.

Может ли словарная стилистическая помета быть единственным критерием инвективности слова?

Нет, конечно. Это один из критериев, наиболее простой и очевидный, с которого следует начать анализ всей конфликтной ситуации. Безусловно, значительная, возможно, преобладающая часть инвективных средств литературна, и пометы в словаре нам ни коим образом не помогут, необходимо рассматривать семантическую сущность номинации и соотносить с понятием этической нормы. В то же время при всем признании сложности и неоднозначности понятия нормы, в том числе речевой нормы, при осознании роли дискурса, контекста, ситуации и других определяющих факторов, позволяющих определить уместность и допустимость речевого кода коммуниканта, – которые, конечно же, лингвист-эксперт в ходе лингвистической экспертизы по процессам о защите чести и достоинства должен учитывать, считаем все же точкой отсчета универсальный языковой код – языковую норму, отраженную в классических словарях.

Уточним, словарь представляется нам спасительным инструментом определения нормативности / ненормативности употребленного слова или фразеологизма, но не более того. Другие факторы также необходимо учитывать. Но понимать при этом, что это уже *другие* факторы, которые не могут изменить имманентную природу стилистики конкретного языкового средства, а лишь могут способствовать какой-либо специфической интерпретации его роли в контексте и в речевом общении в конкретном случае.

Какие языковые средства можно назвать инвективными (оскорбительными)?

Наиболее подробную на настоящий момент классификацию инвективных средств предлагает Ю.А.Бельчиков [Бельчиков 2004]. Автор анализирует эволюцию современного русского литературного языка, выявляя

социально-политические причины актуализации одних и деактуализации других лексических пластов, предлагает классификацию инвективных лексико- фразеологических средств. В основе предлагаемой классификации лежит деление языковых единиц на литературные и нелитературные, причем основная часть инвективной лексики и фразеологии, с точки зрения автора, находится за рамками литературного языка: «Это лексика бранная, относящаяся главным образом к просторечию, а также к жаргонам, отчасти – к диалектной лексике, характеризующаяся грубо вульгарной экспрессивной окраской, резко негативной оценкой чаще всего циничного характера. Значительное место в инвективной лексике занимает лексика обценная».

Литературную инвективную лексику Ю.А.Бельчиков разделяет на несколько групп.

Во-первых, это слова констатирующей семантики: *вор, бандит, двурушник, мошенник, проститутка, шпион*. В самом значении таких номинаций лица, занимающегося антиобщественной деятельностью или совершающего поступки, противоречащие общественной, общепринятой морали, – при констатирующем характере семантики – содержится негативная оценка. Подобные слова в силу логико-понятийной природы их денотатов в самом номинативном значении имеют негативную оценку, оставаясь в рамках констатирующей семантики. При употреблении слов этой группы в переносном значении инвективность усиливается: *политическая проститутка*.

Вторую группу образуют нейтральные номинации лица по его профессии, роду занятий, в переносных значениях приобретающие резко негативную оценку, обычно сопровождаемую экспрессией неодобрения, презрения: *бюрократ, коновал, мясник, палач, чиновник*. Так, приводит пример автор классификации, *бюрократ* в переносном значении – должностное лицо, выполняющее свои обязанности формально, в ущерб делу, формалист, буквоед; *палач* в переносном значении – жестокий мучитель, угнетатель.

В-третьих, Ю.А.Бельчиков выделяет неприемлемые с точки зрения общественной морали слова: *сволочь, стерва, подлец, мерзавец*.

Инвективными названы также слова, обозначающие действия и качества, свойства чего-либо а) слова констатирующей семантики: *убить, украсть, мучить*; б) оценочные слова в контекстах обвинительного характера, с яркой экспрессивной окраской: *вранье, прикарманить, хапнуть*.

Автор совершенно справедливо, на наш взгляд, выделяет две основные группы инвективных лексем: **литературные и нелитературные**. Это уже значительный шаг к объективации судопроизводства, так как признается не меньшая оскорбительность литературных слов типа «*подлец*» или «*негодяй*» по сравнению со словами обценными, табуированными.

Отдавая должное осуществленной классификации, укажем все же на ее неполноту: поиск инвективных средств сосредоточен в сфере лексики и ею ограничивается, в то время как, по нашим наблюдениям, гораздо чаще инвектива выражается сверхлексическими средствами: фразеологизмами, пословицами, метафорами, подтекстом.

Попытка классификации инвективной лексики предпринимается и в монографии [Понятие чести и дост.. 1997]. Авторы совершенно справедливо, на наш взгляд, отмечают неоднозначность понятия «ненормативная лексика и фразеология». Оговорив, что в лингвистике ненормативными называют единицы, которые не относятся к литературному языку (слова из просторечия, жаргонов, диалектов), они предлагают и другой взгляд на ненормативность как на обозначение «того слоя, разряда слов и выражений, употребление которых в речи нарушает нормы общественной морали, общепринятые в данном социуме представления о приличии-неприличии». Такой коммуникативный подход имеет право на существование и представляется ценным не только в аспекте разрешения информационного конфликта. Естественно, что при таком взгляде на проблему в состав ненормативной лексики входят слова и выражения, относящиеся к литературному языку, т.е. вполне соответствующие литературным нормам.

Учитывая достоинства описанных классификаций инвективных средств, а также собственный опыт анализа языковых средств, предлагаем следующую типологию.

Первое основание классификации – отношение к литературной норме как коммуникативному коду. На этом основании инвективы также представлены двумя группами:

- 1) литературные инвективные средства;
- 2) нелитературные инвективные средства.

Второе основание классификации – языковой уровень инвективного средства. На этом основании выделяются две основные группы:

- 1) лексико-фразеологические инвективные средства (номинативные единицы языка)
- 2) сверхноминативные инвективные средства.

В свою очередь в обеих названных группах можно выделить подтипы. Применительно к лексемам такая классификация осуществлена (см. приведенный ранее обзор литературы). В сверхноминативных же инвективных средствах можно выделить следующие группы: а) паремия, б) метафора, в) аллюзии, г) подтекст.

Литературные лексико-фразеологические инвективные средства

К инвективным относятся литературные слова, самой своей номинирующей семантикой отрицающие в человеке базовые нравственные качества, являющиеся основой самоуважения и общественного признания: подлец, негодяй, мерзавец. Например:

*Многие не подают Герману руки, считая его обычным **подлецом**, боясь **испачкаться**».*

В тексте использовано одно из наиболее оскорбительных литературных слов русского языка – слово «**подлец**», что является прямым и явным оскорблением. Отнесенность авторства этой характеристики к третьим лицам – «многим журналистам» – не имеет в данном случае никакого значения,

поскольку несущественно, каким способом была введена в текст оскорбительная по отношению к лицу оценка.

*Можно ли с **подонками** построить «светлое будущее»?*

Слово «**подонок**» отмечено в [Толковом словаре ненормативной лексики русского языка 2005]:

Подонок, разг. 1. только во мн. презр. Деклассированные, преступные элементы общества. 2 бран. низкий, гадкий человек; подлец, мерзавец.

По классификации, предложенной в [Понятие чести, достоинства...1997; Цена слова 2002], слова типа «**подонок**», «**мерзавец**», «**негодяй**», «**подлец**» являются инвективными, то есть оскорбительными, по самой своей номинирующей сущности. Эти лексемы не просто выражают негативное отношение к поступкам, деятельности лица, конкретным его качествам, а дают целостную оценку личности, несовместимую с представлениями о чести, достоинстве и репутации в обществе. Отнесенность к лицу слова «**подонок**» можно квалифицировать только как оскорбление.

Нелитературные лексико-фразеологические средства

Нелитературность языкового средства, казалось бы, должна указывать однозначно на факт оскорбления. Необходимо, однако, помнить о том, что эта ненормативная единица языка должна относиться к личности истца. Бранное слово как выражение эмоций, не адресованных конкретному лицу, может быть признано хулиганством, но не оскорблением.

В судебной практике возникают и другие «однако». Так, приобретшее широкую популярность дело Азиза – Сададьский было выиграно последним именно по причине признания судом лексемы «блядь» не оскорбительной характеристикой истца, а характерным для сниженной стилистики издания языковым средством, то есть, иными словами, средством самохарактеристики говорящего и печатного органа.

Инвективу может создавать не только слово, но и просторечный **фразеологизм** с характеризующей пейоративной семантикой: *нос не дорос*,

соплей можно перешибит, бог шельму метит. Оскорбительны пословицы и поговорки, отнесенные к конкретному лицу и дающие ему обобщенную уничижительную оценку: *со свиным рылом да в калашный ряд, каждый сверчок знай свой шесток*, др. Эти пословицы указывают на недостаточную ценность личности отвлеченно или в сравнении с кем-либо и, будучи употребленными в СМИ, умаляют честь и достоинство лица.

Надо сказать, что этот приговор – закономерный итог. Как говорится, Бог шельму метит

Шельма, прост. – 1.Ловкий плут, пройдоха. 2.Употребляется как бранное слово

3.Употребляется как выражение одобрения [Словарь ненормативной лексики русского языка 2005].

Очевидно, что в приведенном случае имеет место негативная оценка, контаминирующая первые два значения.

Содержательная сущность рассматриваемого слова в данном случае не является определяющей, главное – его стилистическая окраска. Нелитературное бранное слово, отнесенное к лицу, считается инвективным и является формой выражения оскорбления.

Следует отличать оскорбительное слово или выражение от **стилистически неуместного**. Так, на заключение лингвиста был поставлен вопрос: является ли фраза *«Что ты петушишься?»*, обращенная к г-ну Л. его компаньоном г-ном З., нецензурной бранью и может ли она унижить честь и достоинство г-на Л. не только как человека, но и как генерального директора фирмы и причинить ему нравственные страдания?

Слово «петушиться» имеет значение: «Вести себя задиристо и запальчиво, горячиться» [Ожегов, Шведова 1996.].

Очевидно, что такая характеристика не противоречит нормам общественной морали и, следовательно, с содержательной точки зрения рассматриваемое выражение не может считаться порочащим. Рассмотрим форму выражения суждения. Можно признать, что с точки зрения

эстетической она не соответствует стилистическим нормам официального общения, что, однако, довольно типично для современной речевой ситуации, к сожалению. Однако степень стилистической сниженности слова «петушиться» столь незначительна, что вряд ли можно говорить о возможности нанесения им кому-либо нравственных страданий. В словарной статье слово это имеет стилистическую помету «разговорное», что является научно обоснованным доказательством допустимости использования этого слова в литературной речи, поскольку в соответствии с традиционными стилистическими учениями, разговорные слова относятся к разряду литературных. За границей литературности находятся просторечия, диалекты, жаргоны. Слово же «петушиться» со значением «горячиться» не является нецензурным, более того, не является бранным (бранные слова могут быть и литературными), то есть ни по каким параметрам претензии истца не кажутся обоснованными.

Сверхноминативные средства оскорбления

Аллюзии

Подтекстовым средством формирования оскорбления может быть и литературная **аллюзия**. Различными языковыми средствами автор может провести параллель между реальным лицом – объектом рассмотрения в публицистическом материале и каким-либо литературным персонажем. Как показывает практика, иск может быть вызван и отраженным в комментарии к УК РФ **«сравнением с одиозными историческими и литературными персонажами»**. Какие исторические и литературные персонажи могут считаться одиозными? Считать ли оскорбительным сравнение какого-либо лица с Павлом 1, с Брежневым, со Сталиным, с Дантесом, с Молчалиным или Ноздревым? Не следует забывать и про право журналиста давать свою оценку событиям и людям, используя различные стилистические приемы, в том числе прием сравнения с известными личностями и литературными персонажами. И предметом иска может стать не сам факт сравнения, а его

параметр: передается ли при этом явно или скрыто информация о нарушении лицом правовых или моральных норм.

Рассмотрим текст: *«...на сцену поднялся г-н К., и, получив диплом, напугал отдававшую его девочку, приблизив к ней «лицо» для поцелуя. Впрочем, никто не завопил истошно: «Губернатора подменили! Верните Губера-Губера! Уберите Гумберта-Гумберта!»* Представляется, что в приведенном случае границы «принятых в обществе норм общения» перейдены, и примененный журналистом стилистический прием формирования негативного образа г-на К. находится вне правового поля и вызывает оправданный иск. Слово «лицо» взято в тексте в кавычки, выполняющие в данном случае роль комментария со значением «так называемое, но не являющееся таковым», что является грубым высмеиванием внешности – существенной составляющей целостного образа человека. Сравнение же с Гумбертом Гумбертом, героем романа В.Набокова «Лолита» – любителем нимфеток, вступившим в интимную связь с 12-летней героиней, существенно отличается от сравнения, например, с гоголевским Маниловым. Сатирическое изображение таких черт политика, как слащавая сентиментальность, прожектерство в сочетании с пассивной беспомощностью, хотя и неприятны объекту сравнения, но законны, так как представляют собой критику, а не обвинение в совершении противоправных или аморальных действий. Образ же Гумберта Гумберта, несмотря на всю его художественную сложность и неоднозначность, в массовом восприятии связан с растлением, то есть и с противоправным, и с аморальным действием. Поэтому сравнение с этим литературным персонажем в приведенном контексте оскорбительно.

Однако грань между **аллюзиями** оскорбительными и просто неприятными или некорректными очень тонкая.

Рассмотрим материал, в основу стилистической структуры которого журналист положил басню С.Михалкова «Осел в обойме». Приведем выдержки из статьи, которые в исковом заявлении истец выделил как

порочащие его честь, достоинство, деловую репутацию и как оскорбительные:

У Сергея Михалкова есть басня «Осел в обойме». Там «Ослу доверили однажды пост завидный. Лесным дельцам сказать не в похвалу, Какой-то важный зверь, где надо, очевидно, по дружбе оказал протекцию ослу». Остается загадкой, кто «протащил» к власти руководящий состав ОАО «Фирма Челябинскагропромстрой».

ОАО «Фирма Челябинскагропромстрой» владеет площадью в тысячу квадратных. По неизвестным причинам это частью офисного помещения сдается в аренду по сниженной цене одной из организаций, что входит в капитал господина Крякина и его семьи.

Продолжаем читать добрую басню детского писателя Михалкова: «Осел на должности что было сил старался». Местный управленец Анатолий Крякин помощников подбирал соответствующих и всячески стремился облагородить, вот только не акционерное общество, а малые фирмы, совладельцами которых он и является...

На основании предварительных результатов проводимой аудиторской проверки выявлены факты, свидетельствующие, что генеральный директор Крякин Анатолий Васильевич использовал свои полномочия во вред правам и законным интересам акционеров...

Получается, что реальной власти у Анатолия Крякина и его аффелированных лиц на 50% (зависит от количества акций), а контроля над финансами и распределением прибыли на 100%. Сложившаяся ситуация в корне противоречит основному принципу работы акционерного общества – получение прибыли. При этом предполагается прибыль для всего предприятия, а дивиденды для акционеров, а не для ограниченного круга руководящих работников ОАО «Фирма Челябинскагропромстрой», таких как Крякин, Шорохов, Перцев и Супряга...

И снова басня: «Но как бы он себя с достоинством ни вел, Каким он был, таким он и остался». Поэтому все требования сошли на нет, и на

совете директоров предложение провести внеочередное собрание с повесткой дня о смене генерального директора отклонено. Налицо лишь то, что договоры с подрядными организациями заключены с явной выгодой не для генподрядного предприятия (ОАО «Фирма Челябинскагропромстрой»), а для подрядных фирм, владельцами которых является руководство ОАО «Фирма ЧАПС.

Как недостоверные и, следовательно, порочащие, выдвинуты совершенно разнородные высказывания. Наряду с сообщениями о фактах, достоверность которых может быть подвергнута процедуре доказывания, фигурируют высказывания, имеющие статус стилистического средства или авторского вывода и не рассматриваемые по этой причине как достоверные или недостоверные.

Выдержки из текста басни позволяют сделать сатирический комментарий, образно осмыслить ситуацию, сделать образное обобщение. Этот прием достаточно традиционен, активно использовался в критических материалах в XIX веке. Сам жанр басни, как и жанр позже возникшего фельетона, направлен на высмеивание, осуждение личных и социальных пороков.

Сопоставление какого-либо лица с героем басни может быть оправданным и неоправданным. В том случае, если сравнение осуществляется, но доказательства не приводятся, можно говорить о беспочвенном опорочении. Если же образная составляющая накладывается на доказательную фактуальную базу, речь идет о критике, о сатире, ради которой, собственно, и существует журналистика. В рассматриваемом материале журналист приводит целый ряд сведений, которые, в случае соответствия действительности, позволяют признать критику справедливой.

Для рассмотрения проблемы о наличии оскорбления в конфликтном тексте необходимо выявить смысл басни С. Михалкова «Осел в обойме», ставшей стилистической основой статьи и основной причиной обвинения в оскорблении. Так, истец заявляет: *«Статья заканчивается оскорбительным*

утверждением: «Не зря вопрос с ослами ясен, но не прост... Но если уж осел попал в..., Вынь и подай ему руководящий пост!»

Напомним читателям текст басни «Осел в обойме», с тем чтобы осуществить ту интертекстуальную связь, которую установил журналист:

*Ослу доверили однажды пост завидный.
Лесным дельцам сказать не в похвалу,
Какой-то важный зверь, где надо, очевидно,
По дружбе оказал протекцию Ослу..
Осел на должности что было сил старался:
Одним указывал, других учить пытался;
Но как бы он себя с достоинством ни вел,-
Каким он был, таким он и остался:
Ушами поведет – все видят, что Осел!..
По лесу поползли невыгодные слухи.
В порядке критики пришлось при всех признать:
"Не оправдал надежд товарищ Лопухий!
Не справился. С поста придется снять".
И вот на пост Вола, ушедшего в отставку,
Зачислили Осла. Опять на ту же ставку!..
И снова слухи по лесу ползут:
"Он, говорят, проитрафился и тут!"
Одни смеются, а другие плачут:
"Что, если к нам теперь его назначат?!"
Вопрос с ослами ясен, но не прост;
Ты можешь снять с Осла, коль это нужно, шкуру
И накрутить ему за все ошибки хвост,
Но если уж Осел попал в номенклатуру,
Вынь да подай ему руководящий пост! [Михалков 1999].*

Очевидно, что ничего «неприличного», а следовательно, оскорбительного, финал статьи, процитированный истцом в исковом заявлении, не содержит.

Басня как жанр призвана быть средством критики и сатиры, средством жесткого высмеивания личных и социальных пороков. Смысл рассматриваемой басни кратко можно определить следующим образом: на руководящем посту нередко оказываются люди, не способные полноценно выполнять свои функции, однако их высокий статус, к сожалению, неколебим.

Совершенно очевидно, что автор статьи проводит параллель между героем басни и Анатолием Крякиным. Однако эта аллегория ничего нового не добавляет к обвинениям, высказанным в адрес генерального директора ОАО «Фирма Челябинскагропромстрой» прямым текстом. Журналист во всех конфликтных статьях говорил о недопустимом, на его взгляд, стиле руководства А.Крякина, объясняя причины своей негативной оценки. Важно выяснить, соответствуют ли сообщенные сведения действительности, а не опровергать выводы из фактов, сатирически представленные в публицистическом материале. Сопоставление любого лица с героем литературной басни вполне допустимо, за исключением случаев, когда сопоставление указывает на такие реалии действительности (именно реалии, а не на оценки и характеристики), доказательство которых у журналиста отсутствует.

Рассматривая конфликтный текст, необходимо учитывать многозначность лексики и возможность возникновения контекстуального значения. Одно и то же слово может функционировать в тексте, реализуя различные свои семы. В нашем случае важно отметить, что к Анатолию Крякину не относится слово «осел» в его грубо-просторечном бранном значении [Словарь ненормативной лексики русского языка 2005, с.543]. Традиционно характеристика «осел» совмещает указание на глупость и упрямство. В соответствии со сложившейся традицией использовать в баснях образы животных, С. Михалков назвал свой персонаж «Ослон», поскольку в русском национальном сознании черты именно этого животного максимально совпадают с чертами того образа, который требовалось создать автору. Хотя такая существенная черта, как упрямство, в басне отражения не нашла. Осел С.Михалкова – это персонаж, пусть сатирически представленный, но все же литературный образ, что подчеркивается написанием слова с заглавной буквы. В тексте статьи Анатолий Крякин не называется «ослон», а соотносится с *Ослон* как героем литературного

произведения – басни. Эта разница существенна, так как снимает обвинение в оскорблении.

Подчеркнем, однако, что если по сути выдвигаемые в адрес А.Крякина обвинения несправедливы, то есть событийные сведения, распространенные журналистом, не будут доказаны, то и материал в целом можно считать порочащим, но не по причине использования литературных аллюзий. Квалифицировать представленную форму сатиры как оскорбление представляется необоснованным.

Подтекстовые инвективные средства

Инвективу может реализовывать не только формально и семантически фиксированная языковая единица (слово, фразеологизм, пословица), значение которой узуально и может быть выявлено при обращении к словарю. Не менее, а, пожалуй, и более частотны случаи умаления достоинства лица подтекстовыми средствами, в скрытой форме выражающими унижительные для объекта изображения смыслы. Рассмотрим текст, ранее интересовавший нас с других позиций:

«Дело в том, что истец первоначально оценил свою честь, достоинство и деловую репутацию аж в 220 тыс.рублей. По мнению же суда, в лучшем случае и честь, и достоинство, и деловая репутация г-на Мешкова в совокупности стоят не более 250руб. Т.е. почти в 1000 раз меньше, чем мнит о себе сам депутат. Более того, в первых строках решения суда и вовсе фигурирует цифра в 50 рублей. Так низко не оценивался судом еще ни один депутат... Вряд ли кто-то станет теперь серьезно относиться к деятелю, чьи честь, достоинство и деловая репутация, которые он оценил чуть не в четверть миллиона рублей, суд, по сути дела, опустил до уровня цены 5 килограммов макарон».

Помимо фактической недостоверности, что стало известно в судебном разбирательстве, высказывания автора имеют явно оскорбительный по отношению к Д.Мешкову характер. Честь и достоинство – базовые характеристики человеческой личности. Выражение их в денежном

эквиваленте – грубая насмешка, переходящая границы принятых в обществе норм общения: «честь, и достоинство, и деловая репутация г-на Мешкова в совокупности стоят не более 250руб», «честь, достоинство и деловая репутация, которые он оценил чуть не в четверть миллиона рублей, суд, по сути дела, опустил до уровня цены 5 кг.макарон». Используется прием подмены предмета речи: денежное выражение компенсации морального вреда подменяется денежным выражением ценности чести, достоинства и деловой репутации. В нескольких предложениях, используя прием наложения и гиперболы, автор текста осуществляет свое инвективное намерение, нанося явное оскорбление Мешкову, самой стилистической формой высказывания пороча его честь и достоинство.

Прекрасно продемонстрированы подтекстовые средства создания оскорбления в тексте статьи «Наш бубновый туз – губернатор Усс», приведенной и проанализированной [Шарифуллин 2004, с.136].

Основным средством дискредитации является в тексте нагнетание арготической лексики, «раскрывающей» образ «губернатора Усса».

«Подобный «стилистический» прием следует считать речевой тактикой автора инвективного высказывания, обыгрывающей наличие в песне С. Медяника словосочетаний «*козырный туз*» и «*бубновый туз*». К речевым тактикам (а их в тексте реализовано немало) можно отнести, условно говоря, прием «смешивания», или интерференции, подмены понятий, сопряженный с явной языковой «натяжкой»: обычные, бытовые значения «карточных» и «гадательных» идиом *козырный туз* – «человек-лидер, на которого ставят и который должен победить» и *бубновый туз* – «человек (обычно мужчина), являющийся объектом интереса со стороны того, кто загадывает гадание» подаются в контексте криминального жаргона....В данной публикации создано своеобразное речевое криминальное пространство, якобы характеризующее данного кандидата в губернаторы. Кульминация данного речевого события, которое, видимо, по замыслам автора, «виртуальность» обвинений переведёт в «реальность», обозначена довольно чётко –

«Опубликовать «Словарь воровского языка» – мало ли какие песни будут сочинять для Усса и про Усса».

Эвфемизм

Средством оскорбления бывают грубые эвфемизмы, которые тоже можно отнести к подтекстовым средствам: *Многие журналисты Челябинска не только не признают «двойное Г.» своим коллегой, но даже не подают ему руки, боясь запачкаться.*

На внешнем уровне «двойное Г.» представляет собой указание на инициалы Германа Галкина, однако очевидно, что эта языковая единица в тексте статьи полисемантична. Общепринятым в современной речи является прием эвфемизма, заменяющий грубейшее бранное слово «говно» его начальной буквой «г».

Толковый словарь ненормативной лексики русского языка (б) дает следующие значения слова:

Говно (вульг) 1. Кал, испражнения; дерьмо (в 1-ом значении)

2. Мерзкий, дрянной, ничтожный человек; дерьмо (во 2-ом значении)

3. Дрянная, никудышная вещь; дерьмо (в 3-ем значении) [Словарь нелитературной лексики русского языка 2005].

В анализируемом тексте языковая единица реализуется во 2-ом значении, характеризующем лицо. Ненормативная лексема, негативно оценивающая человека, является бранной и квалифицируется как инвективная.

Доказательством того, что именно этот оскорбительный смысл передан в тексте, является, во-первых, употребление в форме среднего рода прилагательного «двойное», согласующегося с главным словом, во-вторых, лексическое воплощение разворачивающейся далее в тексте метафоры в слове «запачкаться», семантически поддерживающем метафорически преподносимую тему нечистот. Как правило, при бранном употреблении обозначенное нелитературное слово сопровождается семантически сопутствующими словами «испачкаться», «запачкаться», «замазаться»,

«замарать» и подобными со значением моральной, нравственно-этической нечистоты, что подтверждается и приводимыми в словаре примерами:

- А вы, Боленский, не готовились, кстати, к покушению на Лысенко и других деятелей передовой биологической науки? – Я, гражданин следователь, – вдруг взбесился старикашка, – о такое говно не стану марать свои незапятнанные руки. (Ю. Алешковский. Кенгуру).

Бранная сущность этой единицы при эвфемистическом употреблении не уничтожается, и она должна квалифицироваться как оскорбительная.

Итак, инвективное намерение может осуществляться лексическими и фразеологическими средствами не только нелитературного, но и литературного характера, если ими формируется негативная характеристика базовых качеств личности, лежащих в основе категорий чести и достоинства. Предметом рассмотрения на предмет оскорбительности должны быть не только слова и фразеологизмы, но и тексты, содержащие инвективу не формального, а содержательного характера. В то же время было бы неоправданным чрезмерно широкое понимание инвективы. Стилистически сниженное языковое средство, не характеризующее лицо с правовых или нравственных позиций, не может рассматриваться как оскорбительное, хотя оно может и оскорблять чей-либо эстетический вкус.

Какие опасности подстерегают лингвиста при исследовании текста на предмет наличия оскорбления?

Рассмотрим эти опасности на конкретном примере. Актуальность разработки концептуальных положений лингвистической экспертизы при разрешении вопроса о наличии в тексте оскорбления очень убедительно подтверждается, на наш взгляд, следующим показательным образцом участия лингвиста в процессе, суть которого в достаточной степени полно для наших целей изложена в публикации ["Известия": Сергеенкова обидел старый "хрущевский" анекдот; 01 февраля 2002]:

«Губернатор Кировской области Владимир Сергеенков подал в суд на главного редактора газеты "Вятский наблюдатель". Сергеенков обиделся на

анекдот, напечатанный в газете, сообщают Известия. Еще 15 сентября было возбуждено уголовное дело по ст. 130 УК РФ - "Оскорбление" - в отношении главного редактора газеты "Вятский наблюдатель" Сергея Бачинина. Поводом для этого послужила публикация в газете анекдота о губернаторе Кировской области Владимире Сергеенкове. Сам Сергей Бачинин рассказал, что увидел этот анекдот уже в газете. "Мне он не понравился: не смешной... не достоин он нашей газеты. Вообще, это старый анекдот про Хрущева. *Тот хоть похож был на свинью, а наш губернатор и не похож вовсе...* Прокуратура сразу возбудила уголовное дело, никакого замирения не предлагала", - сообщил Бачинин. Прокуратура назначила лингвистическую экспертизу анекдота и поручила провести ее декану филологического факультета Вятского государственного педагогического университета Ксении Лицаревой. *"Мне уже доводилось проводить подобную экспертизу. Я еще не закончила работу над этим анекдотом, но предварительно могу сказать, что там нет прямых оскорблений. Свинья - это же не обязательно отрицательный персонаж. Тем более поросята, розовенькие такие. Подтекст, конечно, есть, но мало ли кто и как может интерпретировать текст. Некорректно, конечно, но это не преступление"*, - заявила декан филологического факультета. В правовом управлении областной администрации заявили, что это не первый случай с "Наблюдателем". "Мы пошли цивилизованным путем, защищая свои интересы в суде. Сколько можно терпеть? *Есть же этические нормы!*" - заявил начальник правового управления Николай Городчиков. Сейчас Бачинин находится в статусе подозреваемого. 25 января в ходе первого допроса он отказался отвечать на вопросы следователя, поскольку в постановлении о возбуждении уголовного дела не приводится *ни одного высказывания, оскорбляющего Сергеенкова*.

Для нас важен прежде всего тот комментарий, который дан лингвистом, привлеченным к участию в уголовном деле в качестве эксперта. Высказывание это наилучшим образом демонстрирует отсутствие научно обоснованной методики рассмотрения высказываний на предмет наличия в

них оскорбления и, соответственно, исключительно эмоциональный подход филолога к поставленной перед ним задаче. Просто по-человечески в современном неэстетическом информационном поле по поводу приведенного анекдота, может быть, и возникает стихийная реакция: это не преступление. Однако доводы на этой чаше весов оказываются неубедительными.

Отвечая на вопрос о поджидающих лингвиста опасностях на пути вынесения вердикта: оскорбил/ не оскорбил, представим эти опасности как нарушение трех принципов.

Рассмотрим спорное речевое произведение, опираясь на выработанные нами в юрислингвистической практике принципы, следование которым, на наш взгляд, позволит лингвисту-эксперту самоограничиться рамками своей компетенции и в то же время строго и логично прийти к объективным выводам.

Во-первых, решение о наличии/отсутствии преступления превышает полномочия лингвиста, в компетенцию которого при решении вопроса об оскорблении входит

- 1) описание семантики языковой единицы (определение ее инвективности в содержательном аспекте);
- 2) описание стилистической окраски языковой единицы (определение ее инвективности в стилистическом аспекте);
- 3) описание языковых единиц с точки зрения их соотнесения с коммуникативной нормой (определение ситуативной допустимости с т. з. сложившейся коммуникативной и речевой нормы использованной говорящим негативной оценки, характеристики, выраженного отношения).

Первый принцип: лингвист-эксперт не подменяет судью и не выходит за пределы своей компетенции.

Во-вторых, важно признать принципиальную постижимость текста как результата использования знаковой системы. Если исходить положения, что «мало ли кто как мало ли кто и как может интерпретировать текст», стоит признать, что филологии вообще стоит отказаться от претензии на

семантический анализ произведений речи. Однако именно этим современная лингвистика преимущественно и занимается. Индивидуальные колебания в восприятии текста естественны, еще более закономерны различия, вплоть до диаметрально противоположных, оценок и эмоциональных реакций на произведение речи. В то же время нельзя отрицать выполнение языком коммуникативной функции и способность передать адекватно заложенную информацию. Вот такую возможную по законам языка декодировку текста и должен осуществить лингвист.

Важно дифференцировать понятия «декодировка текста» и «интерпретация». Первая процедура предполагает логичное и четкое выведение инвариантных смыслов из значений языковых единиц в контексте с учетом пресуппозиций, вторая же процедура предполагает внесение личностного начала и самостоятельное установление логических, семантических, общекультурных и иных связей между фактами языка и действительностью. Второе – прерогатива литературоведения, первое – лингвистики. Проявленная нами категоричность по данному вопросу неуместна применительно к анализу художественного произведения в аспекте эстетических задач, но она оправдана применительно к анализу конфликтного текста в аспекте задач правовых.

Второй принцип: смысл произведения речи постижим, его выявлению и посвящен лингвистический анализ текста. В рамках судебного разбирательства лингвист выявляет инвариантный смысл, дистанцируясь от интерпретаций.

В-третьих, достижения современной лингвистики вполне возможно использовать на практике, в том числе в практике судебной. Довольно странно в XXI веке говорить о подтексте как о чем-то возможном, но неуловимом и недоказуемом. Выраженная ирония обусловлена тем, что лингвисты-эксперты при анализе представленных им на анализ текстов вновь и вновь повторяют, что *«подтекст, конечно, есть, но прямо это не сказано»*. Если бы это было сказано прямо, заключение специалиста и не

потребовалось бы. Почему многочисленные работы о подтексте и пресуппозициях, об имплицитных смыслах и о методиках их экспликации предаются забвению, когда речь заходит о реальном использовании их на практике? Нельзя не признать, что несоединение теории и практики – одна из проблем науки, и преодолению этого разрыва на одном участке и должна, по нашему замыслу, послужить настоящая работа.

Итак, **третий принцип**: лингвист в своем анализе выявляет подтекст, все те смыслы, которые здравомыслящий носитель языка извлекает из речевого произведения.

Следуя этим принципам и руководствуясь известными современной лингвистике приемами анализа текста, рассмотрим конфликтный текст, вызвавший судебное разбирательство и установим его смысл и его соответствие норме (стилистической и коммуникативной).

Тот хоть похож был на свинью, а наш губернатор и не похож вовсе...

Шаг первый. Экспликация имплицитного. Исходя из одного из принципов успешного речевого акта Грайса в приведенном высказывании нет избыточной информации, и никакая языковая единица этого предложения не является информативно пустой. Такая пустота изначально не может предполагаться в тексте афористического характера, каковым является рассматриваемый так называемый «анекдот». Вся его соль, весь смысл заключен как раз в имплицитном смысле, который своей резкостью, откровенным эпатажем, будучи извлеченным из языковой структуры, вступает в противоречие с вполне приличной эвфемистичной внешней оболочкой. Комический эффект всегда базируется на приеме контраста, в данном случае – контраста стилистико-коммуникативной нормативности формы и ненормативности содержания.

На уровне обыденного языкового сознания любому реципиенту очевидно, что губернатора «аккуратно» назвали свиньей. Докажем это

методом лингвистического анализа по семантическим составляющим различных языковых уровней.

Перед нами сложносочиненное предложение, состоящее из двух частей, соединенных сочинительным противительным союзом «а». Синтаксический параллелизм, усиленный лексическим повтором (в обеих частях составное именное сказуемое «похож»), сочетаясь с противительной семантикой соединительного союза, создают сопоставительные отношения между простыми частями сложного предложения. У сопоставления всегда есть общее логическое основание. В данном случае оно представлено как пресуппозиция. Важную функцию для ее косвенной репрезентации выполняет частица «хоть» со сложным объемом семантики, совмещающей уступительный, «оправдательный» компоненты и, что в данном случае наиболее важно, в случае сопоставления приоритет одного элемента сопоставления по отношению к другому.

Прием эксперимента с подстановкой иных лексических компонентов поможет показать инвариантность семантики самой синтаксической структуры: *Тот хоть старался, а этот и не старается вовсе*. Поскольку в этом взятом для сопоставления примере глагольное сказуемое, никакая пресуппозиция не репрезентируется. Тот же элемент, ради которого предложение смоделировано – частица «хоть», – стойко реализует описанную семантику и участвует в формировании отношений между частями предложения, подчеркивая приоритет того, о чем говорится в первой части. Расшифруем эти отношения так: тот хоть старался, и это понятно и как-то оправдывает его, а второй и не старается вовсе, и это плохо /странно.

Аналогичными будут отношения между частями и при любом другом лексико-семантическом наполнении сказуемого, глагольного или именного. При этом важно, что независимо от позитивной или негативной оценочности слова-предиката, сама синтаксическая конструкция в любом случае диктует приоритет первой части. А вот на каком основании приоритет

– информация имплицитная, в необходимом для общего понимания объеме вполне каждый раз эксплицируемая на основании 1) семантической группы сопоставляемых предикатов; 2) семантики частицы «хоть», показывающей оправданность того качества, действия или признака, который назван первым предикатом, по контрасту с неоправданностью качества, действия или признака, названного вторым предикатом.

Тот хоть умен, а этот глуп вовсе.

Сравниваются два человека, первого из которых в принятых обстоятельствах оправдывает ум, а у второго и этого качества нет. Такова декодировка. Интерпретируя же, можно предположить, что речь идет о должности, месте, положении, для нахождения на котором у обоих лиц, представленных в двух частях сложного предложения, чего-то не хватает, но первый хотя бы умен, и это плюс, а второй этим качеством не обладает, и это совсем уж плохо/ неоправданно/ неуместно/ неправильно/ нелогично.

Интересно, что если мы поменяем местами предикаты, смысл конструкции в целом сохранится:

Тот хоть глуп, а этот умен.

По-прежнему «тот» оправдан синтаксической конструкцией и частицей «хоть», а «этот» обвинен, несмотря на свой ум. Но имплицитный смысл, конечно, будет декодирован иначе, поскольку на основании своих житейских знаний мы должны найти такое логическое основание, такую пресуппозицию, при которой глупость оправдана, а ум – нет. Внелингвистический опыт подсказывает, что это ситуация ошибки, проступка, которые простительны глупому, но не умному человеку. Использование для декодировки фактов языка внелингвистических познаний естественно, так же как оно естественно для кодировки информации.

Для самой природы рассматриваемой конструкции характерно наличие имплицитных смыслов, представляемых как пресуппозиции:

Тот хоть пожил, а этот и не пожил вовсе.

С совершенной очевидностью семантика глагола «пожил» с отрицательной частицей «не» эксплицирует тему смерти в прямом или метафорическом смысле (жизнь, подобная смерти, например, в тюрьме или при полученных увечьях). Один «пожил», и это как-то смягчает ужас произошедшего, это приближает к понятиям хорошо/ нормально/ оправдано/ приемлемо, а второй «и не пожил», и это, напротив, плохо/ ненормально/ неоправданно/ неприемлемо.

Подойдем еще ближе к исследуемой конструкции и возьмем тот же предикат: Тот хоть похож на..., а этот и не похож вовсе, – для убедительности декодировки смысла подставив ряд различных словоформ в винительном падеже в позиции «похож на...»:

Тот хоть похож на учителя, а этот и не похож вовсе.

Тот хоть похож на артиста, а этот и не похож вовсе.

Тот хоть похож на вора, а этот и не похож вовсе.

Второе простое предложение в составе сложного неполное, и опущен именно объект сравнения, который подразумевается. Структура: Тот хоть похож на X, а этот и не похож вовсе – логически разворачивается так: Тот хоть похож на X, и это понятно/ оправдано/ естественно, а этот и не похож вовсе на X, и это непонятно/ странно/ неоправданно. Семантика глагола «похож» в совокупности с сопоставлением в таком аспекте противостояния заставляет найти единственно возможную точку отправного знания. Почему устанавливается сходство и «того», и «этого» с X? И при этом наличие сходства признается нормальным, а отсутствие – нет? Ответ очевиден: потому, что оба являются X.

Тот хоть похож был на свинью, а наш губернатор и не похож вовсе...

Итак, смысл конфликтной фразы следующий: некто «тот» хоть похож на свинью, и это понятно/ естественно/оправданно, а наш губернатор и не похож вовсе, и это странно/ неестественно/ неоправданно, ведь они свиньи. Этот смысл не возможный, не предполагаемый, а единственно

возможный и с легкостью декодируемый реципиентами интуитивными средствами дешифровки речевого произведения. Доказательство же этого интуитивного понимания средствами лингвистики потребовало цепочки рассуждений на метаязыке.

Шаг второй. Определение семантики и стилистической окраски конфликтной языковой единицы. Губернатора назвали свиньей. Свинья, безусловно, не всегда отрицательный персонаж... «Особенно поросятки, розовенькие такие...» Да свинья просто положительный персонаж, но только если она с поросятками находится в свинарнике и тем самым умножает благосостояние крестьянского хозяйства. С лингвистических позиций это так, если слово «свинья» употреблено в прямом значении и обозначает млекопитающее. Если же мы имеем дело с переносным, метафорическим значением слова «свинья», то его оценочность резко меняется. Почти все названия животных имеют переносное значение, как правило, с негативной семантикой: собака, сука, кобель, осел, корова, козел, в том числе и свинья. Зоометафоры имеют различные значения, указывая на сходство людей с животными по различным признакам, также различается и стилистическая окраска слов. Различия эти, впрочем, замкнуты в рамках негативной оценочности и нелитературности, степень же стилистической сниженности может быть различной. Все эти слова употребляются как браны.

В соответствии с данными «Толкового словаря ненормативной лексики русского языка» [Квеселевич 2003; 765], *свинья* 2 прост., неодобр. Неопрятный, грязный человек; неряха, грязнуля. 3 прост., бран. Человек, поступающий грубо, неприлично, низко, неблагодарно и т.п.

Приведенные в словаре значения отражают основания метафоризации слова *свинья*. Этих оснований два: первое связано с внешним обликом, второе с внутренним. Почему-то низкие моральные качества воплотились в русском языке в образе свиньи. Наша задача не анализировать причины этого явления, а констатировать его как факт. Никакие положительные качества в основаниях метафорического переноса при

характеристике человека как свиньи не заложены, и это тоже не вариативное осмысление, а стопроцентно адекватное. Если какой-нибудь текст преподнесет нам когда-нибудь положительный образ человека-свиньи, то и этот феномен не нарушит сложившейся коннотации языковой единицы, а лишь будет признан окказиональным.

С точки зрения стилистики характеристика человека как свиньи является стилистически сниженной, о чем свидетельствуют стилистические пометы в словарях. С позиций коммуникативной нормы представляется неуместным употребление в СМИ, то есть публично стилистически сниженной бранной лексики, отнесенной к лицу.

Стилистическая помета «бранное» однозначно указывает на оскорбление?

Конкретизируем вопрос: так значит, достаточно увидеть в словаре помету «бранное», например, относящуюся к слову «свинья», чтобы говорить об оскорблении?

Нет, не значит, и мы этого не утверждали. В том-то и дело, что все гораздо сложнее. Речь сама по себе является сложной реализацией языковой системы, а если еще включить речевой акт в общую ситуацию, становится очевидным многоуровневый подход: слово – предложение – контекст – дискурс. Хотя, на наш взгляд, практически любое употребление слова свинья применительно к человеку, которое только можно представить, особенно публичное, все же не является реализацией коммуникативной нормы, а попадает в категорию нарушений. Правовая оценка этих нарушений – гораздо более сложный вопрос.

Интересно рассмотреть в параллели с приведенным только что другой речевой конфликт, также связанный с эксплуатацией образа свиньи. В ходе длительного судебного разбирательства между двумя адвокатами по поводу их фактических заслуг и материального вознаграждения за участие в общем деле один участник сказал другому следующую фразу: *«Вас к человеку пристроили, а Вы оказались свиньей неблагодарной»*. Хотя, судя по

протоколу заседания, данное высказывание не вызвало со стороны оппонента заминки или какой-либо иной реакции, свидетельствующей о его психологической дестабилизации, впоследствии это высказывание стало основанием для возбуждения уголовного дела по ст. 130 ГК РФ (оскорбление).

Не беря на себя ответственность о констатации наличия / отсутствия оскорбления как уголовного деяния в данной ситуации, проанализируем ее с лингвистических позиций.

Слово «свинья» в приведенном контексте относится к человеку, а потому является метафорой (перенос наименования осуществлен с животного на человека по признакам сходства). Словарное определение слова «свинья» было дано ранее. Повторим, что применительно к человеку – человек, совершающий/ совершивший нелюбезные в нравственно-этическом плане поступки / поступок.

С точки зрения стилистики характеристика человека как свиньи является стилистически сниженной, о чем свидетельствуют стилистические пометы в словарях.

Все как будто понятно, но наш анализ будет неполным, если мы рассмотрим слово «свинья» изолированно, вне контекста. Как известно, только анализа семантики слова как инварианта недостаточно, чтобы описать весь объем его значения, стилистическую окраску и роль в тексте без анализа контекста.

В нашем случае рассмотрение синтаксических связей слова существенно влияет на его семантико-стилистическую характеристику.

Стоит обратить внимание на то, что определение слова «свинья» дается через ряд синонимов: *«Человек, поступающий грубо, неприлично, низко, неблагодарно»*. Слово «свинья» в интересующем нас значении имеет еще ряд подзначений и может характеризовать несколько различные негативные стороны личности человека. То есть «свинья» – обобщенная негативная характеристика низкого нравственного облика человека.

Очень важную функцию при существительном выполняют имена прилагательные, которые конкретизируют, уточняют его значение. В данном случае роль прилагательного особенно велика. Оно конкретизирует сущность того нравственного порока, в котором говорящий упрекает своего оппонента. «Свинья неблагодарная» – это упрек именно в неблагодарности, а не в чем-то другом. Прилагательное принимает на себя основную семантическую составляющую, несмотря на грамматическую подчиненность, становится по смыслу определяющим, ведущим, существенно приглушая обобщенную семантику существительного, оставляя за ним в основном компоненты: негативность и экспрессивность.

Проанализировав место существительного и прилично-именного словосочетания в предложении, мы пришли к выводу, что практический смысл предложения сводится к глубинной структуре: ***Ты оказался неблагодарным.*** Полную цепочку рассуждений смотрите в тексте заключения.

Мы преследовали цель показать, что важно учитывать, в какой синтаксической конструкции употреблено слово с негативной семантикой. В форме именительного падежа оно звучит как категоричное обвинение, именно как ругательство. Истинные ругательства бросаются именно в форме именительного падежа. Вызвавшая судебное разбирательство фраза не воплощается в этой прямолинейной форме брани, как нам представляется, в данном случае предикат «оказался свиньей неблагодарной» выполняет не функцию ругательства, а функцию негативной нравственной характеристики.

Конечно, оскорбление далеко не всегда предстает в форме брани. Оскорбление может быть изысканным и утонченным, и оттого еще более эффективным. Но в таком случае инвективная характеристика искусно оформляется и эффектно преподносится, как, например, в ситуации «*тот хоть похож на свинью, а этот и не похож вовсе*». В рассматриваемой ситуации №2, на наш взгляд, существенно отсутствие как прямолинейной

бранной формы, так и продуманной подтекстовой, что исключает возможность доказательства умысла.

Умысел – не первичная, но учитываемая в структуре рассмотрения преступления правовая категория. Роль ее в речевых преступлениях еще не выявлена в полной мере. Мы уже говорим о том, что выявление умысла при рассмотрении преступлений, направленных на унижение чести и достоинства, да и вообще речевых преступлений, практически недоказуемо в большинстве случаев.

Сейчас мы обратились к проблеме умысла потому, что сравниваемые ситуации антитетичны по этой характеристике. Если в первом случае имеются положения, которые можно принять как доказательства наличия умысла, то во втором случае скорее можно говорить о наличии доводов в пользу отсутствия намерения на оскорбление.

Во-первых, устная и письменная формы противостоят друг другу как раз по принципу подготовленности. Текст, предназначенный для печати, создается, редактируется, просматривается неоднократно и не одним человеком, так что ни о какой спонтанности высказывания речь идти не может. В ходе же свободной дискуссии, напротив, льется неподготовленная речь, во всяком случае не подготовленная в ее формальном аспекте. По мере накаления страстей в любом диалоге негативно настроенных по отношению друг к другу людей могут возникнуть спонтанные, непродуманные выходы за пределы коммуникативной или стилистической нормы, являющиеся результатом эмоциональной несдержанности и отражающие уровень культуры говорящего. Все это не снимает ответственности с говорящего, но поскольку уж такой критерий, как умысел, существует в уголовном праве и является значимым при определении меры вины, мы его не можем проигнорировать.

Во-вторых, в первом случае именно эвфемистичная форма инвективной характеристики при ее содержательной очевидности показывает, что авторы осознают оскорбительную сущность «шутки»,

почему и стремятся уйти от ответственности, спрятавшись за форму высказывания. Во втором случае негативная характеристика не была замечена ни говорящим, ни слушающим, если судить по тексту стенограммы судебного заседания (полный текст заключения дан в приложении к настоящему параграфу).

Что считать отнесенным к лицу?

Вопрос не праздный и актуальный как в конкретных процессах, так и в теории юрислингвистики. Действительно, не любое ругательство в публичном месте попадает под категорию «оскорбление». Если носитель языка с индивидуальной языковой нормой, тяготеющей к стилистическому снижению, упадет на гололеде и громко выругается в пространство, привлечь его по ст. «оскорбление» будет невозможно.

Оскорбление должно быть адресным. Именно на доказательстве отвлеченности и отсутствии адресного посыла часто строят защиту обвиняемого по таким делам адвокаты. Да, сказал, но не г-ну X, а в воздух, в угол, куда хотите. Такая тактика может сработать, если общение было устным и не было зафиксировано на материальный носитель. Доказательствами адресности оскорбления могут явиться: поворот головы говорящего во время произнесения оскорбительного высказывания в сторону пострадавшего; соответствующий голосовой посыл. Эти факторы либо зафиксированы на пленке, либо подтверждены свидетелями.

В случае фиксации оскорбления в структуре текста возможно лингвистическими методами доказать, что произнесенная фраза была включена в диалог и, следовательно, относится к участнику этого диалога. Лингвист доказывает целостность дискурса и включенность в него всех фрагментов. Идентичная работа продлевается в случае распространения оскорбления в монотексте (неважно, в каком виде: печатном, аудио или видео). В монологическом тексте адресность оскорбления выявляется с большей очевидностью, лингвистический анализ текста приводит, как правило, к убедительным выводам.

Другой вопрос: считать ли отнесенными к личности только негативные и неприличные характеристики собственно личности, в прямом и непосредственном грамматическом проявлении? А как быть с продуктами деятельности личности? Довольно распространена узкая трактовка понятия «отнесено к X». В таком понимании криминально только «X мерзавец», то есть истец X имеет право на правовую защиту только в том случае, если оскорбительная характеристика выступает сказуемым при его имени – подлежащем. Такой подход совершенно не отражает ни закономерностей речевой практики, ни законов восприятия.

В нашей практике был случай, когда одно лицо публично, в ходе официального диалога высказалось в адрес оппонента: «Не могу больше слушать эту блевотину». Возник вопрос: можно ли считать, что слова «блевотина» отнесено к объекту оскорбления? Считаем, что можно и нужно. Речь человека является формой реализации его личности, и ее характеристика является опосредованной характеристикой самого человека. То же самое можно сказать и о деятельности, о поступках. Необходимо только установить меру проецирования опосредованной характеристики на собственно личность. Является ли в данном конкретном случае косвенный признак в полной мере характеристикой лица?

Лингвистическое исследование в процессе об оскорблении

Предварительные замечания

В представленной ситуации Вы столкнетесь с тем сложным случаем, когда лингвист не может дать категоричного ответа на вопрос, который интересует суд: имеет ли место оскорбление? В заключении показаны различные стороны речевой ситуации. С одной стороны, формальный подход (анализ исключительно стилистической характеристики употребленного слова) позволяет дать положительный ответ на ключевой

вопрос. Анализ же всей синтаксической структуры, а тем более контекста заставляет сказать «нет». Избежим же тех ответов, которые не можем дать однозначно, и скажем то, что входит в лингвистическую компетенцию, не предоставив суду спасительный документ для категоричной аргументации решения.

Мы посчитали, что такое исследование по теме «оскорбление» интереснее для читателя, чем банальная констатация очевидного факта, как, например, в ситуациях с примитивным использованием мата.

!!! Обращаем внимание: оформление приведено не полностью, выпущены формальные характеристики, не имеющие отношения к собственно лингвистическому исследованию (сведения об эксперте, время производства). Образец полного оформления см. в приложении к разделу 2.3.

Заключение специалиста

20.09.07.

г.Челябинск

Заключение выполнено по запросу Бахтиной Валентины Михайловны, обвиняемой по ст.130, ч.1 УК РФ.

Материалы, предоставленные лингвисту на рассмотрение:

1. Копия протокола судебного заседания от 02.05.07.
2. Копия апелляционного определения Копейского городского суда Челябинской области от 02 марта 2007г.
3. Заключение эксперта Булыгиной И.В.

Вопросы, поставленные на разрешение лингвиста:

1. Каковы научные и методические основы представленного на анализ заключения эксперта?
1. Опишите смысловой объем и стилистические характеристики выражения «свинья неблагодарная» в контексте фразы «А Вы оказались свиньей неблагодарной».
2. Выявляются ли при анализе структуры диалога в ходе судебного заседания между Бахтиной и Десятовым коммуникативно-психологические основания использования фразы «А Вы оказались свиньей неблагодарной»?

Методы исследования: семантико-стилистический, лексико-семантический, семантико-синтаксический, контент-анализ текста.

Лингвистический анализ

1. Каковы научные и методические основы представленного на анализ заключения эксперта Булыгиной И.В.?

Анализ формы и содержания представленного на рассмотрение заключения эксперта Булыгиной И.В. показал несоответствие предъявляемым требованиям и наличие серьезных научно-теоретических ошибок, не позволяющих считать выводы эксперта объективными.

Во-первых, в соответствии с требованиями к заключению эксперта, в нем обязательно должны указываться используемые методики [3,14], чего эксперт Булыгина не делает. Список литературы включает всего два источника, оба – словари. Возникает вопрос, на основании каких теоретических положений сделаны выводы? Так, например, непонятно, как без анализа текста всего диалога в целом, без обращения к психологии коммуникации филолог сделал вывод о том, что *«Выражение «свинья неблагодарная» использовано в речи сознательно, с целью воздействовать на собеседника, учитывая его общественное положение, характер отношений, обстоятельства, при которых происходило общение?»* (выделено нами) Ни одно положение в ходе анализа, заключенного в одном абзаце, не подготовило выводов о целевой установке автора высказывания.

В ходе исследования не сделано постраничных ссылок на словари.

Во-вторых, текст собственно анализа содержит очевидные ошибки:

- 1) *«...и по адресу лица женского рода, и по адресу лица мужского пола»*
Пол и род – категории совершенно разных уровней. Пол – характеристика биологическая, род – грамматическая. Слово имеет категорию рода, а человек – категорию пола. В контексте речь идет о лицах, поэтому должно однозначно использоваться слово «пол».
- 2) Фраза *«...выступает в качестве фразеологического существительного общего рода»* теоретически абсурдна, поскольку фразеологизм – это номинативная единица языка, состоящая более чем из одного компонента, и потому существительное быть фразеологическим не может, и это совершенно очевидные для современной лингвистики теоретические представления. Приведем пример фразеологизмов: руки

не доходят (в зн. некогда), молоко на губах не обсохло (молод для чего-либо), поезд ушел (поздно).

Таким образом, отвечая на первый вопрос, вынуждены признать, что выводы представленного экспертного заключения не имеют методической и научной базы, не доказаны и не обоснованы.

2. Опишите смысловой объем и стилистические характеристики выражения «свинья неблагодарная» в контексте фразы «А Вы оказались свиньей неблагодарной».

Слово «свинья» в приведенном контексте относится к человеку, а потому является метафорой (перенос наименования осуществлен с животного на человека по признакам сходства)

Почти все названия животных имеют переносное значение, как правило, с негативной семантикой: собака, сука, кобель, осел, корова, козел, обезьяна, заяц, слон, жираф и др., в том числе и свинья. Зоометафоры имеют различные значения, указывая на сходство людей с животными по различным признакам, также различается и стилистическая окраска слов. Различия эти, впрочем, замкнуты в рамках негативной оценочности и нелитературности, степень же стилистической сниженности может быть различной.

Приведем данные из словаря Ожегова [3,326]

СВИНЬЯ, -и, мн. свињи, свиней, свињям, ас.

1. Парнокопытное нежвачное животное с крупным телом и короткими ногами. Семейство свиней. Дикие свињи. Домашние свињи. 2. Домашнее животное такого семейства, разводимое для получения мяса, сала, щетины. Пасти свиней. С. под дубом (о ком-н. неблагодарном и глупом). Посади свинью за стол, она и ноги на стол (поел. о том, кто ведет себя распушенно, развязно). 3. Самка такого животного. Супоросая || с. 4. перен. О том, кто поступает низко, подло, а также (грубо) о грязном человеке, неряхе (разг.). Ну и с. же ты!

* Подложить свинью кому (разг..) - устроить неприятность. К свињям (ко всем свињям)! (прост.) - грубое выражение! возмущения, брань. К свињям собачьим! (прост.) - то же, что ко всем свињям. Бог не выдаст - свинья не съест - поел... выражающая надежду на везение, удачу в рискованном и трудном деле. Свинья грязь (езде, всегда) найдет (разг. неодобр.) - о том, кто всегда найдет себе подходящую компанию. || уменьш. свинка, -и, ж. (к Г, 2 и 3 знач.). * Морская свинка - небольшой южноамериканский грызун. || прил. свиной, -ая, -ое (к 1 и 2 знач.) и свиначий, -ья, -ье (к 1, 2 и 4 знач.; прост.). Свиное мясо (свинина). Свиная кожа. Свиное сало. Свиная отбивная (из свинины). Свиначье хрюканье.

В соответствии с данными «Толкового словаря ненормативной лексики русского языка» [2; 765], *свинья* 2 прост., неодобр. Неопрятный, грязный человек; неряха, грязнуля. 3 прост., бран. Человек, поступающий грубо, неприлично, низко, неблагодарно и т.п.

Таким образом, значение слова «свинья» применительно к человеку – человек, совершающий/ совершивший нелюбезные в нравственно-этическом плане поступки / поступок.

С точки зрения стилистики характеристика человека как свиньи является стилистически сниженной, о чем свидетельствуют стилистические пометы в словарях.

Наш анализ будет неполным, если мы рассмотрим слово «свинья» изолированно, вне контекста. Как известно, только анализа семантики слова как инварианта недостаточно, чтобы описать весь объем его значения, стилистическую окраску и роль в тексте без анализа контекста.

В нашем случае рассмотрение синтаксических связей слово существенно влияет на его семантико-стилистическую характеристику.

Стоит обратить внимание на то, что определение слова «свинья» дается через ряд синонимов: «*Человек, поступающий грубо, неприлично, низко, неблагодарно*». Слово «свинья» в интересующем нас значении имеет еще ряд подзначений и может характеризовать несколько различные негативные стороны личности человека. То есть «свинья» – обобщенная негативная характеристика низкого нравственного облика человека.

Очень важную функцию при существительном выполняют имена прилагательные, которые конкретизируют, уточняют его значение. В данном случае роль прилагательного особенно велика. Оно конкретизирует сущность того нравственного порока, в котором говорящий упрекает своего оппонента. «Свинья неблагодарная» – это упрек именно в неблагодарности, а не в чем-то другом. Прилагательное принимает на себя основную семантическую составляющую, несмотря на грамматическую подчиненность, становится по смыслу определяющим, ведущим, существенно приглушая обобщенную семантику существительного, оставляя за ним в основном компоненты: негативность и экспрессивность.

Не менее существенным является место существительного и призначно-именного словосочетания в предложении. Для убедительности предстоящих выводов осуществим следующее сравнение. представим, что в ходе диалога одно лицо бросает другому одну из следующих реплик:

1. Свинья!

2. Ну ты, Петров, и свинья!
3. Ну ты, Петров, и свинья неблагодарная!
4. Ну ты, Петров, оказался свиньей неблагодарной!
5. Вы, Петров, оказались свиньей неблагодарной.

В первом случае бранная сущность слова проявляется с максимальной силой в значительной степени благодаря синтаксической структуре: неполное нераспространенное однословное предложение концентрирует весь негатив и всю обвинительную сущность слова.

Второй случай мягче, чему способствует двусоставная конструкция, однако обобщенность нравственной оценки, заложенная в слове «свинья», сохраняет общую бранную сущность предложения.

Третий случай еще мягче, поскольку происходит конкретизация семантики слова «свинья», и семантические акценты смещаются в сторону обвинения в неблагодарности.

Четвертый пример уже нельзя охарактеризовать как брань благодаря структуре составного именного сказуемого. Вспомогательный глагол «оказался» еще больше нивелирует значимость слова «свинья», находящееся между двумя другими компонентами сказуемого. Практически смысл предложения сводится к глубинной структуре: *Ты оказался неблагодарным.*

Пятый вариант содержит уважительную форму обращения к собеседнику «Вы», и потому приближается к стилистически нейтральному высказыванию еще больше.

Мы преследовали цель показать, что важно учитывать, в какой синтаксической конструкции употреблено слово с негативной семантикой. В форме именительного падежа оно звучит как категоричное обвинение, именно как ругательство. Истинные ругательства бросаются именно в форме именительного падежа. Вызвавшая судебное разбирательство фраза Бахтиной, сказанная в рамках судебных прений Десятову, не содержит этой прямолинейной формы брани.

«Это...судья Журавлева пристроила Вас к человеку, а Вы оказались свиньей неблагодарной».

В данном случае «свинья неблагодарная» не ругательство, а крайне негативная нравственная характеристика.

3. Выявляются ли при анализе структуры диалога в ходе судебного заседания между Бахтиной и Десятовым коммуникативно-психологические основания использования фразы «А Вы оказались свиньей неблагодарной»?

Рассматривать любой продукт речевой деятельности необходимо в контексте породивших его условий, и только тогда можно понять его место, роль в коммуникативном акте, а также предпринять попытку объяснения мотивов говорящего.

Анализ представленных на заключение материалов позволил выявить следующие факторы, значимые при определении места обсуждаемой фразы в контексте.

1. Бахтина и Десятов совместно занимались делом Гленчиковой. Когда же Гленчикова отказалась платить по договору Бахтиной, Десятов поддержал клиентку в этом и выступил на ее стороне в мировом суде, и, более того, подал апелляционную жалобу в Копейский городской суд.
2. Апелляционное определение оставило решение мирового судьи без изменения, а жалобу Десятова – без удовлетворения.

Из этих двух положений, четко задокументированных, следует, что, согласно решению двух судов, Бахтина оказывала юридические услуги клиентке Гленчиковой, а также, как следует из протокола заседания от 02.03.07, самому Десятову (с.37).

В ходе судебных прений Десятов настаивает на том, что Бахтина не оказывала Гленчиковой юридических услуг в нужном объеме и необходимого качества, и в результате постепенного нарастания психологического напряжения и звучит фраза Бахтиной, в которой она характеризует Десятова как «свинью неблагодарную».

Если исходить из того, что решения судов объективны, то обвинение Бахтиной Десятова в неблагодарности вполне объективны, во всяком случае, с позиции говорящего субъекта.

Вопрос относительно целей и мотивов говорящего считаем практически неразрешимым научными методами с абсолютной достоверностью. Процесс порождения устной речи – стихийный, и особую роль здесь играет ситуация, предыдущие реплики, в конце концов многие и многие факторы, которые невозможно учесть и проверить, например, плохое настроение или болезненные ощущения. Речь может идти только о предположительных мотивировках. Так, анализ всей ситуации и конкретного диалога, содержащего конфликтный фрагмент, позволяют нам считать, что Бахтина обижена на Десятова, раздражена предшествующими его словами, испытывает к нему негативные эмоции и низко оценивает его профессиональные и человеческие качества. Весь этот комплекс и стал психологической мотивировкой негативного высказывания. Судя по синтаксической форме, о которой мы уже говорили, а именно судя по повествовательной невосклицательной форме предложения, Бахтина не бранилась, а давала отрицательную

оценку, притом попутную, поскольку первая часть предложения и последующий текст посвящены другому.

Существенно также, судя по протоколу заседания, что Десятов не был морально убит или шокирован, не был потрясен обращенными к нему словами настолько, чтобы хоть как-то среагировать. Никаких показателей его измененного состояния протокол заседания не содержит. Десятов даже не приостановил прения, а спокойно продолжил их, реализуя свои намерения.

Выводы:

1. Заключение эксперта Булыгиной, предложенное на рассмотрение, не имеет теоретической и научной основы.
2. Выражение «свинья неблагодарная» в представленном контексте «А Вы оказались свиньей неблагодарной» выражает негативную характеристику адресата речи как неблагодарного человека. Высказывание стилистически сниженное, но выступает **не в роли брани**, о чем свидетельствует употребление в форме творительного падежа в составе составного именного сказуемого в повествовательном невосклицательном предложении (а не в форме именительного падежа в неполном предложении, как это характерно для бранных конструкций).
3. Анализ ситуации и структуры диалога показал, что высказанная Бахтиной негативная экспрессивная характеристика, во-первых, имеет под собой событийную основу, во-вторых, вызвана нарастающим в ходе диалога психологическим напряжением. Поскольку фраза органично вплелась в дискуссию и не вызвала ни с какой стороны перехода на другой уровень общения и какой-либо выраженной вербальной реакции, вполне логично признать ее органичной частью диалога.

Литература:

1. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика /Под ред. Г.Н. Складневской. – М.: Эксмо, 2006. – 1136с.

2. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка/ Д.И. Квеселевич. - М.:ООО«Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. - 1021с.

3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1985

3.Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсультов/ Под ред. проф. М.В.Горбаневского. М.: Медея, 2004г. – 104с.

4.Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации/Под ред. проф. М.В.Горбаневского – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Галерея, 2002. – 424с.

5.Александрова О.В. Особенности функционирования табуированной лексики в современной речи/ Культура народов Причерноморья. - Научный журнал. - №82. - т.1. - 2006г. - С.12-14.

6.Иваненко Г.С. Лингвистические средства реализации инвективного (оскорбительного) намерения// Язык. Культура. Коммуникация/ Материалы международной научной конференции. – Челябинск, 2004. - С.75-77

7.Иваненко Г.С. Цель лингвистической экспертизы в процессах по защите чести и достоинства// Проблемы филологии в синхронии и диахронии. Сб. статей к юбилею профессора Л.А. Глинкиной/ Отв. ред. С.Г. Шулежкова. – Челябинск: Изд-во ООО «Полиграф-Мастер», 2005. – С.338 – 346.

8. Иваненко Г.С. Определение информационной природы конфликтного высказывания // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2006» / Под ред. Н.И. Лауфер, А.С. Нариньяни, В.П. Селегея. - М.: Изд-во РГГУ, 2006 . - С191 - 195.

9. Иваненко Г.С. Структура лингвистической экспертизы в процессах по защите чести, достоинства, деловой репутации/ Юрислингвистика-6: Материалы Международной научно-практической конференции «Русский язык и современное Российское право»/Под. ред. Н.Д. Голева. - Барнаул, 2006. -с.107-119

10. Иваненко Г.С. Лингвистическая экспертиза в процессах по защите чести, достоинства, деловой репутации: Монография. – Челябинск: Издательство ООО «Полиграф-Мастер», 2006. – 229с.

Кандидат филологических наук, доцент,
докторант кафедры рус. яз. и МПРЯ ЧГПУ

/Иваненко Г.С./

3.2. Семантико-стилистическая лингвистическая экспертиза в процессах о распространении экстремистских материалов

Обсуждается вопрос о критериях квалификации текстов как экстремистских. На основании правовых документов дается лингвистическое толкование таких определяющих понятий, как возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, социальной розни; унижение национального достоинства; призыв к насилию; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности. Семантический анализ ключевых понятий позволяет наметить лингвистические признаки, показатели реализации экстремизма в информационной сфере. Рассматриваются проблемы и вопросы лингвистического характера, возникающие в процессах об экстремизме

Практика рассмотрения экстремистских материалов столь незначительна, что автор не столько предлагает готовые ответы, сколько обозначает наметившиеся проблемы в данной сфере.

Что такое экстремизм?

В законе об экстремизме можно выделить три направления социально-правовых взаимодействий: собственно военные действия (захват или присвоение властных полномочий; создание незаконных вооруженных формирований; осуществление террористической деятельности), финансовая поддержка обозначенных действий и, наконец, идеологический экстремизм. Эта последняя разновидность межсубъектного взаимодействия и является предметом нашего рассмотрения.

Экстремизм - явление в нашем социуме достаточно новое, во всяком случае на уровне официального признания факта его существования, и процессы по экстремизму еще не сформировали определенной практики. Что же касается экстремизма идеологического, то можно с уверенностью сказать,

что каждое дело по нему является пока прецедентным. Автор материала, выступая в этих процессах в качестве лингвиста-эксперта, столкнулся с рядом проблем, отданных правовым полем на разрешение филолога, в то время как лингвистический инструментарий также не позволяет разрешить возникшие вопросы однозначно. Однако началом решения проблем является четкое их обозначение и описание, что мы и попытаемся сделать.

Что считать пропагандой и призывом?

Первая проблема при рассмотрении дел о речевом экстремизме связана с трактовкой и дифференциацией понятий призыв и пропаганда, активно используемых в законе. Так, проявлением экстремизма считается *«**Пропаганда** исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности; **пропаганда** и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения; публичные **призывы** к осуществлению указанной деятельности или совершению указанных действий»*.

Очевидно, что пропаганда - понятие более широкое, чем призыв. Пропаганда - распространение каких-либо идей, учений, взглядов, знаний; идейное воздействие на широкие массы. То есть любое теоретическое или эмоциональное обоснование какой-либо позиции является пропагандой. Призыв же - это отнесенное к адресату обращение, содержащее актуализированное предложение, побуждение к какому-либо действию. Возникает вопрос: что считать призывом? Является ли побуждением только прямое обращение к аудитории, выраженное в форме побудительного предложения (*Бей китайцев!*), или же призывом можно считать и косвенное побуждение, формируемое разнообразными лингвистическими и экстралингвистическими средствами?

В лингвистике является общепризнанным представление о том, что определенное содержание и запрограммированный эффект речевого

воздействия могут облекаться в различную форму. Однако многие журналисты и ораторы считают возможным использовать формальные категории в качестве средств ухода от юридической ответственности. Вопросительная форма предложения декларируется гарантом отсутствия утверждения и призыва, хотя на прагматическом уровне такое предложение осуществляет призывную функцию еще более активно: «*Идешь с нами бить китайцев?*» Обращенность к конкретному лицу, оппозиция ты (один) - мы (нас много) работают на реализацию призыва.

Глубоко убеждены, что не форма, а содержание должно быть предметом лингвистического исследования. В делах об экстремизме важно выявить наличие / отсутствие самой направленности текста на публицистическое воздействие определенного характера: на социальную, национальную, религиозную дифференциацию общества, на совершение противоправных действий. Выявит средства этого воздействия и доказать сущность авторской интенции – дело лингвиста.

Призыв и пропаганда обязательно должны быть выражены словесно?

Проблема вторая - считать ли призывом и пропагандой только вербально оформленные материалы, или форма выражения может быть иной, например, визуальной? Так, плакат с изображением человека, имеющего внешние признаки русского, бьющего человека с внешностью китайца, призывом назвать некорректно, а пропагандой - вполне, хотя доказательства пропагандистского характера плаката, как и его экстремистской сущности, не очевидны. Можно предположить, что рисунок отражает реалии действительности, констатирует факт, и не более того, не выполняя никакой агитационной функции, или, более того, привлекает внимание общественности к печальной участи инородцев на русской земле. По-видимому, для адекватной декодировки характера воздействия невербального материала необходимо рассмотреть дополнительные факторы: манеру изображения персонажей, а именно использование гротескового

письма применительно к тому или иному объекту изображения, а также контекстное окружение плаката, пресуппозитивные знания реципиентов.

Казалось бы, эта проблема давно решена, и давно существует понятие политического плаката, который успешно используется в качестве средства воздействия на сознание. Однако не так просто доказать принадлежность конкретного «произведения плакатного искусства» к этому жанру, а тем более аргументировать сущность его иллюкативной направленности.

Что значит «возбуждение вражды»?

Третья проблема - трактовка понятия «возбуждение» в контексте *«возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию»*. Сложность заключается в том, что отглагольное существительное «возбуждение» индифферентно к форме вида производящего глагола, в то время как в процессе чрезвычайно важным является понимание, каким видом глагола - совершенным или несовершенным - можно охарактеризовать действия подсудимых. Лицо, которому инкриминируют экстремизм, возбуждало ненависть и вражду (как процесс) или же возбудило эту ненависть и вражду (как результат)? Этот вопрос стал ключевым в судебном разбирательстве по делу распространения экстремистских материалов членами НБП в Челябинске. В публикациях выражалась мысль о необходимости насилия как единственной действенной формы социального протеста и представлялось как политически мотивированное поведение членов партии, участвующих в избиениях, актах насилия и вандализма. Распространенные материалы изобиловали натуралистичными сценами, подробно и наглядно все это изображавшими. Несколько опрошенных свидетелей заявили, что рассматриваемые публицистические материалы вызвали у них как у читателей чувство брезгливости и, как следствие, протеста по отношению к представленной позиции, и, напротив, не вызвали никаких националистических чувств и не спровоцировали на противоправные действия.

Получается, - говорят адвокаты, - никакой ненависти и вражды текст не сформировал.

Представляется, что не стоит путать категории совершенно различных понятийных уровней: категорию смысла как комплекса выражаемых идей, их развертывания и прагматической ориентации читателя (внутритекстовая категория, репрезентирующая намерение автора) и категорию восприятия, реакции реципиента (категория социально-психологическая, обусловленная многочисленными факторами: возрастом, полом, социальным статусом, жизненным опытом, политическими взглядами, психологическим складом реципиента).

Скажем проще: текст выражает определенные идеи, но эти идеи могут вызвать различный отклик читателей. Так определять ли экстремизм по результату, то есть по количеству возникших в результате прочтения текста сторонников, или же по факту выражения идей?

Представляется очевидным, что противозаконным является само публичное выражение идей насилия, сами призывы к противоправным действиям, направленным против отдельных групп граждан или государства. Отсутствие общественной поддержки – вопрос результативности осуществленной пропаганды. В данном случае можно провести параллель с покушением на убийство, при судебном рассмотрении которого важен прежде всего сам факт покушения, а успешность мероприятия – вопрос номер два.

Какие-либо идеи и призывы могут находить или не находить поддержку в обществе в целом, в какой-то его части. В судебном порядке трудно или практически невозможно адекватно ответить на вопрос: как именно повлиял тот или иной материал на сознание читателя, слушателя, зрителя. Нельзя исключать скрытого, подсознательного воздействия, как и отсроченного. Поэтому более логичным представляется понимание «возбуждения ненависти и вражды» как целенаправленного процесса, независимо от результата. Если законодатель имел в виду именно это, употребление другой

формулировки с использованием глагола несовершенного вида сняло бы представленную двусмысленность.

Что такое «унижение национального достоинства»?

Еще один вопрос: что понимать под «унижением национального достоинства»? Национальная дифференциация существует объективно, столь же объективны культурные традиции различных народов и неидентичность пройденного ими исторического пути. В рамках гуманитарных наук вполне доказуемыми являются утверждения о том, что по определенным критериям можно говорить о разном уровне развития наций. Так, у одних народов есть своя древняя письменность, у других ее либо нет, либо она имеет недавнюю историю и заимствованный характер. То же различие наблюдается в сфере культурного наследия: в архитектуре, музыке, живописи, литературе.

Можно говорить об особенностях национального характера, складывающегося веками под воздействием различных факторов, о специфике средств жизнеобеспечения и о других национально обусловленных аспектах бытия, отраженных в устном народном творчестве, в частности в анекдотах. Нельзя отрицать сложившейся специфики взгляда одних народов на другие, сформированной в результате длительного опыта взаимодействия, зависящей от характера этого опыта.

Абстрактное отражение этих реалий считается научным фактом, упоминание же о них в публицистике с конкретизацией относительно какой-либо нации уже рискует попасть в категорию «унижения национального достоинства». Лингвисту-эксперту предлагают квалифицировать речевое произведение как унижающее/не унижающее национальное достоинство, не обозначив правовых координат такой дифференциации. Координаты эти отсутствуют и в лингвистике. Можно научно убедительно говорить о выражении позитивного, нейтрального или негативного отношения к какому-либо объекту, в том числе к народу или к представителю народа, существуют лингвистические критерии нелитературности, можно говорить о таких стилистических характеристиках - словарных пометах, как бранное,

пренебрежительное, жаргонное, вульгарное. Логично предположить, что бранная лексика, характеризующая народ (нацию), унижает его национальное достоинство, но этот пласт характеристик чрезвычайно узок и не описывает всех многообразных спорных случаев информационного экстремизма/не экстремизма. Очевидно, что понятие «унижение национального достоинства» нуждается в раскрытии, конкретизации, в подведении под классификационную основу, с тем чтобы решения о квалификации преступления было убедительно аргументированным.

Таким образом, мы видим, что на настоящий момент закон об экстремизме, во всяком случае в части идеологического (вербального) его проявления, содержит ряд нераскрытых понятий, усложняющих объективацию судопроизводства.

Экспертиза по делу о распространении экстремистских материалов

Предварительные замечания

Говоря в первой главе о разнообразных названиях, которые дают при назначении экспертизы лингвистическому исследованию, мы упомянули и об этой ситуации. Повторим, что приведенное название («информационно-лингвистическая») вызвало у лингвиста вопрос, однако, доверяя опыту следователя и ссылок на прецеденты, а также не предвидя возможных последствий допущенной некорректности, он не придал этому факту особого значения. В ходе судебного заседания за эту недальновидность и пренебрежение формальностями пришлось заплатить развернутыми пояснениями на вопросы о сущности исследования и о его соотношении с названием.

!!! Обращаем внимание: оформление приведено не полностью, выпущены формальные характеристики, не имеющие отношения к

собственно лингвистическому исследованию (сведения об эксперте, время производства). Образец полного оформления см. в приложении к разделу 2.3.

Информационно-лингвистическая судебная экспертиза

г. Челябинск

04 мая 2006 г.

Основания производства информационно - лингвистической судебной экспертизы:

постановление о назначении информационно-лингвистической судебной экспертизы, вынесенное следователем по особо важным делам прокуратуры Челябинской области советником юстиции Мосиным А.В. по материалам уголовного дела № 490673.

Время производства экспертизы: с 10.03. 06. по 04.05.06.

Обстоятельства дела, необходимые для производства экспертизы, изложены в постановлении о назначении экспертизы.

На экспертизу представлены следующие материалы:

1. Газета PARA BELLUM №9 за декабрь 2005г.
2. Газета PARA BELLUM №7 за март 2005г.
3. Макет газеты PARA BELLUM №10 за март 2006г.

Вопросы, поставленные на разрешение эксперта:

1. Содержатся ли в представленных на исследования текстах статей слова, фразы, выражения, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение человеческого достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе?
2. Имеются ли в представленных на исследование текстах статей призывы к насилию над гражданами? Если такие призывы есть, то в чем конкретно они выражаются?
3. Имеются ли в представленных на исследование текстах призывы к осуществлению экстремистской деятельности? Если такие призывы есть, то в чем конкретно они выражаются?

Методология исследования.

Методом контент-анализа в текстах выявлялись слова, фразы или высказывания, содержащие семантический компонент, относящийся к группам лиц, объединенных по какому-либо признаку.

Методами семантико-синтаксического и лингвостилистического анализа устанавливалось наличие оценочной составляющей семантики в структуре содержания высказываний, отнесенных к группам лиц, объединенных по какому-либо признаку.

Семантико-стилистический анализ текстов как коммуникативных актов позволяет определить их прагматическую направленность и иллокутивную функцию текстов.

Литература:

1.Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002. №114-ФЗ.

2.Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсульты/ Под ред. проф. М.В.Горбаневского. М.: Медея, 2004г. – 104с.

3. Галяшина Е.И. Использование специальных лингвистических знаний в судопроизводстве// Цена слова. 2-е изд., испр. и доп. М.,2002.

4.Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – М.:ЧеРо, 1997.

5.Жельвис В.И. Эмотивный аспект речи. Психолингвистическая интерпретация инвективного воздействия. АДД. М.,1992.

6.Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации/Под ред. проф. М.В.Горбаневского – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Галерея, 2002. – 424с.

7.Большой толковый словарь русского языка/ Гл. ред. С.А. Кузнецов. - СПб: «Норинт»,2003. - 1536с.

8. Современный словарь иностранных слов. - СПб.:»Дуэт», 1994. - 752с.

Исследование

I. Содержатся ли в представленных на исследование текстах статей слова, фразы, выражения, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение человеческого достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе?

Ненависть - чувство сильнейшей вражды, неприязни (7, с.628)

Вражда - недоброжелательные, неприязненные, проникнутые ненавистью отношения и действия (7, с.156)

В языковой системе слова «ненависть» и «вражда» являются синонимами. Как и любые другие синонимы, они имеют семантические различия, но в тексте закона слова употреблены в качестве однородных членов, и смысловая общность превалирует над тонкими дифференцирующими семантику оттенками: ненависть - чувство, а вражда имеет внешние проявления. Ненависть или вражду можно испытывать к конкретному лицу, группе лиц, социальному институту. Возбуждение ненависти или вражды предполагает речевое прагматическое воздействие, в результате которого реципиентам внушают мысль об их противопоставленности кому- или чему-либо, антагонистичности интересов.

Ненависть и вражду можно вызвать актуализацией в сознании носителя языка ксенофобии.

Ксенофобия (гр. xenos - чужой + фобия) - навязчивый страх незнакомых лиц; враждебность ко всему чужому, не своему, иностранному (образу жизни, идеям, мировоззрению) (8, с.323)

Сегодня ксенофобия понимается широко как неприятие всего чуждого: национальности, вероисповедания, социального круга, даже половой принадлежности.

Ксенофобия лежит в основе любой агрессии. Ксенофобия - одно из древнейших чувств животного характера, которое преодолевается культурным развитием отдельного человека и всего общества. Однако вызвать в человеке древние животные инстинкты возможно специально запрограммированным на такой эффект текстом, включающим несколько компонентов:

- 1) негативную характеристику каких-либо лиц;
- 2) указание на чуждость этих лиц по каким-либо признакам;
- 3) связыванием каких-либо негативных аспектов жизни той аудитории, на которую рассчитано воздействие, с деятельностью тех лиц, ненависть и вражда к которым вызывается.

В анализируемых текстах планомерно реализуется этот подход. Исследуемые публицистические материалы ориентированы на читателя - молодого русского мужчину низкого социального статуса. Ко всем остальным, иным по какому-либо признаку, лицам в текстах статей вызывается ненависть и вражда, выражается пренебрежение. Их личностная ценность полностью отрицается, достоинство умаляется, социальная и просто человеческая значимость дискредитируется. Агрессия направлена против нескольких групп лиц:

- всех нерусских
- пенсионеров
- женщин
- чиновников, госслужащих, социально благополучных слоев.

Рассмотрим те конкретные текстовые средства, которые формируют у читателей враждебное отношение к перечисленным группам лиц.

Возбуждение ненависти и вражды, а также унижение человеческого достоинства группы лиц по признакам расы, национальности.

В текстах формируется презрительное, пренебрежительное отношение и вызывается ненависть и вражда ко всем лицам нерусской национальности.

В статье «Весселье» (декабрь 2005) описывается избиение нерусского человека, преподносимое как развлечение:

«Идет кавказец (проще говоря, черножопый), сворачивает с проспекта в темный двор - мы, разумеется, следуем за ним. Я с ходу бью гада в челюсть, хач падает, на лету хватаю его за шиворот. Подожди, ложиться еще рано (все в кроссовках). «Кусок хлеба» - псевдоним одного из партийцев - достает из кармана гвоздь (120 мм) и с силой втыкает его три раза в голову гостя с Кавказа. Густая темная кровь заливает лицо, слипшиеся волосы приняли забавную форму, будто их намазали каким-то шампунем. Красиво. Мы еще немного прыгаем на нем, это уже так, на прощание».

В один контекстуальный синонимический ряд выстраиваются слова: *кавказец, черножопый, хач, гад*. Три последние слова являются нелитературными и оценочными, не только выражающими отрицательное отношение к человеку по национальному признаку, но и оскорбляющими человеческое достоинство, поскольку связывают личностную характеристику обобщенной семантики «гад» именно с национальностью.

Сцена убийства человека представляется как игра, оценивается как «Красота», характеризуется оценкой «Великолепно!», сопровождается психологическим комментарием: «вдохновившись содеянным...», «внезапно подступает вдохновение».

Призыв к насилию звучит и прямым текстом: *«Бить, топтать, пинать, запинывать одного. Одного всей когдой! Определенно»* («Весселье», декабрь 2005).

Выражение национальной ненависти также открыто декларируется: *«Я ненавижу казахов - они фашисты, я тоже фашист, поэтому, наверное, разногласия. Когда НБП придет к власти, надеюсь, что она отомстит нерусам за таких как я. Я бы с удовольствием всех черных, красных и желтых **скормил бы собакам**, потому что они работать не умеют»*. («Давайте сдохнем», декабрь 2005)

«Черные, красные и желтые» - наименование трех рас, традиционно выделяемых в человеческом обществе. В данном контексте белая раса противопоставляется всем остальным, подчеркивается ее приоритетность в ущерб остальным.

Фразеологизм «скормить собакам» имеет значение «уничтожить», поэтому можно говорить об открытом выражении ненависти и о призыве к уничтожению по расовому и национальному признаку.

Насилие вообще и в частности по национальному признаку представляется формой идейной борьбы:

*«Есть одно веселое дело, отлично сплывающее ряды и чисто инстинктивно понятное любому русскому человеку - **избиение черных**. Здесь присутствует целая куча положительных моментов: это и привлечение новых людей, повышение уровня организации и многое другое»* («Реально по ту сторону», март 2006)

Возбуждение ненависти и вражды, а также унижение человеческого достоинства группы лиц по признаку возраста и, как следствие, социального статуса.

В рассматриваемом случае такой группой лиц являются пенсионеры. В текстах статей они оскорбительно называются нелитературной лексикой старперами, пенсами, старыми блядами, что уже унижает человеческое достоинство.

Само содержание материалов, представляющее пенсионеров, посредством изображения сексуальных сцен, изнасилованными, представляет собой унижение человеческого достоинства по возрастному признаку.

Авторы всячески внушают мысль о никчемности, ничтожности этого класса, вызывают к нему презрение:

«Широкие массы старух, ведущие себя как одна большая старая блядь - это кусок полуживой природы»(«Минетизация льгот», март 2006)

Пожилые люди называются *«трупамии»*, *«кучей дерьма»*:

«Почему в то время, как идет борьба за жизнь, мы уделяем внимание лишь борьбе за права трупов?»

«...и толпы старух тоже неплохое подспорье. Но такая опора, словно куча дерьма - и упадешь и обмажешься!» («Минетизация льгот», март 2006)

Идеи гуманного отношения к пенсионерам высмеиваются: *«Повествуют указанные статьи и о том, что старух надо любить и непременно бороться за их права...От названий типа «коммунальный холокост» за километр несет несвежей плотью и прочими прелестями старушечьей жизни»* («Роди в себе пенсионера», март 2006)

Пожилые люди описываются с натуралистичной брезгливостью, что должно воздействовать на подсознание читателя и вызывать пренебрежение, отчуждение, неприятие: *« как плохо пахнет от старперов», «желто-бледные с некрозом на лице бабки», «белые горшки со старушечьими какашками», «беззубые довольные лица», «мозг их давно иссох, сморщился»* («Школа НБП, март 2006). Более того, используя известный психологический прием публицистического воздействия, авторы связывают проблемы молодых читателей, на которых ориентирована газета, с пожилыми людьми, с необходимостью ухода за ними: *«Тем, кому сейчас по 18-20 лет, через 10 лет придется каждому кормить четырех старперов. Постараюсь объяснить доходчиво. Ситуация выглядит примерно так же, как если бы у вас на квартире проживали четыре старых засранца, кушали с вами с одного стола, гадили в одно очко и всячески отравляли вам жизнь своими старушечьими выделениями. Какое нахуй жилье для молодых семей, откуда ему взяться?»* («Роди в себе пенсионера», март 2006)

«Чтобы еще, как минимум ближайшие 20 лет, подавать из своей зарплаты на пенсию бабкам. Содержать Ментов и чиновников. Ты должен уже с рождения. Чужим бабкам». («Школа НБП, март 2006).

Но по отношению к пенсионерам формируется не только чувство брезгливости и, как следствие, ненависти. Авторы текстов предлагают решение проблемы, пусть фантазийно-перспективное, но агрессивное по сути, ориентирующее на инстинкт уничтожения: *«Корма эти будут производиться исключительно из мяса пенсионеров»* («Роди в себе пенсионера», март 2006)

Сцены убийства пожилых людей преподнесены с садистским смакованием, снимающим с сознания читателей нравственные барьеры и подталкивающим к насилию: *«Счастливое лицо русского мальчика, сдирающего кожу с обезглавленной старухи. Красная кровь на черно-белом фоне...Толпа старух (10-15 штук), подгоняемая плетками, движется в направлении группы молодых людей....Наконец, дети бросаются на старух и начинают их безжалостно избивать, в процессе чего старухи постепенно подыхают»* («Роди в себе пенсионера», март 2006)

Идея ненависти и вражды к пожилым людям всячески развивается: *«Мы должны мыслить внеморальными категориями - к тому же я и сам с удовольствием кидал бы пенсов в огонь»* («Besselъ», декабрь2005)

Возбуждение ненависти и вражды, а также на унижение человеческого достоинства человека либо группы лиц по признаку пола.

Статья «Мохнаткин день» (март2005) не просто выражает пренебрежение к женщинам. Содержательный пласт и языковое оформление направлены на унижение достоинства женщин по половому признаку. Статья представляет собой ерническое высмеивание праздника 8 Марта. И это текст нельзя назвать не только ироничным, но даже сатирическим. Перед нам текст, формирующий крайне грубое, пренебрежительное отношение к женщине как к человеку второго сорта.

8Марта называется в тексте «днем лохматки», «днем пизды». Приведенные слова являются нелитературными, что, естественно, является средством формирования оскорбительного отношения к женщине, но дело не столько в форме, сколько в содержании. Традиционно Международный женский день является символом равноправия женщин. В статье эта ценность полностью отвергается: *«День лохматки», «Праздник пиздяной» приобрел некий феминистский душок».*

Женщина по своим интеллектуальным и нравственным качествам противопоставляется автором статьи мужчине:

«Тут и интернациональная бабская неумная любовь к деньгам. Тьфу! Так и тянет сплюнуть! Но есть еще и генетическая память о голоде, заставляющая глупых баб пожирать невероятное количество булок и конфет, всякой разной жирной гадости. Ой! Хороши вы, русские женщины!»

Женщины выступают как некий монолитный пласт, ничтожный и заслуживающий лишь пренебрежительного *«Тьфу!»*

Все выработанные на настоящий момент человечеством представления о равноправии женщин, закрепленные законодательно, авторами материала дискредитируются:

«Тем не менее, какой-нибудь школьник может что-то пробормотать насчет какой-то Борьбы женщин за мир и требований вернуть их сыновей и мужей с фронтов первой мировой, предъявленных царю. Стало быть, за мир боролись! Как было сказано выше, это «день пизды» - «женских гениталий» - по-научному. Если прибавить к данному утверждению народные о нем представления, то суть праздника раскроется - это «международный день женских гениталий в борьбе за мир». Стоит особо подчеркнуть,

что они (гениталии) боролась и борются, буквально сражаются за мир! Вот он - окончательный приговор истине».

Все языковые средства статьи формируют у читателя следующие представления:

1) противопоставляют женщину мужчине по личностным качествам, чем умаляют ее человеческое достоинство;

2) заставляют видеть в женщине только объект полового удовлетворения мужчины, чем подчеркивают некую служебную роль женщины;

3) отрицают идею равноправия женщин, что уже является выражением идеи дискриминации по половому признаку.

Возбуждение ненависти и вражды, а также на унижение человеческого достоинства человека либо группы лиц по признаку «социальный статус».

В текстах статей содержатся призывы к расправе над чиновниками, то есть госслужащими:

«Убей чиновника - посади дерево!» («Besselъ», декабрь 2005)

«Нам же, в свою очередь, остается только надеяться, что рабочие наконец-то возьмутся за дело, наладят промышленное производство трупов чиновников и прочих угнетателей страны. Вот тогда ВВП разом и удвоится».(«Так УДВОЯЕОСУ ВВП», декабрь 2005)

«Всех кадровых, бояр, буржуев, вообще инакомыслящих на Беломорканал - подымать оборону страны». («Давайте сдохнем!», декабрь 2005)

II. Имеются ли в представленных на исследование текстах статей призывы к насилию над гражданами? Если такие призывы есть, то в чем конкретно они выражаются?

Представленные на экспертизу материалы содержат мощный информационный импульс к совершению актов вандализма, к разрушению, насилию над гражданами. Прагматическое воздействие на реципиентов имеет грамотно и эффективно выстроенную трехчастную структуру, ориентированную на разные типы сознания и восприятия.

1. Призывы к совершению противоправных действий, к насилию над гражданами звучат и **прямым текстом:**

«Всех избить, все отнять! Завафлить и обоссать!» («Besselъ», декабрь 2005)

Очевиден призыв к совершению массовых беспорядков, к насилию.

«Бить, топтать, пинать, закидывать одного. Одного всей кодлой!» «Besselъ», декабрь 2005)

Тезисы авторов материалов имеют афористичный характер и преподносятся как истины.

«Революция - никакой философии, лишь Русский Бунт, бессмысленный и беспощадный» («Весселье», декабрь 2005)

2. Призыв к насилию над гражданами осуществляется путем демонстрации примера по схеме: мы так сделали - нам было весело - и ничего за это нам не было; не участвующий в насилии становится его жертвой.

Формируется легковесное отношение к преступлению.

Натуралистичные сцены насилия над людьми описаны в статьях: «Весселье», «Апофеоз прелюдий», «Роди в себе пенсионера», «Минетизация льгот», «Реально по ту сторону». Изображение причинения боли другим людям сопровождается описанием сексуального или морального удовлетворения главного героя-рассказчика.

Статья, описывающая ночь совершения целого ряда преступлений: убийство, акты правонарушений и вандализма («Весселье» (декабрь 2005), - сопровождается описанием вдохновенного состояния: *«Великолепно!»*, *«вдохновившись содеянным...»*, *«внезапно подступает вдохновение»*. Все совершенное характеризуется как *«эстетика и красота»*

Напротив, так называемая «гражданская пассивность», проявляющаяся в неучастии в таких действиях, преподносится в статьях как повод для попадания в категорию жертв: *«Но скоро ваша очередь. И ваше дело раздвигать ягодицы или сопротивляться, брать пример с нас или сосать»* («Апофеоз прелюдий», декабрь 2005).

3. Не забывая о сколько-нибудь интеллектуальном читателе, авторы материалов четко, логично и планомерно создают специфическую философию, снимающую нравственный конфликт и призывы совести. У читателей формируется особая мораль - пренебрежение к человеческой жизни, государству, нравственным нормам, закону. Сквозь все анализируемые материалы красной нитью проходит мысль об отказе от всех нравственно-этических категорий, выработанных человечеством. Буквально в каждой статье подводится философская основа под любое аморальное и противоправное действие.

«Как известно, каждый настоящий Партиец, со стопроцентной необходимостью, должен быть Подонком. Быть Подонком трудно, но почетно. Подонок - это человек, который не имеет ничего общего с нынешним обществом, его убогими ценностями и вонючей моралью» («Весселье», декабрь 2005)

«Оставим всяческие оправдания тем, кому они нужны...Мы должны мыслить внеморальными категориями....ставлю себя по ту сторону добра и зла...Подонок

является носителем высших ценностей арийского человечества» («Besselъ», декабрь 2005)

Насилие эстетизируется и романтизируется. Персонажи, совершающие преступления, называются в тексте газет «героями», «романтиками», «интеллектуалами», «революционерами». Убийство, разрушение, вандализм позиционируются как форма социального протеста. Статья «Апофеоз прелюдий», описывающая жестокую сцену убийства человека, совершенного с садистской жестокостью, предваряется философским рассуждением:

*«Данный текст представляет собой произведение стихийного интеллигента. Полубессознательное сопротивление всегда является наиболее жестоким, а злоба развивает умственно, вот почему такие люди становятся революционерами. Формы выражения протестных настроений бывают разные. Многие из них совсем непрактичны в смысле политики. Именно в силу своей непрактичности они так сказать «от кутюр». Однако такие явления **очень ценны** в культурном плане, поскольку искусство - это то, что побуждает к действию».*

И действительно, такой материал выполняет запрограммированную функцию и побуждает к действию: позитивно оценивает насилие над личностью и делает его знаменем «интеллектуала» и борца за некие «идеалы».

Статья «Реально по ту сторону» культивирует насилие как социальную и философскую жизненную позицию: *«Насилие привлекает к делу национальной революции людей, очень далеких от каких бы то ни было идей вообще...В наше время расплодилось множество говнюков, обожающих порассуждать на тему добра и зла. Зло как таковое - бессмысленное, не мотивированное, абсолютное; и его привлекательность, которая не зависит от знания его природы»*

III. Имеются ли в представленных на исследование текстах призывы к осуществлению экстремистской деятельности? Если такие призывы есть, то в чем конкретно они выражаются?

Для ответа на поставленный вопрос определим ключевые понятия, необходимые для рассмотрения проблемы.

Федеральный закон от 25 июля 2002г.№114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» дает следующее определение экстремистской деятельности:

экстремистская деятельность (экстремизм)

деятельность общественных и религиозных объединений, либо иных организаций, либо средств массовой информации, либо физических лиц по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на:

насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;

подрыв безопасности Российской Федерации;

захват или присвоение властных полномочий;

создание незаконных вооруженных формирований;

осуществление террористической деятельности;

возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию;

унижение национального достоинства;

осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы;

пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности;

пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения;

публичные призывы к осуществлению указанной деятельности или совершению указанных действий;

финансирование указанной деятельности либо иное содействие ее осуществлению или совершению указанных действий, в том числе путем предоставления для осуществления указанной деятельности финансовых средств, недвижимости, учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной, факсимильной и иных видов связи, информационных услуг, иных материально-технических средств;

экстремистские материалы – *предназначенные для обнародования документы либо информация на иных носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности, в том числе труды руководителей национал-социалистической рабочей партии Германии, фашистской партии Италии, публикации, обосновывающие или оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных*

на частичное или полное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы.

В представленных на анализ текстах содержится несколько признаков экстремистских материалов из перечисленных в законе. Авторы призывают к осуществлению следующих действий:

возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию;

унижение национального достоинства;

осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы;

пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности;

захват или присвоение властных полномочий;

В ответах на первые два вопроса, адресованные лингвисту, продемонстрировано наличие в рассматриваемых текстах языковых средств, возбуждающих ненависть и вражду по целому ряду признаков: расовому, национальному, половому, социальному. Показан призыв к насилию вообще как форме социального противодействия закону.

Кроме перечисленных, в текстах выявлен еще один признак экстремистских материалов - призыв к захвату и присвоению властных полномочий.

Так, в статье «Апофеоз прелюдий» (декабрь 2005), невероятно грубой и циничной по форме, читателям внушается мысль не только об оправданности, но прямо-таки о необходимости неких революционных действий, по сути представляющих собой насилие, разбой. В тексте статьи противопоставляются так называемые обыватели героям - членам Партии. Те, кто не выражает социальный протест, представлены в тексте статьи изнасилованными и убитыми, причем изображение сцены насилия детально натуралистично, физиологично, жестоко и вызывает у читателя ужас и омерзение, что и является запрограммированным эффектом речевого воздействия. «Опущенными» оказываются «гуманисты, либералы и демократы», что на уровне подсознания вызывает отторжение названных ценностей. Героем - победителем представлен член Партии, рисующий картины торжества своей идеологии: *«Я словно победитель войны, издевался над тем, кого захватил. Меня мучила мысль, навязчиво маячившая в моем мозгу, как буде охуенно издеваться над мажорскими девочками после Победы, как заябись будет водить*

бритвой по груди Ксюшеньки Собчак, и смотреть, как течет кровь из набухших сосков, а потом медленно разрезать ее влагалище до самого горла и ебать ее в жопу всем отрядом. Как будет шикарно въехать на крышу Кремля на спинах голых путинских дочек, погоняя их колючей проволокой, с флагом Партии и поднять над страной то знамя, которое снится нам по ночам. Как это весело щеканить попа в его церкви, при этом выстроить раздетых монашек, которых он пер не один год и позволять каждой из них делать все, что ей охота и с ним и с тобой. Я представлял наш флаг, который будет гордо реять на танках, и каждая тварь во всем мире будет бояться нас так, как боится эта мразь...»

Привлекая избранный тип читателя скабрзностями, сексуальной тематикой, авторы статьи формируют садистские наклонности, направляя их в социальное русло, а именно призывая направить свою энергию на разрушение и насилие: *« Я ненавидел его, ненавидел весь обывательский социум. Моя ненависть достигла предела, и я убил его, я сделал с ним то, чего он так боялся. Я бил его долго. Я ломал ему руки, ноги, разбивал его голову о бетонные полы обсосанного подъезда. Я пробил ему висок ключом от подъездной двери... Потом я обоссал его и поджег, поджег, словно мусор, не нужный никому. Он горел. Он горел, а я смотрел, наблюдал, и в голове летело все: и путин, и Партия, и Победа, и расправа над врагами, такая же жестокая, безжалостная и унижительная...»*

Идея насилия связана в текстах анализируемых статей с призывом к насильственной смене власти: *«Лучше бы была у нас война, о которой я мечтаю всю свою жизнь...хочется просто выйти на улицу и первому встречному дать пизды по полной программе!...Я постоянно думаю о революции, о гражданской войне. А обыватель думает иначе - потому что он уже проиграл эту войну»* («Давайте сдохнем», декабрь 2005)

Обобщим анализ содержания текстов с лингво-прагматических позиций.

Исследуемые тексты являются результатом определенного акта коммуникации, который представляет собой комплексное действие, включающее в себя компоненты различной природы. Он характеризуется с точки зрения заключенного в нем содержания с двойственной природой. С одной стороны, тексты содержат информацию о событиях действительности (правдивую или лживую, адекватную или нет). Это компонент содержания в зависимости от степени сложности называется пропозицией или пропозициональным комплексом.

Другой содержательный компонент сообщения, возникающего в результате коммуникативного акта, - это цель коммуникативного акта. Под коммуникативной целью в лингвистической литературе обычно понимается коммуникативная установка говорящего (отправителя акта коммуникации) добиться посредством передачи

пропозиционального компонента содержания определенной реакции адресата (получателя коммуникативного акта). Вид коммуникативного воздействия на адресата для получения его реакции получил название иллокутивной функции. Принято различать следующие иллокутивные функции: оповещение адресата о некотором положении дел (ассертив, или информативная функция), побуждение адресата к некоторым действиям (директив, или воздействующая функция), выражение говорящим некоторых чувств по отношению к адресату (экспрессив, или эмоционально-экспрессивная (эмотивная) функция) (2,с.76).

В анализируемых текстах практически не реализуется информативная функция, зато ярко представлены экспрессивная и директивная.

Любой публицистический текст ориентирован на читателя, основная его функция – воздействующая, притом цель воздействия и прогнозируемый эффект речевого воздействия не всегда заявлены в тексте прямо. Анализируемые тексты ориентированы на прагматический результат.

Все языковые средства анализируемых текстов позволяют так определить коммуникативный эффект речевого воздействия. Рассматриваемые тексты уничтожают представление об естественности, незыблемости, общечеловечности тех нравственных устоев, которые не только являются моральной основой существования общества, но и зафиксированы в законодательстве. Демонстрируется пренебрежение к человеческой жизни, к закону. Физиологичные сцены ориентированы на подсознательное воздействие, снятие социальных барьеров, раскрытие животного начала. Ключевая мысль всех материалов: насилие и разрушение - путь к «победе Партии», к смене государственной власти и социального строя.

Однако категоричный ответ об экстремистском характере анализируемых материалов не считаем входящим в компетенцию лингвиста.

Выводы:

1. В представленных на исследования текстах статей («Besselъ», декабрь 2005; «Давайте сдохнем», декабрь 2005; «Реально по ту сторону», март 2006; «Минетизация льгот», март 2006; «Роди в себе пенсионера», март 2006; «Школа НБП», март 2006; «Мохнаткин день», март 2005; «Так УДВОЯЕОСУ ВВП», декабрь 2005) содержатся слова, фразы, выражения, направленные на возбуждение ненависти и вражды, а также на унижение человеческого достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, принадлежности к социальной группе.

2. В представленных на исследование текстах статей («Besselъ», декабрь 2005; «Апофеоз прелюдий», декабрь 2005; «Роди в себе пенсионера», март 2006; «Минетизация

льгот», март 2006; «Реально по ту сторону», март 2006) содержатся призывы к насилию над гражданами.

3. В представленных на исследование текстах («Апофеоз прелюдий», декабрь 2005; Давайте сдохнем», декабрь 2005) содержатся признаки экстремистской деятельности.

Эксперт

/ Иваненко Г.С./

Комментарий

Представленная читателю экспертиза заслуживает комментария по нескольким причинам. Во-первых, проявления экстремизма в современном обществе – опасная тенденция, и лингвистам еще не раз придется работать с подобным материалом. В то же время тема порождает множество сложных вопросов, на некоторые из которых автор экспертизы и книги нашел для себя ответы, которыми хочет поделиться. Во-вторых, процесс имел в городе широкий резонанс, и, как нам представляется, был освещен односторонне, что сформировало у челябинцев, не читавших самих газет – объектов обсуждения, некое обманчивое представление и о самих текстах, и о ситуации. Поскольку в этом случае мы как никогда уверены в объективности выводов, которые в данной ситуации достаточно категоричны, воспользуемся возможностью поделиться своими научными представлениями о некоторых категориях и понятиях, фигурирующих в процессе.

Концепция защиты строилась на следующих положениях:

1. Текст изобилует сценами насилия – ну и что? Таких произведений много. Раскольников старушку, например, убивает.

2. В тексте русские избивают «черного» - ну и что? Авторы отразили реалии действительности. Художественные произведения отражают реалии бытия без прикрас.

3. Натуралистичность и жестокость изображенных сцен призваны вызвать в читателе обратные чувства. Вам известен эффект обратного воздействия? Вот в данном случае он и используется.

4. Что вообще исследовал лингвист? У всех разное восприятие, мало ли как на кого текст повлиял.

Ответы на поставленные вопросы содержатся и в самом тексте экспертизы, и в теоретической части настоящего параграфа. Но все же конкретизируем некоторые положения, выстроив целостный ответ.

Во-первых, следует отличать текст художественный от публицистического. В данном случае ни о каком художественном произведении речь не идет. Кстати, в прессе тоже мелькали сообщения о том, что хороших русских ребят судят за их креатив нового типа. Так вот: перед нами совершенно очевидная публицистика самого низкого типа. Образ автора выявляется с очевидностью, его позиция представлена открыто и прямо. Осуществляется непосредственное обращение к читателю, а не через художественный образ.

Во-вторых, действительно, мало ли какие сцены кто изображает... Важно, какую роль они выполняют в тексте. У Достоевского есть сцена убийства, однако все произведение в целом убийство не оправдывает, а напротив, осуждает, и Раскольников в конце концов приходит к христианским ценностям и раскаивается в содеянном. В рассматриваемых же случаях все наоборот. В данном случае сцены насилия выполняли две функции: 1) показать образец, как надо поступать и как от этого становится весело, 2) запугать: ты или с нами, или жертва. Вся эта теория не спрятана где-то глубоко, а прямо декларируется авторами (читайте экспертизу).

В-третьих, ничего не можем сказать про эффект обратного воздействия, поскольку лингвист выявляет смысл текста, его главную мысль, идею, а не что-то другое. Можем только предположить, что на представителей различных слоев данные тексты могут оказать различное воздействие. Не исключено, что девяносто девять читателей из ста по прочтении испытают чувство брезгливости и страха, а один захочет присоединиться к боевой группе. Как мы уже говорили до приведения текста экспертизы, не стоит путать выражаемую идею с эффектом воздействия.

Лингвист определял первое, что не составило в данном случае особого труда, поскольку авторы материалов выражали свои идеи прямо: «*Единственное, что объединяет русских,- это избивание черного*». В тех случаях, когда не прямо, то очень незамысловато при помощи приема «картинка – комментарий – оценка», что тоже дает лингвисту достаточный материал для анализа текста и определения его интенциональной направленности.

Все представленные оппозиции, полагаем, возникнут в судебных разбирательствах по делам об экстремизме еще не раз, но как они будут реализованы – так или иначе? Возникнут, конечно, и новые вопросы, требующие поиска ответа.

3.3. Семантико-стилистическая экспертиза при нарушении закона о рекламе

Лингвистическое исследование по изучению рекламных текстов с целью установления нарушения отдельных аспектов закона о рекламе считаем отнесенным к семантико-стилистическому типу, поскольку основная функция рекламы – воздействующая, и предметом ее исследования в данном судебном ракурсе является именно проявление иллюкутивной направленности текста. Можем поделиться опытом рассмотрения нескольких ситуаций, связанных с обвинением в нарушении закона о рекламе.

В каких случаях при разрешении вопроса о нарушении закона о рекламе возникает необходимость в лингвистическом анализе?

Мы сталкивались с четырьмя ситуациями, связанными с законом о рекламе, которые можно объединить в две группы: 1) запрещенная реклама товара, 2) реклама ненадлежащая, так как содержит элемент антирекламы.

Что значит «запрещенная реклама?»

Напомним, что внешняя реклама алкогольной продукции запрещена. В известном нам случае антимонопольный комитет счел

рекламой вывеску на алкогольном алкомаркете фирмы «Мавт»: «Мы открылись». Вопрос к лингвисту: это реклама или нет?

К сожалению, четких критериев в определении того, что можно считать рекламой, а что нет, не существует. Приходится признать, что многие вещи в законе не прописаны, нередко решение вопроса упирается в ключевые понятия. Приведем пример из другой сферы. Вот, например, эссе -- это художественный или публицистический стиль? Этот жанр находится на стыке. Так и вывеска «Мы открылись». Это реклама или объявление?

Понимать ли рекламу широко, как любое средство привлечения внимания к объекту продажи, или все же несколько более узко? Если понимать широко, то под определение рекламы подойдет не только вывеска «Мы открылись», но и какое-нибудь интересное название алкомаркета, и те огоньки, которыми оформлен вход, и даже дизайн витрин. Понятно, что и первое, и второе, и третье преследует цель привлечь внимание к магазину, вызвать позитивные эмоции и, в конечном счете, найти своего покупателя.

Однако все-таки рекламные шаги еще не есть собственно реклама. Да даже если все это назвать рекламой, нельзя не признать различий между этими средствами.

В связи с возникшим разбирательством неизбежно возникает вопрос: как отличит объявление от рекламы? как нам представляется, вывеска «Мы открылись» подходит с очевидностью под жанр объявления. Хотя нельзя отрицать, что любое объявление тоже, как и реклама служит цели привлечения внимания к какому-либо вопросу, а в ряде случаев – объекту. Но тогда рекламой стоит признать все объявления о продаже, в том числе частного характера. Это представляется противоестественным.

Мы видим ситуацию так. Основная функция рекламы – воздействующая, основная функция объявления – информационная. Безусловно, вывеска «Мы открылись» преследует цель привлечь внимание к факту начала работы алкомаркета, и, соответственно, опосредованно выполняют функцию привлечения внимания к его продукции. Но

опосредованно! Непосредственно вывеска является объявлением, основная функция которого – сообщение. В данном объявлении сообщается, что ранее закрытый магазин (находящийся на ремонте или реконструкции) начинает свою работу. Информация, а не воздействие оказываются на первом месте. Ни слова не сообщается о продукте продажи, о его качествах, свойствах, признаках. То есть сам продукт продажи не рекламируется.

Мы привели не текст экспертизы, а свободные размышления на заданную тему, научной основой которых стало определение жанровой специфики произведения речи по его основной прагматической функции .

Какая реклама признается ненадлежащей?

Мы сталкивались только с ситуациями, когда ненадлежащей называлась реклама, содержащая признаки антирекламы аналогичного товара. Так, антимонопольный комитет выдвинул обвинение против объединения «Русское радио. Челябинск» в осуществлении рекламы, умаляющей качества аналогичного товара. Приведем конфликтный рекламный текст: «Настоящее «Русское радио Челябинск» на новой частоте 104,1 FM». Пунктуационное оформление в нашем тексте является вольным, поскольку рекламный текст в звучащем виде не имеет такового оформления, а плакатном варианте знаки препинания отсутствуют в силу их компенсации графическим оформлением: использованием с дифференцирующей функцией поля плаката, качества и жирности шрифта.

Сложность ситуации заключается в том, что в Челябинске функционирует два «Русских радио» с неохраняемыми названиями, и в свете этого факта прилагательное «настоящее», как нам представляется, выполняет не только свою словарную функцию, но и приобретает пресуппозитивные наращения смысла. Вообще на современном этапе развития стилистики непозволительно наивно осуществлять анализ произведения речи исключительно при опоре на формальные значения.

Ситуация сложная, и мы видим в ней различные аспекты.

В чем сложность лингвистического исследования рекламного текста?

Все публицистические тексты, и в наибольшей мере жанр рекламы, ориентированы сегодня не столько на эксплицитное, сколько на имплицитное преподнесение информации. Естественно, для того чтобы имплицитная часть информации адекватно декодировалась реципиентом, необходимо заложить потенцию этой декодировки в эксплицитных элементах. В том-то и заключается основная сложность анализа рекламных текстов, что явно представленное очень заметно, а порой и кардинально, отличается от скрыто выраженного. А доказать это скрыто выраженное очень трудно. Конечно, можно опираться в лингвистическом анализе на понятия пресуппозиции, концепта, создаваемых ассоциаций, и все это будет убедительно в рамках отвлеченного филологического общения, но целевое судебное исследование предъявляет к любому аргументу удесятенные требования. Идет речь об ассоциациях – докажите, что они есть. Концепт – докажите, что этот, а не другой. Почему это значение, а не другое?

Так, в ситуации с «Настоящим русским радио» мы видим две линии рассуждения. С одной стороны, откровенной антирекламы нет, и слово «настоящее» подчеркивает высокое качество рекламируемого товара. С другой стороны, с учетом факта наличия не одного «Русского радио», считаем естественным возникновение оппозиции: настоящее – ненастоящее. На этой частоте – настоящее «Русское радио», а на другой? Во всяком случае, однозначно и категорично сказать, что никакого умаления достоинств аналогичного товара в представленной рекламе не содержится, мы не можем.

Проблема целевого судебного анализа рекламного текста заключается в том, что жесткость требований к конкретности вывода не обеспечена на настоящий момент убедительными, апробированными методиками анализа, разработка которых – в перспективе юрислингвистики.

Лингвистические исследования в процессах о ненадлежащей рекламе

!!! Обращаем внимание: оформление приведено не полностью, выпущены формальные характеристики, не имеющие отношения к собственно лингвистическому исследованию (сведения об эксперте, время производства). Образец полного оформления см. в приложении к разделу 2.3.

Заключение лингвиста

Г.Челябинск

14.02.2003.

На рассмотрение представлен текст слогана:

«Теперь макароны – это Галина Бланка».

Перед лингвистом поставлен вопрос:

Содержит ли текст слогана элементы антирекламы?

Лингвистический анализ

Слоган сформирован как простое предложение с подлежащим «макароны» и сказуемым «Галина Бланка». Синтаксическая предикативная связь (связь между главными членами предложения), выраженная тире, устанавливает жесткую, однозначную семантическую связь между понятиями «макароны» и «Галина Бланка», при этом семантическая валентность подлежащего оказывается полностью замещенной. Иными словами, формулировка слогана такова, что сказуемое «Галина Бланка» создает всеохватную и исчерпывающую характеристику подлежащего «макароны».

Слоган формирует смысл: макароны – это Галина Бланка и только Галина Бланка, вся аналогичная продукция других производителей не может так называться, это уже не макароны. Наречие времени «теперь» усиливает формируемый смысл, как и отсутствие при слове «макароны» зависимых прилагательных.

Вывод:

Таким образом, формулировка слогана не только формирует представление о высоком качестве макарон Галина Бланка, но и умаляет качество соответствующего продукта других производителей, в том числе «Макфы», в чем проявляется антирекламный характер слогана.

К.ф.н., доцент, руководитель Центра культуры речи

/Иваненко Г.С./

Заключение лингвиста

Материал для анализа:

- 1) рекламный текст на упаковке макарон производителя «Макфа» (обозначим ее в тексте анализа условно как №1);
- 2) рекламный текст на упаковке макарон...: «Истинный Сmaak Макаревича выглядит так» (обозначим условно в тексте анализа как №2)

Вопрос, поставленный на разрешение эксперта:

Умалает ли рекламный текст на упаковке макарон №2 достоинства аналогичной продукции производителя «Макфа»?

Содержатся ли в рекламном тексте упаковки «Истинный смак Макаревича выглядит так» языковые средства, формирующие у реципиентов представление о превосходстве макарон «Смак Макаревича» над макаронами «Смак»?

Лингвистический анализ

Разрешая поставленную проблему, необходимо учитывать два языковых фактора: семантический и графический - и использовать два метода анализа :сопоставительный и семантико-стилистический.

Реклама одного товара может стать антирекламой другого только в одном случае, а именно при условии, во-первых, тождественности каких-либо элементов товарных знаков или рекламных слоганов у товаров различных производителей, во-вторых, при наличии в рекламном тексте одного из производителей указаний на превосходство этого товара над аналогичными.

При отсутствии одного из этих двух признаков реклама товара одного производителя не может умалывать достоинств товара другого производителя.

В рассматриваемом же случае оба эти признака присутствуют.

Во-первых, рекламные тексты №1 и №2 заставляют покупателя сопоставлять товарные знаки и, следовательно, устанавливать взаимосвязь между товарами двух производителей.

Сопоставление вызвано не только объективной причиной – однотипностью производимой продукции (макарон), но и прагматическим использованием языковых средств: семантическим, грамматическим и графическим центром обоих текстов является слово «смак», выполняющее текстообразующую и рекламообразующую функцию. В тексте №1 это слово самостоятельно выполняет рекламную и номинирующую функцию, а

в тексте №2 оно является подлежащим в рекламном предложении. Существенно, что графически слово «Смак» в тексте №2 выделено, слово же «Макаревича» написано мелким шрифтом и неразборчиво, в связи с чем уходит на второй план при восприятии. Практически зрительно фиксируемая часть текста выглядит так: *«Истинный смак выглядит так»*. По перечисленным причинам в сознании реципиентов возникает сопоставление макаронной продукции, объединенной номинацией «смак».

Во-вторых, рекламный текст №2 содержит языковые элементы, формирующие представление о превосходстве рекламируемого товара над другим аналогичным с идентичным названием. К существительному «смак» относится прилагательное «истинный» в значении «неподдельный, настоящий», которое выстраивает оппозицию: «смак» – «истинный смак». Из этой оппозиции следует, что товар, номинируемый как «смак», не обладает достоинствами товара, рекламируемого как «истинный смак», то есть является не истинным, а поддельным.

Вывод

Таким образом, рекламный текст на упаковке макарон №2 умаляет достоинства аналогичной продукции производителя «Макфа».

В рекламном тексте упаковки «Истинный смак Макаревича выглядит так» присутствуют языковые средства, формирующие у реципиентов представление о превосходстве макарон «Смак Макаревича» над макаронами «Смак»

кандидат филологических наук

доцент кафедры русского языка и МПРЯ _____ /Иваненко Г.С./

ГЛАВА IV. ЭКСПЕРТИЗА ПО УСТАНОВЛЕНИЮ ТОЖДЕСТВА

Предмет исследования в данном случае – показатели индивидуальности, самобытности произведения речи. Этот тип экспертизы преследует цель в результате сопоставления двух блоков речевых произведений установить их аутентичность/ неаутентичность, понимаемую в различных ситуациях в различных аспектах. При разрешении вопроса о правомерности использования фирменного наименования или товарного знака аутентичность – тождество с запатентованным ранее наименованием или знаком или сходство «до степени смешения». В делах о плагиате аутентичность – структурное, смысловое, стилистическое сходство двух произведений в степени, позволяющей утверждать неслучайность совпадений и, следовательно, производность одного текста от другого. В классической автороведческой экспертизе, в ходе которой устанавливается тождество/ различие автора текстов-образцов и анонимного текста, аутентичность проявляется как высокая степень сходства языковых и стилистических систем сопоставляемых объектов, позволяющая считать их автором одно лицо.

4.1. Автороведческая экспертиза

Описываются условия применимости лингвистической экспертизы по установлению авторства анонимного текста, , обозначаются вопросы и проблемы, связанные с этим типом исследования.

При каких условиях возможно осуществление автороведческой экспертизы?

Условиями возможности применения автороведческой экспертизы является, во-первых, наличие кандидатов на анонимное авторство и, во-

вторых, наличие необходимого материала для выявления языковых признаков речи подозреваемого анонима.

При отсутствии первого условия экспертиза данного типа невозможна. Мы говорим именно о строго лингвистической экспертизе по установлению авторства. По анонимному тексту возможно провести психолингвистическую экспертизу, предметом которой будут психоэмоциональные, интеллектуальные и, возможно, иные личностные характеристики неизвестного автора, часть из которых могут быть определены лингвистическими методами, а для части которых нужны методики иных научных дисциплин.

Второе условие гораздо более сложно конкретизировать. Какое количество материала необходимо для того, чтобы обоснованно говорить о тождестве автора анонимного текста и образцов? Однозначного ответа на этот вопрос нет, мнения специалистов расходятся. Не следует забывать, что и анонимный текст не всегда объемён и содержит только малую часть языковых признаков письменной или устной речи автора.

Считаем, что нужно проанализировать имеющийся в наличии материал и сделать свой вывод с обязательным сообщением о возможностях материала и с оговоркой о степени достоверности полученных результатов.

Существуют ли методики определения авторства анонимного текста?

Автороведческое исследование – одно из наиболее методически обеспеченных по сравнению с другими типами судебных экспертиз. Методики определения авторства анонимного текста существуют и активно применяются. Проблема, как мы понимаем, в данном случае не столько в отсутствии методик, сколько в практике их применения. Методики же предлагаются совершенно различные: от поуровневого анализа всех языковых слоев текста (лексика, морфемика, морфология, синтаксис, стилистика) с определением типичных черт до ограничения анализа одним лексическим пластом.

Представляется, что объективность автороведческого исследования в большей мере гарантируется многоуровневым исследованием, чем узким, основанном на анализе одного языкового уровня или какой-либо одной языковой или стилистической черты.

Не стоит забывать и о том, что с течением времени многое меняется в языковой сфере, включая тенденции речевого самовыражения журналистами в СМИ. Для нашего времени характерна деиндивидуализация публицистической речи, что требует от исследователя гораздо большего труда и внимания по поиску характерных речевых признаков конкретного лица.

Какие опасности подстерегают лингвиста при осуществлении автороведческой экспертизы?

Наше представление о возможных сложностях и заблуждениях в ходе автороведческого исследования отражены достаточно подробно в тексте заключения, приложенного к настоящему параграфу. Обозначим их тезисно:

1. Существенным изъяном методического подхода при исполнении автороведческой экспертизы является недифференцированный подход к лексике при поиске совпадений. Та лексика, которая является типовым, стандартизованным средством обозначения определенных понятий и ситуаций в рамках определенной стилевой, жанровой и тематической специфики, не может рассматриваться как критерий идентификации индивидуального стиля.

2. В том случае, если неавторизованных текстов несколько, нельзя изначально отталкиваться от представления о том, что их автор -- одно лицо. Это либо надо доказать до процедуры сопоставления с образцами, либо осуществлять процедуры сопоставления образцов с каждым анонимным текстом отдельно.

3. Исследователь должен учитывать в автороведческой экспертизе общие тенденции развития языка, с тем чтобы не приписать конкретному лицу ту

речевую специфику, которая является типовым признаком современной речи в какой-либо сфере, среде.

Лингвистическое исследование по установлению авторства

!!! Обращаем внимание: оформление приведено не полностью, выпущены формальные характеристики, не имеющие отношения к собственно лингвистическому исследованию (сведения об эксперте, время производства). Образец полного оформления см. в приложении к разделу 2.3.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТА

07.07.2007г.

г.Челябинск

Заключение выполнено по запросу адвоката Сухарева Г.В. от 29.06.2007. по уголовному делу 474209.

Время производства заключения: с 29.06.2007 по 07.07.2007г.г. **Обстоятельства дела**, необходимые для выполнения заключения, изложены в адвокатском запросе.

На экспертизу предоставлены следующие материалы:

1. Текст, авторство которого оспаривается, - "Заявление о преступлении" от имени Филичкина В.В. от 13.11.2006.
2. Заключение эксперта Сторожевой Ж.Б. 181-594/02 об авторстве "Заявления о преступлении"
3. Психолингвистическое заключение специалистов Власова А.Ю. и Романова И.В. 02/06/07 об авторстве "Заявления о преступлении".
4. Образцы письменной речи В.В. Филичкина:
 - 1) статья "Медаль за взятие без спросу" ("Новая газета" 28 (1053) от 18.04. 2005.);
 - 2) статья "Минуты слабости областного прокурора" ("Версия" 47 от 11.12.2001.);
 - 3) статья "Политзек в особо крупных размерах. Депутаты не сдают Головлева" ("Российская газета" 214 от 01.11.2001.);
 - 4) статья "Смирновы: отец и сын" ("Вечерний Челябинск" 59 от 31.03.1999.);
 - 5) статья "Диагноз: человек боя" ("Вечерний Челябинск" 120 от 02.07. 1999.);
 - 6) статья "Американцы получают европейский Вьетнам" ("Вечерний Челябинск" 59 от 31.03.1999");

7) статья "Город медных покойников" (Российская газета" 220 (3889) от 1 октября 2005г.);

8) открытое письмо Генеральному прокурору РФ В.В. Устинову, Министру внутренних дел Р.Д. Нургалиеву, Директору ФСБ РФ Н.П. Патрушеву (Российская газета" 220 (3889) от 1 октября 2005г.);

Вопросы, поставленные на разрешение лингвиста:

1. Каковы методы проведения автороведческой экспертизы, осуществленной Сторожевой Ж.Б. и мера их эффективности при решении поставленной задачи?
2. Какой критерий может стать основой для идентификации авторства текста 1 ("Заявление о преступлении" от 13.11.2006)?

Лингвистическое исследование

Ответ на первый вопрос

Автороведческая экспертиза, представленная на анализ, опирается на сопоставление текстов со спорным авторством с текстами-образцами, авторство которых якобы принадлежит В.В. Филичкину. Сопоставление как метод является единственным возможным способом авторизации письменного текста. Однако средства и способы осуществленного сопоставления вызывают естественные сомнения, а в ряде случаев - категорическое несогласие относительно их допустимости, эффективности и способности быть основой для объективных выводов.

I. На анализ эксперту были представлены четыре текста с неустановленным авторством и 21 текст образцов письменной речи якобы В.В. Филичкина. Если тексты образцов могут рассматриваться как монолитная группа, анализ языковых средств которой покажет специфику речи В.В. Филичкина, то четыре неавторизованных текста таковой целостной группой не являются.

Эксперт в предложении, предваряющем сопоставительную таблицу, заявляет: "Сравнительным исследованием текстов 1-4 между собой и с образцами письменной речи В.В. Филичкина 1-21 установлены совпадения отмеченных общих и частных признаков". Далее следует таблица, в которой, вопреки процитированному заявлению, сопоставление текстов с неустановленным авторством отсутствует, все их языковые признаки в совокупности отражены в первой колонке под названием "В исследуемых текстах" и сопоставляются с языковыми признаками из второй колонки "В образцах письменной речи В.И. Филичкина".

Таким образом, эксперт не осуществил сопоставления неавторизованных текстов, заведомо счел все четыре текста с неустановленным авторством принадлежащими одному человеку, и, перешагнув через необходимый этап анализа, решал только одну задачу: выявление общих языковых черт в комплексе текстов неизвестного автора (авторов) и комплексе текстов В.В.Филичкина. Такая методика отражает абсолютное игнорирование допущения, что неавторизованные тексты написаны не одним человеком. Для получения объективного результата необходимо выявить языковые признаки стиля автора по образцам его речи, а затем анализировать реализацию этих признаков в каждом из спорных текстов отдельно. В анализируемой же экспертизе возник некий собирательный образ автора, который либо написал все четыре текста с неустановленным авторством, либо ни одного из них. Признаки, выявленные в любом из четырех текстов, независимо от его авторства, приписываются и автору (авторам) остальных трех текстов. Признаки стиля каждого из четырех неавторизованных текстов в экспертизе не определяются. Такой подход представляется неправомерным и не приводящим к объективным результатам.

II. Автороведческая экспертиза не сопровождается количественным анализом, показывающим, насколько тот или иной языковой признак индивидуален и отражает не общую тенденцию развития русского языка, а личную манеру письма конкретного лица.

Так, например, признаком под №12, выявленным и в текстах неизвестного автора, и в образцах речи В.В. Филичкина, эксперт называет использование в начале предложения частицы "так". В предшествующем предложении и автор настоящего заключения тоже использовал эту языковую единицу, и, скорее всего, это будет не единственный случай в данном тексте. Частица "так" используется практически во всех аналитических материалах, в которых после тезиса следует конкретизация. Скорее не присутствие, а отсутствие этого языкового элемента может быть показателем стиля. Примечательно также, что для демонстрации частотности "так" в семи случаях из восьми приведены примеры неавторизованного текста 3, один пример из текста 4. Следовательно, можно сделать вывод, что в текстах 1 и 2 этот признак не выявлен, и для автора этих текстов он не характерен. Эксперт этого не замечает. Впрочем, как уже было сказано, при представленном подходе по фрагментарному вырыванию из текстов одинаковых единиц без количественного анализа их типовой представленности в языке это становится несущественным.

Какой сопоставительный анализ имеет смысл? Эксперт должен иметь данные о частотности использования в современном русском языке какой-либо языковой единицы.

Если таких готовых данных нет, их можно получить самостоятельно. Например, берется 10 текстов различных авторов, подсчитывается общее количество слов в них и количество частиц "так". И то и другое делится на десять. Получается обобщенная пропорция: на каждые 100 слов приходится, скажем, одно слово "так". После этого такая процедура проводится с текстом, авторство которого является спорным. Если названная пропорция близка типичной, общеязыковой, то данный признак не может быть принят как индивидуальный и идентифицирующий. Вполне возможно, что и в текстах образца пропорция будет такой же. Но о чем это говорит? Ни в коем случае не о том, что анонимный текст написан тем же лицом, что и образцы, а лишь о том, что в использовании этого языкового элемента оба автора реализуют общеязыковую тенденцию.

Например, пунктом 18 (с.10) названо "немотивированное дробление сложноподчиненного предложения на два, когда второе начинается с союза "Что". Такой стилистический прием называется парцелляцией. Парцелляция может быть в одних случаях действительно немотивированной, а в других - и об этом написано в любом учебнике стилистики - сознательно используемым приемом экспрессивного синтаксиса, придающим тексту выразительность, расставляющим акценты, значимые для автора. Различие в функции парцелляции проигнорировано экспертом, но очевидно заметно в приводимых примерах. Так, приведенный пример из текста 1 неизвестного автора явно не приводит ни к какому стилистическому эффекту и демонстрирует низкую речевую культуру автора, а пример использования парцелляции В.В.Филичкиным из текста 11 в сочетании с приемом синтаксического параллелизма отражает авторский замысел и выполняет экспрессивную функцию. Но в данном пункте мы упомянули признак 18, выделенный автором, в большей мере для того, чтобы показать его нехарактеричность. Парцелляция в современной речи является чрезвычайно частотным языковым явлением и наблюдается как в работах школьников, так и известных журналистов. Показательным может быть не сам факт использования этого приема, а конкретный математический показатель его частотности в сравнении с общеязыковым.

То же самое можно сказать и про такой типичный изъян современных письменных текстов, как необособление причастных оборотов.

Критерий под №8 (с.6), названный "Неоднократное употребление сложных слов со значением неподлинности, начинающихся с "лже", демонстрируется в колонке образцов стиля Филичкина двумя примерами, а в колонке стиля неавторизованных текстов одним примером. Если это не все примеры, а часть, то важно знать, сколько их всего, а если представлен весь имеющийся материал, то ни о какой "неоднократности" не может быть и

речи. Слово с компонентом "лже" в тексте неизвестного автора всего одно! И неизвестно, какова частота этого компонента в среднем в заявлениях, посвященных раскрытию преступлений должностных лиц.

Вообще все приводимые экспертом критерии, не будучи подкрепленными количественными показателями, позволяющими сравнить специфику проявления какой-либо языковой черты неавторизованного текста с проявлением этой же черты в типовой современной речи, теряют смысл как критерии идентификации авторства.

III. В представленной на анализ экспертизе совершенно не учитывается стилистическая и тематическая специфика исследуемых текстов, определяющая отбор и сочетаемость языковых средств. Очевидно, что тексты, написанные в одном стиле и жанре и объединенные одной тематикой, неизбежно будут содержать одинаковые языковые единицы. Так, любые две группы материалов о современной экономике будут пресекаться в использовании понятий: *девальвация, рынок ценных бумаг, истощение природных запасов, приоритетное вложение средств в развитие производства* и др. подобные. Каждый стиль и жанр обладает своим специфическим запасом языковых средств. Для научного стиля характерно авторское "мы" при обозначении одного человека - автора, а также множество привязанных к этому стилю лексем и типовых моделей словосочетаний: *выявлено, в результате анализа, считаем вполне обоснованным, представляется неубедительным* и т.д. Для официально-делового стиля характерны определенные формулировки, как правило, воспринимаемые как инородные в других стилях: *в силу сложившихся обстоятельств, по семейным обстоятельствам, по истечении срока*, др. Если же тексты объединены не только стилем и жанром, но и тематически, использование идентичных слов, выражений, формулировок абсолютно неизбежно. В анализируемой же экспертизе вопреки этому очевидному стилистическому закону за признаки идентификации индивидуального стиля принимаются как раз такие типовые формулировки, штампы, как их часто называют, а также слова, употребление которых обусловлено именно этой, а не другой тематикой текста. Так, в экспертизе идентифицирующие признаки стиля 1- 5 - "Употребление одних и тех же или близких лексико-синтаксических средств при описании одинаковых или близких объектов и ситуаций". В самом названии этого признака заложено отрицание его возможности быть идентификатором индивидуального стиля. Вполне естественно, что одинаковые объекты разными авторами, независимо от особенностей стиля, называются одинаково. Именно поэтому традиционные номинации обычно не используются для определения авторства. Авторство есть смысл определять при наблюдении тенденций выбора каких-либо лексем

из ряда синонимичных. Например, показательно, какое вводное слово из синонимичных преимущественно выбирает автор: конечно, безусловно, или, как В.В.Жириновский, определенно; другой ряд для сопоставления: возможно, вероятно, может быть. Предметом для отслеживания преобладающего выбора могут быть оценочные слова, отражающие индивидуальную специфику стилистических предпочтений: прекрасный, отличный, замечательный и др. Но критерием авторской принадлежности не может быть стандартная и, что наиболее важно, единственно возможная номинация определенного деяния "злоупотребление должностными полномочиями". Это противоправное действие так называется на юридическом языке, и другого названия у него нет. Сто заявлений из ста, сообщающих о злоупотреблениях должностными полномочиями, будут содержать эту стандартную формулировку.

Все формулировки, выделенные экспертом в 1- 5 как показатели идентификации стиля, таковыми показателями считаться не могут в силу своей стандартизованности и принадлежности официально-деловому стилю: *на почве корыстных интересов, обманным путем, уволить за дискредитацию, с преступной целью, предварительный преступный сговор*. Показательно, что все соответствия найдены в текстах одного жанра заявления, при том на одну и ту же тему: в колонке текстов неопределенного авторства - в 10 примерах из 12 в тексте 1 ("Заявление о преступлении+"), а в колонке текстов-образцов речи Филичкина - в 5 примерах из 9 в тексте 22 ("Заявление о преступлении+"), в 4 примерах из 9 в тексте 7 ("Заявление о преступлении+").

Неудивительно, что в текстах одного стиля, жанра и тематики выявляются тождественные языковые единицы.

В анализируемой экспертизе критерии 9- 11 объединены по сути все тем же общим признаком: "Употребление одних и тех же лексических средств при описании одинаковых объектов и ситуаций". В этих пунктах показателями индивидуального стиля названы слова: "оборотень" применительно к работнику милиции, вступившему на преступный путь, сочетание слов "предприятие-однодневка" и слово "дискредитировать". Все эти языковые единицы являются в современной речи необходимыми атрибутами любого разговора в СМИ на соответствующие темы. Если материал посвящен работникам милиции, совершающим правонарушения, то их обязательно назовут "оборотнями", слово "дискредитация" просто запрограммировано в такой ситуации, а если эта противоправная деятельность имеет некую экономическую сторону, то "предприятие-однодневка" тоже прозвучит. Эти номинации показателями индивидуального стиля быть не могут.

А вот признак, на который эксперт не обратил внимания, мог бы послужить целям идентификации: в текстах-образцах речи В.В. Филичкина "*предприятие-однодневка*" и "*фирма-однодневка*" стабильно в различных текстах (16,17,18,19,20), всего 8 раз, пишется в соответствии с нормами русского языка через дефис (присоединение приложения) и без кавычек, что свидетельствует о выработанной манере письменного оформления этой номинации, а в неавторизованном тексте 1 почему-то этот навык не реализовался, и *предприятие "однодневка"* написано без дефиса и с кавычками. Вот этот признак действительно показателен, потому что отражает истинно индивидуальное в навыках письма, а не типовое и массовое. Выделение критерия 13 (употребление слова "считаю") в анализируемой экспертизе также отражает пренебрежение к стилистической и жанровой специфике исследуемых текстов, обуславливающей использование соответствующей лексики. Выявленное в неавторизованных текстах заявлений и в текстах-образцах заявлений, ходатайства и объяснения, оно указывает на характерную черту этих жанров канцелярских документов, отражающих личностное начало, но не на специфику стиля. В представленных нам на анализ текстах статей в силу иной жанровой специфики это слово не встречается. Наиболее очевидной становится абсурдность выделения типовых стилевых и жанровых средств как показателей авторства в пункте экспертизы 16 (с.9) под названием "Развернутое перечисление уголовных дел в рамках одного семантического поля". Естественно, что авторы текстов о преступлениях в сфере правоохранительных органов, приводя фактические данные, используют прием перечисления, в том числе перечисления конкретных уголовных дел с нумерацией. Такая фактологическая точность придает материалу убедительность. Этот сухой перечень, универсальный в качестве доказательного средства, отражающий специфику делового документа или фактуальную обоснованность публицистического материала, в то же время абсолютно безлик в стилистическом плане.

Таким образом, существенным изъяном методического подхода при исполнении анализируемой автороведческой экспертизы является недифференцированный подход к лексике при поиске совпадений. Та лексика, которая является типовым, стандартизованным средством обозначения определенных понятий и ситуаций в рамках определенной стилевой, жанровой и тематической специфики, не может рассматриваться как критерий идентификации индивидуального стиля.

IV. В представленной на анализ экспертизе наблюдаются ошибочные квалификации языковых явлений, порождающие неверные выводы. Как правило, отождествляются и соответственно признаются идентификаторами стиля близкие по

форме, но различные по содержанию языковые явления. Так, в 14 (с.8) признаком сходства названо "многократное использование сложных слов, образованных при помощи дефиса, в том числе авторских неологизмов (новообразований)".

Однако приводимые примеры имеют совершенно различную природу и по-разному характеризуют авторов.

В колонке, отражающей стиль неизвестного автора, действительно приведены сложные слова, притом окказионального характера: коррупционных-должностных преступлений (I), формально-незаконные условия (I), двуличный циник-коррупционер Косилов (I), криминальный циник-коррупционер (I), криминальные-дружеские отношения (II), областной-преступной (II), для ведения бизнеса-развития (Ii). Все эти написания через дефис ненормативны и отражают низкий уровень грамотности автора. Примечательно, что все эти примеры взяты преимущественно из текстов I и II.

В этой же колонке примеры другого типа, отражающие совсем другую тенденцию: оборотень-следователь (II), водитель-милиционер (III), преступники-милиционеры (III), этих граждан-потерпевших (IV). Это совершенно нормативные написания: к главному слову присоединяется дефисом приложение. Желательно было бы последний случай (граждан- потерпевших) написать отдельно, но во всяком случае приведенное написание допустимо и не указывает на низкий уровень речевой культуры автора с такой очевидностью, как "криминально-дружеские" и др. приведенные в предыдущей группе.

Эксперт этих очевидных различий не замечает, объединяя группы языковых единиц по одному принципу - наличию дефиса. Во второй колонке, отражающей образцы стиля Филичкина В.В., приведены примеры исключительно нормативных образований, среди которых нет заявленных экспертом в подзаголовке неологизмов. Впрочем, и сложных слов там только три: десяти-двенадцати, не сегодня-завтра (со значением приближенности), копейско-челябинские авторитеты (со значением объединения). Все остальные языковые единицы, квалифицированные экспертом как сложные слова, являются синтаксическими единицами, построенными по модели главное слово + приложение: милиционер-совместитель, предприниматель-отравитель, предприятия-загрязнители, бизнес-деятельность, воины-афганцы, фирмы-однодневки. Этот вопрос достаточно однозначно решается современной лингвистикой и не требует доказательств. Для решения поставленной задачи авторизации текстов страшна не столько сама ошибка в квалификации языковых фактов, сколько следующее из нее установление тождества между совершенно различными признаками текстов. В.В. Филичкин употребляет классическую модель существительных с приложением и не употребляет никаких

неологизмов - сложных слов с дефисом, а неизвестный автор текста I, напротив, активно использует собственные новообразования, нарушающие нормы языка. Таким образом, тот языковой материал, который подобран экспертом, в результате неверной квалификации представлен как доказательство идентичности, в то время как является свидетельством существенного и принципиального различия языковых систем В.В. Филичкина и, если судить по подборке, как минимум автора текста I.

Другой случай неверной квалификации - параметр 6 (с.5), названный "Использование одних и тех же (или близких) лексических и синтаксических средств, архитектоники изложения при описании определенных ситуаций и объектов". Для сопоставления приведены два предложения - одно из текста-образца стиля Филичкина 7, другое - из текста неизвестного автора I. Объединяет эти тексты только тематика и одинаково большой объем предложений. Все остальное, и в первую очередь та самая архитектоника, о которой пишет эксперт, в приведенных предложениях принципиально различаются.

Предложение из текста Филичкина хотя и длинное, что вполне соответствует стилистическим особенностям канцелярского стиля, но грамотное и подлежащее структурному анализу с вполне оправданными позициями различных блоков членов предложения. Предложение же неизвестного автора из текста I содержит множественные речевые и грамматические ошибки. Так, первая простая часть сложного предложения имеет грамматическую основу *Ваганов сблизился* и дополнение *"с Брагиным"*. Вторая же простая часть начинается с союзного слова *"которые"*, отражающего характерное для низкой речевой культуры согласование по смыслу, а не по грамматической форме. Вторая простая часть представляет спонтанное наложение слов, которые не вступают друг с другом в нормативные семантические и синтаксические связи: *"+которые вступили в предварительный преступный сговор на создание своей организованной преступной группы для цели незаконного общения путем совместного совершения преступной группы для цели незаконного обогащения путем совместного совершения коррупционной деятельности с использованием строго должностного положения в преступных целях"*. Ущербна сочетаемость *"сговор на создание"*, *"совершение преступной группы"*. Недопустима цепочка присоединяющихся второстепенных членов чередующейся семантики: с какой целью? - каким путем? - для какой цели? - каким путем? - в каких целях? Лексический повтор слова "преступный" переходит возможные мыслимые границы допустимой речевой нормы и, будучи четырехкратным, переводит предложение в разряд стилистических аутсайдеров, отражающих крайне низкий уровень владения речью его автора.

Существенно, что в многочисленных текстах образцов речи Филичкина, представленных на анализ, нам не пришлось выявить предложений подобной архитектоники. Предложение такого типа абсолютно атипично для речи Филичкина, и его выявление в тексте I неизвестного автора является фактором дифференциации, а не идентификации.

Аналогичен параметр 7 (с.6). В данном случае предложение из текста Филичкина 7 не безупречно, однако мера его безупречности не идет ни в какое сравнение с очевидной ущербностью предложения неизвестного автора текста I. Так, в тексте Филичкина наблюдается два повтора, притом на более значительном расстоянии, а в неавторизованном тексте - 4 повтора при меньшей длине предложения. Показателем редкостного неумения выстраивать синтаксические конструкции автором неизвестного текста 1 является сочетание двух подряд обстоятельств цели: *"с целью помешать установлению истины по уголовному делу 18\28-03 по факту убийства депутата Государственной Думы Головлева В.И. в целях умышленного непривлечения к уголовной ответственности"* Такие грубые речевые ошибки несвойственны стилю Филичкина В.В., что показал анализ представленных материалов.

Таким образом, неверная квалификация языковых явлений, нерассмотрение в рамках поверхностного сходства формы содержательных различий помешали эксперту увидеть существенные стилистические характеристики сопоставляемых текстов. Обобщим сказанное при ответе на первый вопрос. Анализ представленной лингвистической экспертизы показал, что множественные изъяны в методике анализа, объединенные нами в четыре основных пункта, не позволяют принять ее результат как объективный.

Ответ на второй вопрос

Автор проанализированной автороведческой экспертизы пошел при решении своей задачи изначально ошибочным путем, ориентируясь сразу только на поиск каких-либо соответствий. А какую роль играют при этом несоответствия? Если бы сначала были подряд, нетенденциозно, названы все основные черты стиля авторских текстов, потом был найден перечень столь же независимо найденных признаков неавторизованного текста, вслед за этим можно было бы сказать, какое количество признаков пересекается. Все это необходимо делать с учетом стилевой, жанровой и тематической специфики. Спонтанный поиск одинаковых слов или других признаков не показателен. Нет никаких сомнений в том, что в 30 сочинениях различных авторов значительного объема на заданную тему найдется перечень совпадающих слов, обусловленных выбором темы и ситуацией. Также во всех работах будут использованы союзы "но" и "однако", вводные слова "так" и "например", а также ряд идентичных пунктуационных ошибок.

Дело не в количестве, а в качестве избранных параметров сопоставления. Такой критерий может быть вообще один, но если он количественно просчитан и его индивидуальность обоснована, он может стать показателем стиля. Так, мы уже писали, что таким критерием может быть преобладающий выбор одного языкового средства из ряда синонимичных.

Такой надежный и показательный критерий избран авторами психолингвистической экспертизы, обозначенной в предоставленных материалах под №3. Ее авторы А.Ю.Власов и И.В. Романова обратили внимание на такой индивидуальный признак стиля, как длина предложения, и выявили, что длина предложений образцов речи Филичкина существенно отличается от длины предложений автора текста 1. Материала для анализа взято вполне достаточно, чтобы объективно охарактеризовать типичную манеру письма. Количественные данные убедительны и показательны.

Выяснено, что в статьях Филичкина длинных предложений (66-100 и более слов) нет, средних (36-65 слов) - 6%, коротких (2-35 слов) - 94%; в неавторизованном же тексте 1 ("Заявление о преступлении" от 13.11.2006.) длинных предложений 27%, средних - 40%, коротких - 33%. Приведенные показатели свидетельствуют о том, что один из очень существенных признаков стиля, глубоко индивидуальный и стабильный, в тексте с неопределенным авторством реализуется принципиально иначе. Разница настолько существенна, что никакая скидка на погрешность не способна опровергнуть логично следующий вывод о различии в авторстве.

Предлагаем еще один критерий. Уровень речевой культуры языковой личности формируется годами и независимо от стиля, жанра и тематики спонтанно отражается в тексте. В отличие от идей, тем, использования типовой лексики и стандартных синтаксических конструкций, формирование общего строя речи нельзя позаимствовать или скопировать. Это специфический показатель индивидуального стиля. В тексте неизвестного автора выявлено 19 речевых ошибок и 21 грамматическая ошибка.

К речевым в основном относятся неправильное употребление слова, неоправданный повтор, тавтология, плеоназм (избыточное языковое средство). Примеры речевых ошибок из неавторизованного текста:

- 1) замещающая должность заместителя(с.1) - тавтология
- 2) совместное совершение деятельности (с.2) - неправильное употребление слова
- 3) с целью помешать установлению истины+в целях умышленного не привлечения+(с.2) повтор + грамматическое наложение семантически однотипных групп второстепенных членов + орфографическая ошибка
- 3) Действующих+действуя(с.2) -- тавтология

- 4) Преступной -2 раза в предложении абзаца 2(с.2)
- 5)Преступной -3 раза в предложении абзаца 3(с.2)
- 6)На почве обоюдно низменных личных морально-этических качеств (с.2) (слово обоюдно характеризует действие, но не признак) 7)..аморально разместив его фотографию (с.3) - можно совершить аморальный поступок, но нельзя аморально разместить фотографию - неуместное употребление слова
- 8) действуя - 2 раза в предложении абзаца 1 (с.3)
- 9) Ваганов, будучи являясь заместителем (с.4) - плеоназм 10)Будучи находясь в сговоре (с.4) – плеоназм

Грамматические ошибки следует отличать от орфографических и пунктуационных. Грамматические ошибки при всем их разнообразии заключаются в неправильном использовании грамматических категорий слов и отражают низкий уровень речевой и общей культуры. Примеры грамматических ошибок:

- 1)злоупотребляя и превышая своими должностными полномочиями (злоупотребляя чем, превышая что)
- 2) для осуществления коррупционной деятельности неоднократным совершением должностных преступлений (с.2) - лексическая несочетаемость
- 3) служебной информацией, составлявшую следственную тайну (дательный падеж причастия вместо творительного) с.2 4)Ваганов сблизился с Брагиным, которые (множественное число вместо единственного) с.2
- 5) Косилов проник в Администрацию области. Где Косилов (с.3) (неоправданная парцелляция) 6)оборотня Брагина. Который (с.3)(неоправданная парцелляция)
- 7)Брагин присвоил Ваганову, и совместно сфабриковали (с.4) (множественное число вместо единственного)

8)..еще активнее продолжил снабжать(с.4) - лексико-грамматическая несочетаемость 9)информацией, составляющую (с.4) 10)в результате совершения систематических злоупотребления и превышения должностными полномочиями(с.4 11) Ваганов приобрел. Ведя праздный образ жизни (с.4) - неоправданная парцелляция. Мы привели примеры речевых и грамматических ошибок всего с трех страниц машинописного текста (конец стр.1, стр.2-4), на которых разместилось 14 предложений. На эти 14 предложений приходится 10 речевых и 11 грамматических ошибок.

Приведенные примеры демонстрируют отсутствие у автора таких речевых навыков, как уместное употребление слова в контексте, согласование определений, выраженных причастным оборотом, с главным словом, устранение повтора и тавтологии при помощи замены синонимами и др. Плотность речевых и грамматических ошибок (в

совокупности 21 ошибка на 14 предложений) настолько велика, что отражает крайне низкий уровень речевой культуры автора.

Анализ представленных на анализ статей В.В.Филичкина не позволил создать алогичную статистику по той простой причине, что ошибки таких типов в текстах В.В. Филичкина отсутствуют. Не выявлено ни одного неправильно согласованного причастного оборота, ни одного плеоназма типа *будучи являясь*, ни одного случая неоправданной парцелляции, тавтологии и повтора. Речевая и грамматическая структура текстов В.В. Филичкина отражает высокий уровень владения языком, отсутствие тех серьезных зияний в овладении языковыми нормами, которые отражает речь неизвестного автора текста 1.

Такая разница в уровне владения речевыми навыками, проявившаяся по многим критериям языковой системы, может быть осознана только как стойкая, регулярная реализация индивидуальной речевой стилистической системы.

Считаем, что приведенные параметры сравнения вполне убедительно свидетельствуют о том, что В.В. Филичкин не может являться автором текста 1 ("Заявление о преступлении" от 13.11.2006.).

Литература:

- 1.Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юристконсультантов/ Под ред. проф. М.В.Горбаневского. М.: Медея, 2004г. - 104с.
- 2.Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации/Под ред. проф. М.В.Горбаневского - 3-е изд., испр. и доп. - М.: Галерея, 2002. - 424с.
3. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник/ Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. - М.:Флинта: Наука,2003. - 840с.
- 4.Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стилей.- М., 1961.
- 5.Галяшина Е.И. Основы судебного речеведения. Авторизация письменного текста. - М., 2001.
- 6.Теоретические и методические вопросы криминалистического исследования письменной речи. - М, 1977.
7. С.М. Вул. Судебно-автороведческая идентификационная экспертиза. Методические основы / Методическое пособие. - Харьков, 2000.

Кандидат филологических наук

доцент, докторант

кафедры рус. яз. и МПРЯ ЧГПУ

/Иваненко Г.С./

4.2. Установление факта плагиата

Описывается сущность плагиата как нарушения авторских прав, называются его типы и формы, приводятся размышления о сложности проведения границы между плагиатом и интертекстуальностью.

Что такое плагиат?

Плагиат – это один из видов речевых правонарушений, который можно назвать также нарушением авторских прав, а именно кражей чужой интеллектуальной собственности, представляющей собой произведение речи.

В современном мире информационных технологий этот вид преступления является одним из наиболее распространенных. Однако, как показывает практика, такие преступления редко реально наказываются: очень часто конфликты разрешаются в досудебном порядке, а во многих случаях не разрешаются вообще, по-видимому, в силу отсутствия сложившейся традиции защищать свою интеллектуальную собственность.

Все большую популярность приобретает плагиат в научной среде. Чужие работы целиком или частями, с переработкой или без таковой без ссылки на автора выдаются за свои.

Легко ли доказать факт плагиата?

В немногочисленных примитивных случаях плагиата – да, легко. В преобладающей же части плагиата тонкого и проработанного – чрезвычайно трудно.

Многие идеи свойственны целому направлению в какой-либо науке. Трудно определенно сказать, кто первый высказал ту или иную мысль. Особенно это касается гуманитарных наук. Если отвлечься от терминологии, то корни многих современных идей будут уходить в античность. Доказать кражу интеллектуальной собственности в гуманитарной науке, опираясь на концептуальные параллели, практически невозможно. Такое доказательство, конечно, не исключено, если в результате сравнения двух произведений

выявится полное тождество идей, их логических обоснований и аналогичность структуры работы.

Гораздо реалистичнее доказательство плагиата в том случае, когда он имеет не концептуальную, а формальную природу, то есть можно выявить конкретные заимствованные фразы, высказывания.

Какие факторы необходимо учитывать при осуществлении исследования в рамках процесса о нарушении авторских прав?

Во-первых, при сравнении двух текстов филолог должен помнить о границах своей компетенции и делать только выводы, прямо следующие из анализа материала. Так, сопоставление двух текстов может привести к выводу, что они имеют одного автора, но еще не к выводу, какой текст первичен. Например, больший объем – еще не стопроцентный довод в пользу первичности текста.

Конечно, есть критерии, по которым можно предполагать первичность одного текста по отношению к другому. Например, критерии связности, логичности, полноты. Если в одном тексте все логично, каждое положение доказательно и убедительно, а в другом тексте те же положения представлены более хаотично, можно из этого сделать вывод, что производитель второго текста неумело законспектировал первичный текст.

Однако если никаких явных показателей первичности одного текста по отношению к другому нет, лингвист должен сделать только вывод о факте преемственности двух текстов, предоставив решать остальные проблемы другим специалистам при помощи других, не лингвистических методов.

Во-вторых, следует отличать типовое от индивидуального. Существуют такие расхожие положения, взгляды, даже формулировки, фрагментарное употребление которых в различных текстах не свидетельствует о преемственности текстов, а говорит лишь об их следовании общим тенденциям, определенной философской и речевой моде.

В-третьих, стоит отличать плагиат как кражу интеллектуальной собственности от интертекстуальности как естественного проявления общекультурного пространства.

Как отличить плагиат от интертекстуальности?

Например, тема Дон Жуана пронизывает мировую литературу и воплощается во многих произведениях. Можно ли считать, что все последующие авторы украли сюжет у кого-то первого. Да и первый этот уже с трудом определим. Не исключено, что история имеет фольклорное происхождение. Но самое главное – при общности черт сюжета каждый автор по-своему трактовал образ главного героя, и в каждом произведении отражается индивидуально, неповторимое авторское видение, воплотившееся в самостоятельной концепции.

Многие авторы при создании своего произведения так или иначе опираются на некий «предтекст», от которого отталкиваются, который интерпретируют, который по-своему продолжают или с которым спорят. Так, «Герой нашего времени» явно апеллирует к «Евгению Онегину», не теряя при этом своей самостоятельности.

Лингвистическое исследование в процессе о нарушении авторских прав

!!! Обращаем внимание: оформление приведено не полностью, выпущены формальные характеристики, не имеющие отношения к собственно лингвистическому исследованию (сведения об экспертизе, время производства). Образец полного оформления см. в приложении к разделу 2.3.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ЛИНГВИСТА

г. Челябинск

27.06.05.

Заключение выполнено по запросу Мироновой Натальи Ивановны.

Лингвисту для сопоставления предоставлены материалы:

1. Текст диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук Мироновой Натальи Ивановны «Самоорганизация и управление в современном обществе: роль негосударственных институтов в трансформации управления», глава 1 «Современные теоретико-методологические подходы к исследованию общественного развития и управления».
2. Текст статьи Банных Г.А. «К вопросу о применении нелинейной парадигмы к государственному управлению в условиях трансформации современного общества», опубликованной в сборнике научных статей Кросс-культурные исследования: методология, опыт эмпирического анализа. Материалы 8-й Международной конференции памяти Л.Н.Когана. Ч.4 – Екатеринбург, 2005.

Перед лингвистом поставлен вопрос:

Наблюдаются ли между предложенными для анализа сопоставляемыми текстами содержательные и стилистические соответствия, позволяющие считать их автором одно лицо?

Лингвистический анализ

В ходе анализа были сопоставлены тексты первой главы диссертации Мироновой Н.И. и статьи Банных Г.А. на предмет содержательного и стилистического сходства.

Содержательный анализ показал, что концепция, представленная в диссертации Мироновой Н.И., отражена в статье Банных Г.А. Все концептуально значимые положения первой главы в сжатом виде формируют текст статьи.

Не выявлено ни ссылок на диссертацию и ее автора, ни хоть сколько-нибудь значимой творческой переработки материала. Статья не представляет собой отклика на материал диссертации, выражающего согласие или несогласие, не является также рецензией или обзором. Статья Банных Г.А. не содержит новых, по сравнению с диссертацией Мироновой Н.И., положений, идей, сведений, доказательств.

С жанровой точки зрения статья Банных Г.А. может быть охарактеризована как конспект первой главы диссертации Мироновой Н.И.

Как известно, одно и то же содержание может быть выражено различными языковыми средствами. Однако в рассматриваемом случае содержание статьи практически представляет собой компиляцию различных отрезков текста диссертации. Не только содержание текстов двух авторов перекликается, речь идет о полном соответствии целых текстовых отрывков. Приведем эти соответствия:

Так, в п.2 на с.84 сборника статей используется окказиональная форма множественного числа слова *«риск»* - *«риски»*, имеющая явно индивидуально-авторский характер. Ту же форму находим в аналогичном пункте на с.48 работы Мироновой Н.И.

В предпоследнем абзаце на с.84 сборника статей находим предложение с нарушением падежной формы существительного: *«Очевидно, что каждая парадигма влияла на формирование общественных представлений о государстве, его функциях, структурах государственных институтах...»* (правильно – институтов, родительный падеж). Та же грамматическая форма использована в диссертации Мироновой Н.И.

Последнее предложение на с.82 сборника статей: *«Все эти перемены носят характер периодически возникающих неустойчивостей, и выходят за рамки тезауруса линейной парадигмы»* - содержат ненормативную запятую между однородными сказуемыми, что полностью повторяет языковое оформление в диссертации Мироновой Н.И.

Все перечисленные совпадения на языковом уровне свидетельствует о единстве авторства двух предложенных для анализа текстов.

Считаем, что первичным является текст Мироновой Н.И. по следующим причинам:

1. Текст Мироновой Н.И. больше по объему и глубже по содержанию, представляет материал развернуто. Представленное в статье сокращение материала не требует ни тщательного изучения вопроса, ни значительных временных затрат, в отличие от обратного процесса – развертывания.
2. Текст диссертации Мироновой Н.И. представляется стилистически целостным, что в первую очередь проявляется в регулярном использовании определенной терминологии. Так, Миронова Н.И. на протяжении всего текста использует термины *неоклассический*, *постнеоклассический* применительно к тезаурусам, культурам управления: *«...существование в жизни и деятельности общества одновременно трех тезаурусов, трех культур управления: классической (линейной), неоклассической (организмической) и постнеоклассической (системной)»* (с.48) Текст же статьи Банных Г.А. содержит в рамках значительно меньшего объема различную терминологию. Причем (что принципиально важно) только что приведенное предложение содержится в тождественном виде и, соответственно, с тождественной терминологией в последнем абзаце на с.83 сборника статей, а в единственном абзаце Банных Г.А, которому не найдено соответствий в диссертации Мироновой Н.И., терминология уже иная: элемент *нео* заменен на *не* (*постнеклассическая наука*). То есть Банных Г.А. в

рамках одной статьи для обозначения тождественных понятий использует различные термины: постнеоклассический – в отрезке текста статьи, соответствующем тексту диссертации Мироновой Н.И., постнеклассический – в единственном отрезке текста статьи, не обнаруженном в диссертации Мироновой Н.И.

Вывод

Содержательный и стилистический сопоставительный анализ представленных на рассмотрение текстов позволил сделать вывод о том, что

- 1) их автором является одно лицо (вывод абсолютный, не требующий иных доказательств, кроме приведенных лингвистических);
- 2) текст диссертации Мироновой Н.И. первичен по отношению к тексту Банных Г.А. (вывод относительный, основанный исключительно на лингвистических доказательствах, требующий доказательств другими средствами).

кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и МПРЯ ЧГПУ,
руководитель Центра культуры речи

/Иваненко Г.С./

4.3. Определение нарушения патентных прав (использование товарного знака или фирменного наименования)

Лингвистическая экспертиза по установлению «тождества или сходства до степени смешения» фирменных наименований зиждется на весьма шатком фундаменте патентоведческой теории, не разъясняющей критерии «сходства до степени смешения». Предлагаются некоторые лингвистические подходы к решению проблемы.

Что является предметом лингвистического исследования в процессах по нарушению патентных прав?

В нашей практике лингвистическое исследование по процессам этого типа было востребовано в следующих случаях.

Во-первых, это судебные разбирательства по поводу использования одним предприятием товарного знака и/или фирменного наименования другого предприятия, зарегистрировавшего его ранее. Конечно, если бы эти наименования были абсолютно тождественны, лингвистическая экспертиза не понадобилась бы. В таких случаях, как правило, лингвисту поручают определить сущности и значимость этих различий.

Во-вторых, это ситуации, когда какой-либо производитель длительное время пользовался товарным знаком и /или фирменным наименованием, а когда наконец сделал его брендом и решил зарегистрировать, получил отказ от патентного комитета, поскольку аналогичное название уже запатентовано.

Различаются эти ситуации в правовом аспекте: в первом случае судятся два предприятия, во втором предприятие убеждает патентную комиссию. Лингвистическая же суть исследования в этих случаях идентична.

Предметом лингвистического исследования в процессах по нарушению патентных прав является установление параметров и степени сходства двух фирменных наименований и / или товарных знаков.

Как определить степень сходства фирменных наименований и / или товарных знаков?

Анализ нормативных документов позволил выделить ключевую фразу, определяющую процедуру сопоставления: «тождество или сходство до степени смешения». С тождеством все более или менее понятно, но вот что такое «сходство до степени смешения»? Разъяснения законодателя мало что дают: рекомендуется учесть фонетическое и семантическое сходство. У любого лингвиста возникает закономерный вопрос: почему из всех уровней языка внимание уделено только фонетическому и лексическому? А как же морфемный, морфологический и синтаксический, которые тоже участвуют в формировании такой номинирующей единицы, как наименование?

Анализ резолюций патентного комитета и заключений по этой теме других лингвистов позволил прийти к печальному выводу: какая-либо определенная методика, опирающаяся на сколько-нибудь четкие критерии, в данной сфере отсутствует. Непонятно, какое количество слов в названиях должно повториться, чтобы считать их сходными до степени смешения. Какое количество звуков в словах свидетельствует все о том же возможном смешении? В определенной мере все однокоренные слова похожи. Означает ли это, что, например, после первого зарегистрированного наименования все остальные с использованием однокоренного слова не имеют права на существование. А ведь ключевых слов, отражающих сущность какого-либо типа товара или услуги, очень немного. Например, для производителя окон закономерно название с использованием слова «окно» или «дом». Будут ли признаны сходными до степени смешения, например, названия фирм: «Мое окно» и «Теплое окно»? А «Мое окно» и «Окна дома моего»? Законодатель молчит. Научное обоснование также пока отсутствует.

Так каковы критерии «сходства до степени смешения»?

Повторяем, в правовом и лингвистическом поле они пока отсутствуют. В сложившейся ситуации можно усмотреть два положительных момента.

Во-первых, в отсутствие жестких рамок определяющих критериев, лингвист может свободно доказывать возникшее у него убеждение: «да, смешение этих наименований очень вероятно» или «нет, смешение этих наименований не представляется мне закономерным». Каждый ищет свои доказательства и пути убеждения, следовательно, вырабатывает свои критерии. В приложении к настоящему параграфу Вы увидите два исследования, в которых автор настоящей книги отразил свое представление о каждой из представленных на рассмотрение ситуаций. Использовались различные пути доказательства, в основе которых лежали различные критерии.

И второй плюс: данная тема является абсолютно неразработанной и может стать объектом самостоятельного и оригинального научного исследования, обладающего практической ценностью.

Лингвистическое исследование в судебном разбирательстве о нарушении патентных прав

!!! Обращаем внимание: оформление приведено не полностью, выпущены формальные характеристики, не имеющие отношения к собственно лингвистическому исследованию (сведения об эксперте, время производства). Образец полного оформления см. в приложении к разделу 2.3.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТА

06.06.07.

Г.Челябинск

Исследование выполнено по запросу генерального директора ООО «Трудовая копейка» Матвеевой И.Г.

Материал для анализа

1. Уведомление о результатах проверки соответствия заявленного обозначения требованиям законодательства.
2. Приложение к отчету об информационном поиске и выборе тождественных и сходных обозначений до степени смешения по заявленным товарам и услугам по заявке № 2005731968.

Вопрос, поставленный на разрешение лингвиста:

На основании уведомления о результатах проверки соответствия я комбинированного обозначения со словесными элементами «трудовая» «копейка» прошу Вас дать заключение в сходстве до степени смешения фонетически и семантически с другими словесными обозначениями: «копейка», с товарным знаком «копейка», с комбинированными товарными знаками, содержащими слова «копейка», с товарным знаком «трудовая», а также прошу Вас сделать сравнительный анализ нашего товарного знака «ТРУДОВАЯ КОПЕЙКА» с другими товарными знаками: «Копейка» и «Трудовая».

Лингвистический анализ

Для ответа на поставленный вопрос с лингвистических позиций нам необходимо сравнить отдельно взятые лексемы «трудовая» и «копейка» со словосочетанием «трудовая копейка» и на основании этого сравнения сделать вывод о степени сходства между этими элементами и о возможном смешении их потребителями, носителями языка.

Изучение нормативных документов привело к выводу, что четкие и однозначные критерии сходства до степени смешения не предлагаются. Речь идет о фонетическом и семантическом (то есть смысловом) сходстве. Не является оговоренным, какое количество звуков и в каких позициях должны совпадать в двух словах, формирующих два различных товарных знака, чтобы их можно было считать сходными до степени смешения. Еще меньше ясности с понятием семантического сходства. Известно, что смысловая близость может совершенно не совпадать с фонетической. Так, абсолютные синонимы (дублиеты) бегемот и гиппопотам обозначают одно и то же животное, то есть семантически они не просто близки, а тождественны, фонетически же они не имеют ничего общего. С другой стороны, фонетически тождественные «лук» и «луг» в результате фонетического закона оглушения с точки зрения семантической совершенно различны. Так какой же фактор считать определяющим?

В связи с отсутствием регламентации в определении степени сходства до степени смешения, при разрешении поставленного перед нами вопроса прибегнем к рассмотрению исследуемого явления с позиций всех языковых уровней. Это оправдано и по той причине, что и названные фонетический и семантический аспекты – два языковых уровня в ряду других, часть языковой системы как целого, и вполне естественно подойти к языковому факту комплексно и системно, то есть в соответствии с принципом уровневого анализа.

Любой языковой факт как многосторонняя сущность может быть рассмотрен на фонетическом, морфемном, лексико-семантическом и на синтаксическом уровнях, подойдем же с этих позиций и к рассматриваемому случаю.

Очевидно, что словосочетание «трудовая копейка» состоит из слов «трудовая» и «копейка». Сравнимые пары товарных знаков:

«ТРУДОВАЯ КОПЕЙКА» и «ТРУДОВАЯ»

«ТРУДОВАЯ КОПЕЙКА» и «КОПЕЙКА» -

полностью совпадают в одном слове и абсолютно не совпадают в другом.

Степень совпадения, таким образом, в количественном выражении можно оценить как пятидесятипроцентную (50%), что представляется недостаточным для признания возможности смешения.

В данном случае сравнение на уровне фонетики, морфемики и лексики является чрезвычайно простым и однозначным. Одно слово из двух товарного знака «ТРУДОВАЯ КОПЕЙКА» абсолютно тождественно лексически, морфемно, фонетически самостоятельному уже зарегистрированному ранее товарному знаку. Но это тождество кардинально, принципиально не сохраняется на уровне синтаксическом. Слово и словосочетание – две совершенно различные с точки зрения синтаксиса языковые единицы. Понятно, что при решении вопроса о сходстве или несходстве до степени смешения двух товарных знаков важно понять одно: идентифицирует ли потребитель определенный товарный знак с соответствующим производителем? Вопрос: возможно ли смешение двух названий? – представляется некорректным и не приводящим к реальным выводам, поскольку процесс сознания конкретного гипотетически предполагаемого потребителя непредсказуем. Перепутать при невнимании можно и совершенно непохожие слова (вспомним знаменитую Чеховскую «лошадиную фамилию»).

Поэтому необходимо при разрешении вопроса о сходстве товарных знаков использовать более четкие формальные критерии. Таким критерием является состав наименования. Слово и словосочетание, одно слово и два различаются явно, очевидно и бесспорно.

Необходимо учитывать и тот факт, что при всем лексическом богатстве русского языка в наименованиях и товарных знаках используются преимущественно слова, относящиеся к сильным концептам национального менталитета, то есть слова, с которыми связаны типичные и регулярные ассоциации, преимущественно обобщающего метафорического характера. Именно поэтому слово, например, «дом» активно используется в наименованиях (теплый дом, мой дом, наш дом, красивый дом и др.), а, например, слово «скамейка» - нет, хотя это и не исключено. Естественно также, что в

рамках определенной сферы деятельности для товарного знака избираются слова, которые прямо или косвенно указывают на характер предоставляемых услуг или производимых товаров. Круг этих ключевых, символически значимых слов ограничен. Так, по проведенному исследованию, на рынке аудиторских услуг г. Челябинска 30% наименований фирм содержат в своем составе компонент «аудит», что не помешало им быть зарегистрированными и не препятствует потребителям услуг по этой составной части «аудит» определять общую направленность деятельности фирмы, а по второй, индивидуальной, части названия, идентифицировать конкретную организацию, отличая одну от другой (Аудит-Консалт от Аудит-Центр). Различные СМИ для своего наименования активно используют слово «Новости» (Последние новости, Вечерние новости, Новости недели), что оправдано общим характером их деятельности.

Рассматриваемая ситуация аналогична описанной. Слово «КОПЕЙКА» - сильный концепт русского языка, с которым связана тема заработка, материального благосостояния. С этим словом связано много ассоциаций, в том числе национального характера, но в данном случае для нас важно, что именно это слово удачно отражает общий характер деятельности различных организаций довольно широкого спектра. Концепт «КОПЕЙКА» подходит для репрезентации рекламных агентств, банков, вообще всех организаций коммерческой направленности.

Слово «копейка» содержит самую широкую и общую для любой деятельности тему денег. Отметим, однако, что слово «деньги» в силу связанного с этим словом скрытого негатива (символ прагматизма, бездушия) не может быть так популярно в наименованиях, как слово «копейка», которое ориентирует на ту же тему, но лишено компонентов негативной оценочности. Поэтому не удивительно, что не один товарный знак содержит названный компонент. Он может рассматриваться как типовой. Индивидуализирующую функцию способно выполнить характеризующее слово, в нашем случае это прилагательное «Трудовая».

Избранное для товарного знака словосочетание «ТРУДОВАЯ КОПЕЙКА» построено по классической модели наименования: типовое по значению существительное и характеризующее индивидуализирующее прилагательное в препозиции

Челябинск – Вечерний Челябинск – Рабочий Челябинск – Театральный Челябинск – Челябинск информационный

Теплые окна – Любимые окна

Детский мир – Волшебный мир – Сказочный мир – Мир игрушек

Вывод:

Сопоставление двух пар товарных знаков:

ТРУДОВАЯ КОПЕЙКА и КОПЕЙКА

ТРУДОВАЯ КОПЕЙКА и ТРУДОВАЯ –

привело к выводу, что

- 1) совпадение их составляет в количественном выражении 50%, чего недостаточно для признания сходства до степени смешения;
- 2) одно слово в наименовании кардинально отличается от двух, создающих словосочетание, что препятствует признанию сходства до степени смешения;
- 3) регистрируемое наименование ТРУДОВАЯ КОПЕЙКА построено по типичной модели и имеет типовое, характерное для наименований на рынке товаров и услуг, отличие от наименований, содержащих один тождественный элемент – именно это отличие придает товарному знаку индивидуальность и не позволяет потребителю смешать его с другими.

Кандидат филологических наук, доцент

докторант кафедры русского языка ЧГПУ

/Иваненко Г.С./

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1) Александров А.С. Юридическая техника – судебная лингвистика – грамматика права/ А.С. Александров // Проблемы юридической техники. – Нижний Новгород, 2000.
- 2) Анисимов А.Л. Честь, достоинство, деловая репутация, гражданско – правовая защита/ А.Л. Анисимов. – М.,1994.
- 3) Апресян В.Ю. ИмPLICITная агрессия в языке / В.Ю. Апресян // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: материалы междунар. конференции «Диалог 2003». – М., 2003.
- 4) Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике/ Н.Д. Арутюнова //Известия АН СССР, Серия литературы и языка. – 1973б. – Т.32. – №1. – С.89.
- 5) Арутюнова Н.Д. Проблемы синтаксиса и семантики в работах Ч.Филмора / Н.Д. Арутюнова // ВЯ. – 1973а. – №1. – С.123.
- 6) Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт./ Н.Д. Арутюнова. – М.,1988.
- 7) Арутюнова Н.Д. Фактор адресата./ Н.Д. Арутюнова // Изв. АН СССР. Сер. ЛиЯ. – 1981.
- 8) Баранов А.Н. Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание / А.Н. Баранов, П.Б. Паршин // Роль языка в средствах массовой коммуникации. – М., 1986.
- 9) Бардина Н.В. Дискурсные технологии манипуляции сознанием / Н.В. Бардина // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 20-23 марта 2007г.): Труды и материалы / Сост. М.Л. Ремнева, А.А. Поликарпов. – М.: МАКС Пресс, 2007. – С.777.
- 10) Бельчиков Ю.А. Инвективная лексика в контексте некоторых тенденций в современной русской речевой коммуникации / Ю.Д. Бельчиков //Филологические науки. – 2002. – №4. – С.66 – 74.

- 11) Белявский А. Охрана чести и достоинства личности в СССР./ А.Белявский, Н. Придворнов.– М. – 1971. – С.55
- 12) Булыгина Е.Ю. Проявление языковой агрессии в СМИ / Е.Ю.Булыгина, Т.И. Стексова // Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии. – Барнаул, 2000.
- 13) Быкова О.Н. Речевая (языковая, вербальная) агрессия: Материалы к энциклопедическому словарю «Культура русской речи» / О.Н. Булыгина // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Вып. 1(8). – Красноярск, 1999.
- 14) Вепрева И.Т. Говори, думая (о некоторых очагах коммуникативного напряжения в СМИ) / И.Т. Вепрева // Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных и информационных спорах: Сборник материалов научно – практического семинара. – М., 2003.
- 15) Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке/ В.В. Виноградов //Труды института русского языка АН СССР. – Т.2. – М.-Л.,1950.
- 16) Галяшина Е.И. Лингвистика и речеведение в теории экспертизы спорных текстов / Е.И. Галяшина // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 20-23 марта 2007г.): Труды и материалы / Сост. М.Л. Ремнева, А.А. Поликарпов. – М.: МАКС Пресс, 2007. – С.778 – 779.
- 17) Гловинская М.Я. Типовые механизмы искажения смысла при передаче чужой речи / М.Я. Головинская // Лики языка. – М, 1998.
- 18) Голев Н.Д. «Герой капиталистического труда» – оскорбительно ли это звание?/ Н.Д. Голев // Юрислингвистика – 1: проблемы и перспективы: Межвуз. сб. науч. тр./ Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул, 1999а.
- 19) Голев Н.Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении / Н.Д. Голев // Юрислингвистика – 1: Проблемы и перспективы: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул, 1999б.

- 20) Голев Н.Д. Об объективности и легитимности источников лингвистической экспертизы / Н.Д. Голев // Юрислингвистика – 2: проблемы и перспективы / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд – во Алт. ун – та, 2000а.
- 21) Голев Н.Д. Юридизация естественного языка как юрислингвистическая проблема / Н.Д. Голев. // Юрислингвистика – 2: проблемы и перспективы./ Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд – во Алтайского ун – та, 2000б.
- 22) Голев Н.Д. Правовое регулирование речевых конфликтов и юрислингвистическая экспертиза конфликтогенных текстов / Н.Д. Голев // Правовая реформа в Российской Федерации: общетеоретические и исторические аспекты. – Барнаул, 2002.
- 23) Голев Н.Д. Юрислингвистический словарь инвективной лексики русского языка (к постановке проблемы)/ Н.Д. Голев // Материалы международной научной конференции, посвященной 85 – летию Томской диалектологической школы и 125 – летию Томского гос. ун – та. Вып.2, часть1. – С.92 – 97.
- 24) Голев. Н.Д. Юрислингвистическая экспертиза: на стыке языка и права/ Н.Д. Голев, О.Н. Матвеева // Сибирский филологический журнал. – 2003. – №1.
- 25) Голев Н.Д.. О специфике права в системе общенародного русского языка и ее юридического функционирования / Н.Д. Голев //Юрислингвистика – 5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд – во Алт. ун – та, 2004а. – С.41 – 59.
- 26) Голев Н.Д.. О специфике права в системе общенародного русского языка и ее юридического функционирования / Н.Д. Голев // Юрислингвистика – 5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд – во Алт. ун – та, 2004б. – С.41 – 59.
- 27) Голев Н.Д. Теоретические аспекты юридического функционирования русского языка / Н.Д. Голев // Русский язык: исторические судьбы и

современность: III Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 20-23 марта 2007г.): Труды и материалы / Сост. М.Л. Ремнева, А.А. Поликарпов. – М.: МАКС Пресс, 2007. – С.779 – 780.

28) Голованевский А.Л. Оценочность и ее отражение в политическом и лексикографическом дискурсах / А.Л. Голованевский. – 2002. – №3. – С.78 – 87.

29) Гридина Т.А. Принципы лингвокогнитивного анализа конфликтного высказывания / Т.А. Гридина, В. С. Третьякова // Юрислингвистика – 3: Проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул, 2002.

30) Грось Л. Еще раз о свободе мнения и защите чести / Л. Грось // Российская юстиция. – 1998. – №9.

31) Губаева Т. Экспертиза по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации // Т. Губаева, М. Муратов, Б. Пантелеев // Российская юстиция. – 2002. – №4.

32) Даньковский Х. Словесная агрессия / Х. Даньковский // Наука и жизнь. – 1995. – №6.

33) Демьянков В.З. Прагматические основы интерпретации высказывания. / В.З. Демьянков // Изв. АН СССР. Сер. ЛиЯ. – 1981.

34) Демьянков В.З.. Событие в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста / В.З. Демьянков // Изв. АН СССР. ОЛЯ. – 1983. – №4.

35) Дж.Л.Остин. Слово как действие / Дж. Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып.17. – М.,1986.

36) Доронина С.В. Инвективная функция насмешки и проблемы ее экспертной оценки / С.В. Доронина // Юрислингвистика – 3: Проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул, 2002.

37) Доронина С.В. Проблемы лингвистической квалификации речевого экстремизма / С.В. Доронина // Русский язык: исторические судьбы и

современность: III Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 20-23 марта 2007г.): Труды и материалы / Сост. М.Л. Ремнева, А.А. Поликарпов. – М.: МАКС Пресс, 2007. – С.780 - 781.

38) Жельвис В.И. Распространение порочащих слухов: поиски путей уклонения от судебного преследования. / В.И. Жельвис Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права // Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд – во Алт. ун – та, 2004а. – С.144 – 150.

39) Жельвис В.И. Брань в зеркале права: взгляд из Америки / В.И. Жельвис// Юрислингвистика – 5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд – во Алт. ун – та, 2004. – С.5 – 18

40) Жолковский А.К. И.А. Мельчук. К построению действующей модели языка смысл – текст / А.К. Жолковский, И.А. Мельчук // Машинный перевод и прикладная лингвистика, вып. 11. – М.,1969. – С.5–6.

41) Законодательство и практика средств массовой информации. – 1998. – N 7-8. – С. 24.

42) Залевская А.А.Понимание текста./ А.А. Залевская. – Калинин, 1988.

43) Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. – М: Изд – во Московского университета,1976. – 307с.

44) Иваненко Г.С. Лингво – правовая герменевтика / Г.С. Иваненко // 21 век: итоги прошлого и проблемы настоящего/ Межвузовский сборник научных трудов – Пенза: ПТИ, 2004а. – С.264 – 269

45) Иваненко Г.С. Лингвистические средства реализации инвективного (оскорбительного) намерения / Г.С. Иваненко // Язык. Культура. Коммуникация/ Материалы международной научной конференции. – Челябинск, 2004б. – С.75 – 77.

46) Иваненко Г.С. Анализ модальности текста при разрешении информационного конфликта / Г.С. Иваненко //Язык. Культура. Коммуникация: Материалы второй международной научной конференции.

Челябинск, 26 февраля 2005г. /Отв. ред. Нестеров А.П. – Челябинск, 2005а. – С.108 – 110.

47) Иваненко Г.С. Понятие утверждения в юрислингвистике / Г.С. Иваненко // Материалы региональной конференции «Актуальные проблемы русского языка», посвященной 70 – летию ЧГПУ/ Под общей ред. Гашевой – Челябинск: Юж. – Урал. книж. изд – во, 2005б. – С.468 – 472.

48) Иваненко Г.С. Цель лингвистической экспертизы в процессах по защите чести и достоинства / Г.С. Иваненко // Проблемы филологии в синхронии и диахронии. Сб. статей к юбилею профессора Л.А. Глинкиной/ Отв. ред. С.Г. Шулежкова. – Челябинск: Изд – во ООО «Полиграф – Мастер», 2005в. – С.338 – 346.

49) Иваненко Г.С. Языковая амфиболия в правовом контексте / Г.С. Иваненко // Правовед: Материалы международной научной конференции «Право в парадигме междисциплинарного подхода/ Отв. ред. Б.Н. Ковалев. – Новгород: Изд – во Новгородского госуниверситета, 2005г. – С.23 – 28.

50) Иваненко Г.С. Адекватное прочтение документа: лингвистический аспект / Г.С. Иваненко // Материалы Вероссийской научной конференции «Документ в парадигме междисциплинарного подхода»/ Отв. редактор Ларькова Н.С. – Томск: Изд – во Томского гос.ун – та, 2005д – С.27 – 32

51) Иваненко Г.С. Отражение в информационных конфликтах противоречия личных, корпоративных и публичных интересов / Г.С. Иваненко // Публичное, корпоративное, личное право: проблемы конфликтности и перспективы консенсуальности: Материалы международной научно – теоретической конференции/ Под общей ред. В.П. Сальникова, Р.А.Ромашова, Н.С. Нижник: В 2ч. – СПб.: Санкт – Петербургский университет МВД России, 2005е. – Ч.2. – С.259 – 264.

52) Иваненко Г.С. О перспективах развития теории модальности / Г.С. Иваненко // Виноградовские чтения – 2005: Материалы Всероссийской научно – практической конференции – Тобольск: Изд – во Тобольского гос.пединститута им. Менделеева, 2005ж. – С.76 – 78.

- 53) Иваненко Г.С. Грамматическая категория модальности и реалии действительности / Г.С. Иваненко // Язык и мышление: Психологический и лингвистический аспекты. Материалы 6 – ой всероссийской научной конференции / Отв. редактор А.В. Пузырев – М.,Ульяновск: Институт языкознания РАН;Ульяновский государственный университет, 2006а. – С.42 – 43.
- 54) Иваненко Г.С. Правовое регулирование информационного поля / Г.С. Иваненко // Конкурентоспособность России и качество жизни: Материалы 23 Международной научно – практической конференции / Урал. соц. – экон. ин – т АТиСО. – Челябинск, 2006б. – Ч. 5. – 352с. – С.120 – 125.
- 55) Иваненко Г.С. Грамматическая категория модальности в ее отношении к действительности / Г.С. Иваненко // Вестник Челябинского государственного педагогического университета / – Челябинск, 2006в. – №3. – с.98 – 108.
- 56) Иваненко Г.С.Определение информационной природы конфликтного высказывания / Г.С. Иваненко // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2006»/Под ред. Н.И.Лауфер,А.С.Нариньяни,В.П.Селегея. – М.: Изд – во РГГУ, 2006г. – С191 – 195.
- 57) Иваненко Г.С. Структура лингвистической экспертизы в процессах по защите чести, достоинства, деловой репутации/ Г.С. Иваненко // Юрислингвистика – 6: Материалы Международной научно – практической конференции «Русский язык и современное Российское право»/Под. ред. Н.Д. Голева. – Барнаул, 2006д.
- 58) Иваненко Г.С. Смысл текста как предмет лингвистического анализа при разрешении информационного конфликта / Г.С. Иваненко //Культура народов Причерноморья. – Научный журнал. – №82 т.1. – 2006г. – С.177 – 179.
- 59) Иваненко Г.С. Речевые конфликты, разрешаемые в судебном порядке / Г. С. Иваненко //Речевые конфликты и проблемы современной российской

политики: Тезисы докладов Всероссийской научной конференции. – Екатеринбург, 2006д. – С.27-29.

60) Иваненко Г.С. Лингвистическая экспертиза в процессах по защите чести, достоинства, деловой репутации: Монография. – Челябинск: Издательство ООО «Полиграф-Мастер», 2006. – 229с.

61) Капленко В.Н. Инвективность открытая и скрытая / В.Н. Капленко // Юрислингвистика-3. – Барнаул, 2002.

62) Касьянюк Т.Н. К вопросу о предмете лингвистической экспертизы по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации / Т.Н. Касьянюк // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 20-23 марта 2007г.): Труды и материалы / Сост. М.Л. Ремнева, А.А. Поликарпов. – М.: МАКС Пресс, 2007. – С. 784 - 785.

63) Кнышев В. Вопросы защиты чести и достоинства в практике Верховного Суда РФ / В.Кнышев // Законодательство и практика средств массовой информации. – 1997. – № 12(40). – С. 6.

64) Кондрашова Д.С. Теория сегментной репрезентации дискурса для решения задач судебной лингвистической экспертизы при извлечении из текста имплицитной информации / Д.С. Кондрашова // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2006»/Под ред. Н.И.Лауфер, А.С.Нариньяни, В.П.Селегея. – М.: Изд – во РГГУ, 2006 . – С275 – 279.

65) Котов А.А. Теоретические основания для определения речевого средства воздействия // Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд – во Алт. ун – та, 2004. – С.151-162.

66) Лебедева Н.Б. О метаязыковом сознании юристов и предмете юрислингвистики (к постановке проблемы)/ Н.Б. Лебедева // Юрислингвистика – 2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. – Барнаул, 2000.

- 67) Левин Ю.И. О семиотике искажения истины / Ю.И. Левин // Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода. – Вып 4. – М., 1974.
- 68) Любимов Н.А. Конституционное право России: лингвистический аспект: автореф. дис. ...канд. юр. наук./ Н.А. Любимов. – М., 2002.
- 69) Малеина М.Н. Право на имя /М.Н. Малеина //Государство и право. – 1998. – №5.
- 70) Матвеева О.Н. К вопросу о юридизации конфликтного текста/ О.Н. Матвеева // Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд – во Алт. ун – та, 2004.
- 71) Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл \Leftrightarrow Текст». / И.А. Мельчук. – М., 1999.
- 72) Морозова Т.С. Категория вежливости/грубости и ее реализация в русском языке: приемы, реализующие невежливую речевую ситуацию / Т.С. Морозова // Функциональная лингвистика. Итоги и перспективы: Материалы конференции. – Ялта,2000. – С.169 – 172.
- 73) Муццинина М.М.. О правовой лингвистике в Германии и Австрии/ М.М. Муццинина // Юрислингвистика – 5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд – во Алт. ун – та, 2004. – С.18 – 30.
- 74) Николаева Т.М. Событие как категория текста и его грамматические характеристики/ Т.М. Николаева // Структура текста. – М.,1980.
- 75) Новиков А.И.Семантика текста и ее формализация/ А.И. Новиков. – М., 1983.
- 76) Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью / Е.В. Падучева – М.,1985.
- 77) Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива) / Е.В. Падучева. – М., 1996.

- 78) Падучева Е.В. Дейксис: общетеоретические и прагматические аспекты / Е.В. Падучева, С.А. Крылов //Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики: сб. обзоров. – М., 1984.
- 79) Падучева Е.В. Пресуппозиция/ Е.В. Падучева // Русский язык. – М.: Большая научная энциклопедия, 2003. – С.374-375.
- 80) Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсультов / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. – М.:Медея, 2004. – 104с.
- 81) Поляков С. Свобода мнения и защита чести / С.Поляков //Российская юстиция – 1997. – №4.
- 82) Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации / Отв.ред. – А.К. Симонов, Научн.ред. – А.Р. Ратинов. – М.: Права человека. – 1997.
- 83) Понятия чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. Изд. 2 – е, перераб. и доп./ Под ред. А.К. Симонова и М.В. Горбаневского. – М.: Медея,2004. – 328с.
- 84) Потапенко С. Свобода мнения и защита чести / С.Потапенко // Российская юстиция. – 2001. – N 7.
- 85) Прадид Ю.Д.. Юридическая лингвистика в Украине : вчера. сегодня, завтра / Ю. Д. Прадид // Юрислингвистика – 5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд – во Алт. ун – та, 2004. – С.31 – 40.
- 86) Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации. – Екатеринбург, 1997.
- 87) Санников В.З. Об истории и современном состоянии русской языковой игры // ВЯ. – 2005. – №4. – С.3 – 21.
- 88) Саржина О.В.. Различие языковых кодов коммуникантов как конфликтообразующий фактор (на примере инвективных имен лица / О.В.

Саржина // Юрислингвистика – 5 / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул, 2004. – С.107 -118.

89) Сковородников А.П. Языковое насилие в современной российской прессе / А.П. Сковородников // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Научно-метод. бюлл. Вып. 2. – Красноярск; Ачинск, 1996.

90) Слово – не воробей: Материалы информационного спора // Взгляд: Ежеквартальный аналитический бюллетень Фонда защиты гласности. – №1. – М., 2003.

91) Степанов Ю.С. В поисках прагматики / Ю.С. Степанов // Изв. АН СССР. Сер. ЛиЯ – 1981. – №4.

92) Стернин И.А. Введение в речевое воздействие /И.А. Стернин.– Воронеж, 2001.

93) Суслов И.П. Коммуникативно – прагматическая лингвистика и ее единицы / И.П. Суслов //Прагматика и семантика синтаксических единиц. – Калинин.,1984. – С.7 – 8.

94) Тарланов З.К. Методы и принципы лингвистического анализа. – Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского университета, 1995. – 200с.

95) Третьякова В.С. Речевой конфликт и гармонизация общения / В.С. Третьякова. – Екатеринбург, 2002.

96) Фефилов А.И. Модально – прагматическая интерпретация чужого высказывания / А.И. Фефилов // Филологические науки. – 1991. – №1. – С.64 – 73.

97) Хворостин Д.В. Скрытые компоненты смысла высказывания: автореф. дисс...канд. филол. наук / Д.В. Хворостин. – Челябинск, 2006. – 22с.

98) Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / Под ред. проф. М.В. Горбаневского – 2 – е изд., испр. и доп. – М.: Галерея, 2002. – 336 с.

- 99) Честь, достоинство и репутация: Журналистика и юриспруденция в конфликте (результаты исследования и материалы конференции). – М., 1998. – 102с.
- 100) Чехов А.С. О типах референциальной неоднозначности высказывания / А.С. Чехов // Машинный перевод и прикладная лингвистика, в.20. – М.,1980.
- 101) Чумаков Г.М. Чужая речь как лингвистическая категория и проблемы грамматики, лексикологии, стилистики / Г.М. Чумаков // АКД. – Днепропетровск, 1977. – С.14.
- 102) Шарифуллин Б.Я. Языковая экспансия, языковая агрессия и языковая демагогия / Б.Я. Шарифуллин // Проблемы развития речевой культуры педагога: Тез. регион. научно-практич. семинара. – Томск, 1997.
- 103) Шарифуллин Б.Я. Инвектива: лингвистика vs. юриспруденция, или лингвистика atque юриспруденция / Б.Я. Шарифуллин // Вестник Красноярского ун-та. Гуманитарная серия. Вып. 2. – Красноярск, 2000.
- 104) Шарифуллин Б.Я. Обценная лексика: терминологические заметки / Б.Я. Шарифуллин // Речевое общение: Вестник Российской риторической ассоциации. №1(9). – Красноярск, 2000а.
- 105) Шарифуллин Б.Я.. Языковая агрессия и языковое насилие в свете юрислингвистики: проблема инвективы / Б.Я. Шарифуллин // Юрислингвистика-5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – С.126-137.
- 106) Шашкова В.А. Коммуникативно – целевая специфика и особенности модального плана текстов учебно – дидактического характера: автореферат дисс... канд. филол. наук / В.А. Шашкова. – Орел, 2006. – 24с.
- 107) Эрделевский А.М. Утверждение о факте и выражение мнения – понятия разного рода / А.М. Эрделевский // Российская юстиция. – 1997. – N 6. – С.17.

- 108) Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда / А.М. Эрделевский – М.,1996.
- 109) Юрислингвистика – 1: проблемы и перспективы: Межвуз. сб. науч. тр./ Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул, 1999.
- 110) Юрислингвистика – 2: русский язык в его естественном и юридическом бытии / Под. ред. Н.Д. Голева. – Барнаул, 2000.
- 111) Юрислингвистика – 3: проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвуз. сб. науч. тр./ Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул, 2002.
- 112) Юрислингвистика – 5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд – во Алт. ун – та, 2004. – 370 с.
- 113) Berteloot Pascale. Der Rahmen juristischer Übersetzungen. // de Groot, Gérard – René; Schulze, Reiner [Hrsg.]. Recht und Übersetzen. Baden – Baden: Nomos, 1999, S. 101–113.

Научное издание

Иваненко Галина Сергеевна

**НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ
ЯЗЫКА И ПРАВА**

Из практики производства судебных
лингвистических экспертиз

Монография

Подписано к выпуску 29.12.2017. Формат 60×88/8.

Уч.-изд. л. 11,62.

Электронное издание для распространения через Интернет.

ООО «ФЛИНТА», 117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б, комн. 324.

Тел./факс: (495) 334-82-65; тел.: (495) 336-03-11.

E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru